

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

28 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 28 (631) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Жорес Иванович Алфёров* (1930–2019), советский и российский ученый-физик, политический деятель.

Жорес Иванович Алфёров родился в Витебске. Свое необычное имя будущий нобелевский лауреат получил в честь французского социалиста Жана Жореса. Семья его часто переезжала вслед за новыми назначениями по службе отца — Ивана Карповича, который работал директором различных комбинатов целлюлозной и деревообрабатывающей промышленности. Поэтому Жорес нередко менял школы. В 1947 году юноша окончил среднюю школу № 42 в Минске с золотой медалью и поступил на энергетический факультет Белорусского политехнического института.

Окончив первый курс в Минске, Жорес Алфёров вслед за новым назначением отца переехал в Ленинград и перевелся в Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ) на факультет электронной техники. Там он сходу включился не только в учебу, но и в студенческую жизнь: в составе стройотряда принимал участие в строительстве Красноборской ГЭС в Ленинградской области. Алфёров также возглавил студенческое научное общество факультета, работал в вакуумной лаборатории, где и проводил свои первые научные исследования. Темой его работ стали плёночные полупроводниковые элементы.

В 1952 году Жорес с красным дипломом окончил институт по специальности «электровакуумная техника». Как отличнику, ему дали направление в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ) для подготовки кандидатской диссертации и участия в разработке первых советских транзисторов.

Алфёров устроился в лабораторию Владимира Тучкевича, которая работала над получением монокристаллов чистого германия и созданием на их основе диодов и триодов. Он очень быстро стал первоклассным специалистом по квантовой физике полупроводников. За несколько лет группа ЛФТИ, в которую входил Алфёров, создала кремниевые солнечные батареи, германиевые силовые выпрямители, транзисторы на уровне лучших мировых образцов. Весной 1958 года лаборатория В. М. Тучкевича получила важный правительственный заказ по разработке полупроводниковых устройств для первой советской атомной подводной лодки. За выполнение этого заказа в 1959 году сотрудники лаборатории, в том числе и Алфёров, были награждены орденами и медалями.

На основе проведенных исследований в 1961 году Алфёров защитил кандидатскую диссертацию, посвященную германиевым и кремниевым мощным выпрямителям.

В 1968–1969 годах на базе своего открытия гетероструктур на основе арсенида галлия и арсенида алюминия Алфёров создал первый в мире гетеролазер, разрабатывал двойные гетероструктуры, имеющие колоссальное преимущество перед обычными. Одновременное открытие оптического волокна с малыми потерями привело к бурному развитию оптоволоконных систем связи. Открытые Ал-

фёровым гетероструктуры нашли применение в качестве солнечных батарей на космических спутниках и станциях. В 1970 году ученый стал доктором наук, в 1979 году — академиком. С 1973 по 2004 годы местом работы Алфёрова была кафедра оптоэлектроники ЛЭТИ. В сфере его научных интересов оказались исследования свойств наноструктур.

В 1995 году Алфёров со своими сотрудниками успешно испытали инжекционный гетеролазер на квантовых точках, работающий в непрерывном режиме при комнатной температуре.

Также со времен перестройки ученый принимал активное участие в политической жизни страны. Он неоднократно избирался депутатом Государственной Думы.

В 2000 году Алфёров стал первым российским лауреатом Нобелевской премии после распада СССР. Фактически Нобелевская премия была присуждена Алфёрову за то, что он и сотрудники его лаборатории буквально за десять лет (1963–1973) реализовали все основные схемотехнические идеи, создавшие основу для большинства современных систем генерации, контроля и управления когерентными световыми потоками в гетероструктурах на основе GaAs–AlAs.

В 2001 году Жорес Алфёров организовал Фонд поддержки образования и науки (Алфёровский фонд).

С 2003 года Алфёров занимал пост председателя Научно-образовательного комплекса «Санкт-Петербургский физико-технический научно-образовательный центр» РАН.

В 2005 году Жоресу Алфёрову была присуждена одна из самых престижных мировых премий «Глобальная энергия».

Вклад Алфёрова в современную физику был признан мировым научным сообществом. Сверхвысокочастотные усилители сотовых телефонов, плоские экраны мониторов и телевизоров, инфракрасные компьютерные порты, лазерные декодеры особо надёжных грузовых меток, мощные светодиодные прожекторы, светофоры, автомобильные фары, проигрыватели компакт-дисков — все эти устройства используют специализированные модификации гетерогенных лазеров. Без лазерных диодных транзисторов для оптоволоконных сетей невозможна была бы работа современного интернета.

Жорес Алфёров умер 1 марта 2019 года от острой сердечно-лёгочной недостаточности. Церемония прощания прошла 5 марта в Санкт-Петербургском научном центре РАН, в тот же день ученый был похоронен на Комаровском кладбище под Петербургом. В его память была выпущена памятная почтовая марка, названы школы и гимназии в Минске, Витебске, Архангельске. 16 апреля 2019 года в Санкт-Петербурге в холле Академического университета, основанного Алфёровым, открыли памятник этому великому ученому.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абатуров Е. М.

Особенности расследования неправомерного доступа к компьютерной информации..... 153

Абдусамадова Х. З.

Особенности производства административных дел в судах общей юрисдикции 155

Аджамян А. Н.

Значение фактического прекращения семейных отношений при разделе имущества супругов 158

Акимова И. Ю., Марчукайтис А. С.,

Брусенцов А. А., Филатов П. В.,

Калашникова У. С.

Административная ответственность: теоретические и практические аспекты..... 164

Антипова С. С., Говарунова К. Д.,

Рослякова В. А., Цыцова А. А.,

Чередниченко А. В.

График отпусков в судебной практике 166

Антипова С. С., Говарунова К. Д.,

Рослякова В. А., Чередниченко А. В.

Правосознание работника и работодателя: понятие, структура, содержание 169

Ахмедов М. А.

Конституционная трансформация образовательных ценностей 171

Ахмедов М. А.

Влияние глобализации на конституционное восприятие высшего образования 173

Бакина Ю. А., Родченко Е. А.

Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства по статье 171 УК РФ: объект незаконного предпринимательства 175

Бакланова М. М.

Цифровая валюта как объект банковского контроля: проблемы квалификации и пути легализации оборота 177

Бондарь А. С.

Мониторинг деятельности страховых медицинских организаций как инструмент повышения эффективности финансового контроля..... 179

Бочков В. М.

Ответственность судей при необоснованном отказе в применении обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства ответчика 183

Вижевитова Ю. Г.

Процедура обжалования решений Роспатента и аннулирования регистрации 187

Волкова В. А.

Злоупотребление процессуальными правами стороной защиты как способ затягивания сроков рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции 188

Говарунова К. Д., Рослякова В. А.,

Туманова В. Ю., Чередниченко А. В.

Роль постановлений и определений Конституционного Суда РФ в области трудовых отношений 192

Гоцик А. М.

К вопросу о причинах бытовой коррупции..... 195

Дармаев Ц. З.

Проблемы реализации прокурором полномочий по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве 197

Даурова С. Б.

Государственная поддержка бизнеса в Российской Федерации: правовые механизмы и проблемы правоприменения..... 200

Дзюба Н. П.

Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за посягательства на права граждан и пути совершенствования законодательства 204

Евтых А. Х.

Правовое регулирование обеспечения прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий 206

Зубцов В. И.

Иск участника корпорации к третьему лицу
о взыскании убытков в пользу корпорации:
анализ закона и судебной практики 209

Карташова А. Е.

Становление института наследования
в Древней Руси: от обычая к закону..... 211

Карташова А. Е.

Признание брака недействительным
по мотиву недостижения брачного возраста:
проблемы правовой оценки в регионах
с пониженным брачным порогом..... 213

Карташова А. Е.

Реформа наследственного права Петра I:
Указ о единонаследии 1714 года 215

Карташова А. Е.

Трудоустройство российских граждан
за рубежом: правовые проблемы
и механизмы защиты 216

Карташова А. Е.

Особенности заключения и прекращения
трудового договора с иностранным
работником 218

Кирсанова М. А., Обоймова А. М.

Правовое регулирование франчайзинга
в России 219

Колесников И. А., Тюлькин И. М.

Место нотариата в системе
правоохранительных органов Российской
Федерации 222

Колесников И. А., Тюлькин И. М.

Основные подходы к понятию финансовой
системы России 223

Колесников И. А., Тюлькин И. М.

Понятие и уголовно-правовое значение
вменяемости как признака субъекта
преступления 224

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности расследования неправомерного доступа к компьютерной информации

Абатуров Егор Михайлович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует криминалистические и уголовно-процессуальные особенности расследования неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Анализирует современное состояние преступности в сфере информационных технологий, проблемные аспекты квалификации, а также специфику тактики производства следственных действий и использования цифровых следов. На основе анализа научной литературы и правоприменительной практики предлагает рекомендации, направленные на повышение эффективности расследования данного вида преступлений в условиях стремительной цифровизации общественных отношений.

Ключевые слова: неправомерный доступ, компьютерная информация, расследование преступлений, криминалистическая характеристика, цифровые следы, допрос, компьютерно-техническая экспертиза, ст. 272 УК РФ.

Цифровая революция, охватившая все сферы жизнедеятельности современного общества, обусловила перевод значительной части общественных отношений в виртуальное пространство. Данный процесс, однако, имеет и обратную сторону, детерминируя неуклонный рост числа компьютерных правонарушений. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 году было зарегистрировано более 765 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Примечательно, что количество преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), увеличилось в 2024 году практически в 2,9 раза по сравнению с 2023 годом и более чем в 11 раз — по сравнению с 2022 годом. При этом доля таких преступлений в общей структуре преступности в 2024 году достигла 39,9 % [1].

Несмотря на очевидную распространенность, раскрываемость и расследуемость данной категории дел остаются на крайне низком уровне. Число лиц, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, за период с 2009 по 2019 год варьировалось от 0,02 до 0,04 % от общего числа осужденных [2]. Одной из основных причин сложившейся ситуации является высокая сложность доказывания преступлений, совершаемых с применением информационных технологий, что обуславливает необходимость комплексного научного исследования особенностей их расследования [3, 4].

Статья 272 УК РФ устанавливает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компью-

терной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. Законодатель не дает легального определения понятия «неправомерный доступ», что порождает многочисленные дискуссии в науке и правоприменительной практике [5, 6].

Ключевым признаком предмета преступления выступает его принадлежность к компьютерной информации, под которой понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Отличительная особенность такой информации — ее представление в машиночитаемом виде, то есть в форме, доступной для восприятия человеком только посредством специальных устройств.

Вторым существенным признаком является охраняемость законом. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 37 от 15.12.2022 разъяснил, что к охраняемой законом относится информация, для которой установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ либо установлена обязательность соблюдения конфиденциальности. Однако в научной литературе высказывается обоснованное мнение о необходимости расширения толкования этого признака, поскольку в условиях цифровизации общедоступная информация также нуждается в защите от преступных посягательств, а ее исключение из предмета ст. 272 УК РФ представляется необоснованным [7].

Особую сложность для квалификации представляет определение неправомерности доступа. В литературе предлагается выделять два критерия правомерности: тех-

нический (наличие у пользователя логинов, паролей, электронных ключей) и юридический (наличие специального полномочия на доступ к информации). Доступ должен признаваться правомерным только при одновременном соблюдении обоих критериев. Например, сотрудник организации, имеющий легальный доступ к базе данных в силу трудовой функции, но осуществивший выборку информации за пределами своих должностных полномочий, может быть признан субъектом преступления по ст. 272 УК РФ [8].

Криминалистическая характеристика неправомерного доступа к компьютерной информации представляет собой систематизированное описание наиболее типичных криминалистически значимых элементов преступной деятельности, знание которых необходимо для определения направлений расследования, выдвижения следственных версий и принятия процессуальных решений [9].

Центральным элементом криминалистической характеристики является способ совершения преступления, который может быть классифицирован по характеру доступа к информации:

Непосредственный доступ — физический контакт с компьютерным оборудованием или машинным носителем информации.

Опосредованный (удаленный) доступ — осуществление неправомерных действий через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет.

Смешанный доступ — комбинация обоих способов.

Удаленный способ совершения преступления является доминирующим, что обуславливает ряд особенностей: дистанционность, трансграничный характер, высокую степень анонимности субъектов преступления [10]. Современные технологии (VPN-сервисы, виртуальные номера, криптовалюты) создают условия для практически полной сокрытости личности правонарушителя в цифровом пространстве.

Для преступлений данного вида характерна высокая латентность. Потерпевшие зачастую не осведомлены о факте противоправного воздействия либо обнаруживают его совершение слишком поздно. Кроме того, нежелание обращаться в правоохранительные органы может быть обусловлено чувством стыда, репутационными рисками для коммерческих организаций либо низким уровнем доверия к способности правоохранительных органов эффективно расследовать подобные инциденты.

Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации требует адаптации традиционных следственных действий к условиям цифровой среды и использования специальных знаний в области информационных технологий [11].

В условиях киберпространства возникает правовая и методическая неопределенность относительно того, что именно может считаться местом совершения преступления. При хакерской атаке под местом происшествия может пониматься: место нахождения злоумышленника, адрес физического размещения серверов, место нахо-

ждения потерпевшего либо локация, в которой осуществлялось обналичивание похищенных средств.

Осмотр в цифровой среде направлен на обнаружение так называемых цифровых следов, которые подразделяются на активные (информация, вводимая пользователем осознанно) и пассивные (информация, автоматически генерируемая программным обеспечением). К числу цифровых следов относятся дампы оперативной памяти и сетевого трафика, файлы и их фрагменты, а также служебная информация о них.

Допрос обвиняемых по делам о компьютерных преступлениях имеет существенную специфику, обусловленную технической сложностью деяний и особенностями поведения киберпреступников [12]. Основные трудности связаны с использованием специальной терминологии, которую следователь может не понимать. В этих условиях возникает необходимость привлечения специалиста для интерпретации высказываний допрашиваемого.

Однако участие специалиста в допросе может иметь негативные последствия: затруднение установления доверительного контакта со следователем, а также создание у допрашиваемого впечатления о некомпетентности следователя, что может провоцировать его на введение в заблуждение.

Успешность допроса напрямую зависит от комплексной подготовки, включающей анализ материалов дела, изучение личности допрашиваемого, обеспечение технической оснащенности и тщательное планирование.

Выемка электронных устройств (персональных компьютеров, носителей информации) требует обеспечения сохранности данных и правильного документирования. Следователю необходимо решать вопрос об обоснованности изъятия каждого конкретного устройства, а процедура изъятия подвержена риску утраты информации в результате некорректных действий либо воздействия внешних факторов.

Для выявления и извлечения цифровых доказательств применяются различные программно-аппаратные комплексы, такие как «Мобильный криминалист», UFED Touch и XRY. Однако криминалисты сталкиваются с проблемой отсутствия универсального способа извлечения и анализа информации, а также с трудностями работы в анонимных сетях типа DarkNet и закрытых мессенджерах, серверы которых находятся за пределами юрисдикции РФ.

Цифровые доказательства принципиально отличаются от традиционных криминалистических следов. Они не обладают такими признаками, как запах, постоянная форма и другие атрибуты, позволяющие идентифицировать их владельца. Цифровые следы изменчивы и сложны по структуре, могут быть получены и правильно интерпретированы только с применением специальных знаний.

Значимую роль в расследовании играет анализ метаданных файлов (дата создания, автор, местоположение), а также исследование IP-адресов, позволяющих установить местоположение пользователя, его интернет-провайдера и используемые устройства [13].

Существенной проблемой остается отсутствие эффективных механизмов получения информации из зарубежных интернет-платформ и мессенджеров, которые не предоставляют исходный код и не отвечают на запросы государственных органов безопасности.

Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации представляет собой сложный, трудоемкий и ресурсозатратный процесс, требующий от следователя не только глубоких знаний уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и понимания основ информационных технологий. Основными проблемами, препятствующими эффективному расследованию, остаются:

Сложность квалификации деяний ввиду несовершенства законодательной техники и отсутствия легального определения ключевых понятий.

Высокая латентность преступлений и нежелание потерпевших обращаться в правоохранительные органы.

Трансграничный характер и анонимность субъектов преступлений.

Трудности обнаружения, изъятия и интерпретации цифровых следов.

Отсутствие эффективного международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью.

Для повышения эффективности расследования необходима дальнейшая разработка частных криминалистических методик, создание криминалистических учетов цифровых доказательств, разработка специализированного программного обеспечения в виде систем поддержки принятия решений, а также совершенствование законодательства в части унификации понятийного аппарата и устранения пробелов правового регулирования.

Литература:

1. Катаев С. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации 2025.
2. Верецагина А. В. К вопросу о предмете неправомерного доступа к компьютерной информации // Научный журнал Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020.
3. Берова Д. М. Расследование киберпреступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2.
4. Низаева С. Р. Структурно-содержательный анализ элементов криминалистической характеристики неправомерного доступа к компьютерной информации 2021.
5. Попов А. Н. О предмете преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ.
6. Батюшкин М. В. Неправомерность доступа к компьютерной информации 2021.
7. Харисова З. И. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации // Правовое государство: теория и практика 2025.
8. Цибизов М. А., Муравлев Н. В. Использование цифровых следов в расследовании киберпреступности // Сибирский юридический университет.
9. Яковлев Д. С. Специфика тактики допроса обвиняемых по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Проблемы правовой и технической защиты информации 2026.
10. Баишев Д. А. Особенности расследования кибермошенничества молодой ученый 2025.

Особенности производства административных дел в судах общей юрисдикции

Абдусаматова Хадижат Залбековна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются сущность и характерные особенности административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, а также порядок их разрешения в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Рассматриваются ключевые категории дел, отнесенные к компетенции данных судов, подчеркивается специфика их рассмотрения, в том числе перераспределение бремени доказывания и особая активная роль суда в установлении обстоятельств. Отдельное внимание уделяется научной дискуссии о процессуальном статусе дел об административных правонарушениях и их месте в системе судопроизводства. В работе сформулированы выводы о значимости административного судопроизводства как самостоятельной отрасли процессуального права и обозначена необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования для устранения существующих пробелов и противоречий.

Ключевые слова: административное судопроизводство, суды общей юрисдикции, административные дела, Кодекс административного судопроизводства (КАС РФ), административные правонарушения, публично-правовой спор, процессуальное право.

Features of administrative case proceedings in general jurisdiction courts

The article analyzes the essence and characteristics of administrative cases considered by courts of general jurisdiction, as well as the procedure for resolving them in accordance with the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAP RF). It examines the key categories of cases that fall within the jurisdiction of these courts, highlighting the specific features of their consideration, including the redistribution of the burden of proof and the court's active role in establishing the circumstances. Special attention is given to the scientific discussion on the procedural status of administrative offenses and their place in the judicial system. The paper formulates conclusions on the significance of administrative proceedings as an independent branch of procedural law and outlines the need for further improvement of legislative regulation to eliminate existing gaps and contradictions.

Keywords: administrative proceedings, courts of general jurisdiction, administrative cases, Code of Administrative Procedure (CAS of the Russian Federation), administrative offenses, public law dispute, procedural law.

Проблема охраны прав и свобод граждан от незаконных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления всегда была и будет актуальной. Отношения, в которых одна сторона обладает властными полномочиями, а другая являет собой гражданина или организацию, в своей основе всегда имеют определенные противоречия, причиной которых является «перевес» в пользу более «сильной» стороны, обладающей властными полномочиями. Чтобы уравновесить положение сторон в данном случае, необходимо разработать особые механизмы защиты интересов более слабой стороны правоотношений. Одним из таких механизмов является административное судопроизводство.

Конституция РФ в статье 46 закрепляет право каждого на судебную защиту, что объективно усиливает значение судов общей юрисдикции при разрешении публично-правовых конфликтов [1]. Именно эти суды выступают первой инстанцией для подавляющего большинства дел, возникающих в административно-правовой сфере. Вместе с тем вплоть до последнего десятилетия правовое регулирование процедур рассмотрения подобных дел оставалось недостаточно разработанным. Это обуславливало пробелы в обеспечении гарантий для физических и юридических лиц при их взаимодействии с органами публичной власти.

Знаковым этапом в развитии процессуальной базы стало принятие 8 марта 2015 года Федерального закона № 21-ФЗ, утвердившего Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [2]. Введение КАС РФ фактически означало институционализацию новой отрасли — административного процессуального права. Кодекс установил самостоятельный порядок судебного разбирательства административных дел в судах общей юрисдикции и Верховном Суде РФ, закрепив на законодательном уровне положение об административном судопроизводстве, впервые сформулированное еще в Конституции 1993 года. В результате был выстроен целостный процессуальный механизм судебного контроля в публично-правовой сфере, что позволило разграничить его с гражданским процессом. [5, с. 3].

Особенностью административных дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, является их публич-

но-правовая природа. В отличие от гражданско-правовых конфликтов, где стороны выступают в равном положении, здесь суд выполняет не только функцию арбитра, но и роль контролирующего органа, проверяющего соответствие действий власти закону. Характерной чертой выступает и разнообразие категорий споров, которые затрагивают разные сферы взаимодействия государства и общества: социальное обеспечение, налоговую сферу, избирательный процесс и другие.

Значимой особенностью административного судопроизводства считается перераспределение бремени доказывания в пользу заявителя. В соответствии с ч. 4 ст. 62 КАС РФ обязанность обосновать правомерность своих решений или действий возлагается именно на государственный орган, а не на гражданина. В научной литературе это рассматривается как проявление ориентированности всего института на защиту личности. На практике подобное правило означает, что в случае отсутствия достаточных доказательств со стороны административного органа суд склонен принимать решение в пользу частного лица. Показательным примером является дело о неправомерном отказе в назначении социальной выплаты, где суд признал отказ незаконным ввиду отсутствия надлежащего обоснования со стороны учреждения.

Классификация административных дел может осуществляться по разным критериям. По субъектному составу выделяются споры, где ответчиками выступают органы власти, должностные лица, муниципальные образования или организации, наделенные публичными полномочиями. По характеру требований различаются дела об оспаривании нормативных и ненормативных актов; дела, связанные с действиями или бездействием органов власти; споры о защите публичных прав (например, избирательных); дела превентивного характера, включая госпитализацию или помещение в специальные учреждения; дела компенсационного характера, касающиеся присуждения выплат за нарушение разумных сроков судопроизводства. В научной традиции также выделяются административно-исполнительные дела, связанные с применением мер государственного принуждения, и административно-оспорительные, инициируемые гражданами для защиты собственных прав [6, с. 163].

Подготовительная стадия административного процесса направлена на создание условий для всестороннего и своевременного рассмотрения дела. На этом этапе судья проверяет полноту представленных материалов, при необходимости запрашивает дополнительные документы, решает вопросы о привлечении к делу третьих лиц, назначении экспертиз, а также о возможном объединении или разделении заявленных требований. По итогам подготовки выносится определение о назначении дела к судебному разбирательству. В отдельных ситуациях, до начала основного слушания, проводится предварительное заседание, в ходе которого рассматриваются ходатайства участников, уточняются спорные обстоятельства или предпринимаются попытки примирения сторон. Закон не устанавливает жестких временных рамок для этой стадии, поскольку продолжительность подготовки зависит от сложности конкретного дела, однако общее требование заключается в том, чтобы она была завершена в максимально короткий срок. После выполнения всех необходимых процессуальных действий судья приступает к проведению основного судебного заседания.

Стадия судебного разбирательства является ключевой, поскольку именно на этом этапе исследуются доказательства и устанавливаются фактические обстоятельства дела. Процедура регулируется нормами главы 14 КАС РФ и во многом напоминает гражданский процесс, однако административные споры имеют свои особенности. Принцип активной роли суда выделяется как фундаментальная черта: судья не ограничивается функцией арбитра, а вправе по собственной инициативе запрашивать документы у органов власти, назначать экспертизы и вызывать свидетелей, если это необходимо для установления объективной истины. Такая активность обусловлена тем, что гражданин-заявитель нередко оказывается в менее защищённом положении, и задача суда — обеспечить баланс интересов. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость проверки всех обстоятельств, даже тех, которые стороны не затрагивали, особенно по социально значимым категориям дел. Активная позиция суда тем самым становится гарантией защиты прав гражданина и законности в действиях органов власти.

Итогом рассмотрения дела является вынесение решения. В законную силу решение вступает после истечения срока на апелляцию. Решение может быть обжаловано в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. Завершающей стадией выступает исполнение судебного акта, которое осуществляется службой судебных приставов в соответствии с законодательством об исполнительном производстве. КАС РФ также закрепляет возможность пересмотра вступивших в силу решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам [6].

Особое значение имеет и участие специфических субъектов процесса. В административных делах прокурор вправе выступать как инициатор обращения в суд в защиту неопределенного круга лиц или государственных интересов, так и вступать в уже начатое разбирательство.

Это позволяет обеспечивать защиту публичных интересов в тех случаях, когда у граждан отсутствует возможность эффективно отстаивать свои права. Например, прокурор может предъявить иск в интересах жильцов аварийного дома, требуя от властей устранить угрозу его обрушения [1]. Кроме того, законодатель предусматривает возможность участия органов государственной власти или местного самоуправления для дачи заключения по делу (ст. 47 КАС РФ), что также подчеркивает публично-правовой характер рассматриваемых споров.

Процессуальные гарантии в административном судопроизводстве построены с учетом неравенства сторон — гражданина и государства. Заявителю предоставляется возможность изменять предмет или основания иска, отказываться от требований, заключать мировое соглашение, однако реализация этих прав находится под контролем суда, чтобы исключить ущерб общественным интересам. Ответчик в лице органа власти обязан действовать добросовестно и своевременно представлять суду необходимую информацию. Тем самым закрепленные в КАС РФ процедуры направлены на поддержание справедливого баланса: суд обеспечивает защиту прав частного лица, одновременно сохраняя объективность и учитывая значимость публичного интереса.

В системе российского процессуального права традиционно различают четыре вида судопроизводства: конституционное, гражданское, уголовное и административное (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ). Таким образом, административное судопроизводство конституционно закреплено как самостоятельная форма осуществления судебной власти наряду с другими основными процессами. Вместе с тем в науке на протяжении последних десятилетий ведётся активная дискуссия о пределах этого понятия, в особенности в отношении включения в него дел об административных правонарушениях, регулируемых КоАП РФ [3]. Возникла ситуация, когда Конституция и доктрина относят административное судопроизводство ко всей совокупности публично-правовых споров, тогда как КАС РФ фактически исключает дела о привлечении к административной ответственности. Это создало неопределенность в отношении статуса таких дел в общей классификации судебных процессов.

Существуют два противоположных подхода к данной проблеме. Согласно первой позиции, даже если дело об административном правонарушении рассматривается судом, оно сохраняет характер особой формы административно-юрисдикционного процесса, отличной от административного судопроизводства в строгом смысле. Представители этой точки зрения (Л. Л. Попов, Ю. Б. Аникеенко, Н. В. Новоселова и др.) полагают, что судебное разбирательство по делам о правонарушениях не обладает всеми признаками правосудия в классическом понимании и ближе к административной юрисдикции, реализуемой в судебной форме [5, с. 113]. Иными словами, предлагается выделить производство по КоАП РФ в отдельный вид, не относя его напрямую к административному судопроизводству.

Вторая позиция опирается на конституционное правило о том, что судебная власть реализуется только в пределах четырех видов судопроизводства. Следовательно, если дела об административных правонарушениях рассматриваются судами, они не могут быть выведены за рамки административного процесса. Сторонники этого подхода (А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов, А. М. Волков, Е. А. Лютягина и др.) отмечают, что такие дела обладают всеми признаками полноценного судебного разбирательства и представляют собой разновидность административных споров, поскольку возникают из публичных правоотношений, связанных с применением санкций [8, с. 653]. Конституция не закрепляет их в качестве отдельного вида судопроизводства, что подтверждает их принадлежность именно к административному процессу. Эта точка зрения получила поддержку не только в административно-процессуальной, но и в гражданско-процессуальной доктрине. Так, в современном учебнике по административному судопроизводству под ред. В. В. Яркова подчеркивается отсутствие достаточных оснований рассматривать судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях как самостоятельную процессуальную форму [4, с. 528].

В итоге можно сделать вывод, что административное судопроизводство в широком конституционно-правовом понимании охватывает все категории публично-правовых дел, рассматриваемых как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. К ним относятся как споры, подпадающие под действие КАС РФ, так и дела об административных правонарушениях. Исторический опыт подтверждает такую позицию: до принятия КАС РФ в 2015 году обжалование решений о привлечении к административной ответственности осуществлялось судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства и рассматривалось именно как осуществление правосудия. В современных условиях эти дела не были включены в КАС РФ, что привело к фрагментарности процессуальных норм. В результате производство по делам, регулируемым КоАП РФ, в судах общей юрисдикции по-прежнему осуществляется по правилам, рассчитанным одновременно на суды и на административные органы, что приводит к смешению судебных и внесудебных процедур. С научной и практической точки зрения это свидетельствует о недостаточной согласованности законодательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 4 октября 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 9, 03.03.2014, ст. 851.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 09.03.2015. — № 10. — ст. 1391.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 1, (часть I), 07.01.2002, ст. 1.
4. Административное судопроизводство: учебник для студентов юрид. высш. учеб. заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / отв. ред. В. В. Ярков. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — 682 с.
5. Аникеев Ю. Б., Новоселова Н. В. Административно-деликтное право: учеб. пособие / под общ. ред. С. Д. Хазанова. — М.: Инфра-М, 2022. — 293 с.
6. Завитова С. В. Проблемы соотношения и разграничения видов судопроизводства, подсудности и компетенции гражданских и административных дел // *Ius Publicum et Privatum*. — 2021. -№ 2(12). — С. 133–137.
7. Зеленцов А. Б. Частное лицо как субъект административного права // Административное право и процесс. — 2025. — № 2. — С. 3–21.
8. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Демократические основы советского социалистического правосудия / под ред. М. С. Строговича. — М.: Наука, 1965. — 392 с.

Значение фактического прекращения семейных отношений при разделе имущества супругов

Аджамян Арина Норайровна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В работе рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при разделе имущества между супругами, фактически прекратившими семейные отношения. Особое внимание получили вопросы, связанные с материально-правовыми и процессуальными аспектами, имеющими юридическое значение при рассмотрении спора в суде. В статье исследуется понятие «фактическое прекращение семейных отношений», рассматриваются фактические обстоятельства, подлежащие доказыванию, анализируется состав доказательств по таким делам.

Ключевые слова: фактическое прекращение семейных отношений, раздел имущества, ведение раздельного хозяйства, распределение обязанностей по доказыванию.

The significance of the de facto termination of the marital relationship in the division of marital property

The paper discusses current issues that arise during the division of property between spouses who have actually terminated their marital relationship. Special attention is given to the legal and procedural aspects that are relevant in court proceedings. The article explores the concept of «actual termination of marital relationship», examines the factual circumstances that need to be proven, and analyzes the evidence required in such cases.

Keywords: actual termination of family relations, division of property, separate household management, and distribution of proof obligations.

Институт раздела общего имущества супругов базируется на фундаментальном принципе семейного права — законном режиме совместной собственности, возникающем с момента государственной регистрации заключения брака и презюмируемом вплоть до его расторжения. Вместе с тем, формально-юридический критерий нахождения в зарегистрированном браке не всегда коррелирует с фактическим содержанием семейных отношений. В правоприменительной практике получили распространение ситуации, при которых супруги, сохраняя официальный брачный союз, фактически прекращают личные и имущественные отношения. Указанный разрыв между юридической формой и фактическим состоянием отношений порождает существенную коллизию, требующую разрешения в рамках раздела имущества, нажитого в данный период.

Семейный кодекс Российской Федерации допускает возможность раздела совместного имущества до расторжения брака, однако не содержит легальной дефиниции фактического прекращения семейных отношений и не устанавливает четких критериев, позволяющих отграничить временную ссору или длительное раздельное проживание от окончательного распада семьи [1]. Данный пробел восполняется судебной практикой, в первую очередь разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, который признает, что имущество, приобретенное супругами в период раздельного проживания при прекращении семейных отношений, может быть разделено как общее лишь в случае, если в его приобретение вкладывались совместные средства или усилия [2]. Тем не менее, вопрос о моменте, с которого семейные отношения считаются фактически прекращенными, о бремени доказывания и о правовых последствиях такого прекращения остается дискуссионным в доктрине семейного права и неоднозначно решается судами.

Н. Н. Тарусина в своей монографии «Семейное право: очерки из классики и модерна», затрагивая проблематику «фактического развода», идентифицировала его как «факт-состояние», имеющее значение в трех различных ситуациях: как основание иска об определении места жительства ребенка при раздельном проживании супругов,

фактически утративших брачную сущность, или при отсутствии их соглашения по этому вопросу; в качестве признаваемого судом основательного мотива для расторжения брака; как предпосылка для признания судом имущества, нажитого каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них (согласно п. 4 ст. 38 СК РФ). Работа Н. Н. Тарусиной заложила важную теоретическую основу для понимания фактического прекращения брачных отношений как сложного правового явления, имеющего значение в разных категориях семейных споров [3].

Е. А. Усачева в своем исследовании «Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов» систематизировала правовые последствия фактического прекращения брачных отношений и распределила их на две основные группы. К первой группе относится смещение временных границ законного режима имущества. Фактическое прекращение брачных отношений сужает временные рамки действия законного режима общей совместной собственности. Имущество, нажитое супругами в период фактического прекращения отношений при раздельном проживании, может быть признано собственностью каждого из них на основании п. 4 ст. 38 СК РФ. Ко второй группе — изменение презумпций в отношении доходов от общего имущества. После фактического прекращения отношений происходит переход от презумпции совместного использования доходов, полученных от реализации общей собственности, к презумпции их распределения. Это означает, что доходы, полученные одним из супругов после распада семьи, считаются его личными, если не доказано иное [4].

Фактическое прекращение брачных отношений представляет собой период, когда супруги прекращают совместное проживание, не ведут общего хозяйства, не имеют общих финансов и взаимной поддержки, а также не поддерживают супружеских отношений. Определение момента фактического прекращения брака имеет ключевое значение для раздела имущества, поскольку имущество, нажитое после фактического прекращения отношений, но

до официального развода, может быть признано личной собственностью каждого из супругов в соответствии с пунктом 4 статьи 38 СК РФ. Кроме того, установление данного факта необходимо для признания брачного договора недействительным, оспаривания действий супруга, совершённых после фактического разрыва, а также для взыскания алиментов или признания брака расторгнутым в судебном порядке.

Ключевое значение для правильного разрешения дел о расторжении брака имеет определение предмета доказывания. Теоретическая значимость доказывания фактического прекращения брачных отношений обусловлена необходимостью трансформации бытовых обстоятельств в юридически значимые факты, обладающие свойствами относимости и допустимости. Особый интерес вызывает вопрос о распределении бремени доказывания и о допустимости использования косвенных доказательств для подтверждения отрицательных обстоятельств. Из-за этого в науке и практике сложился устойчивый перечень признаков, подлежащих проверке и подтверждению в каждом конкретном деле.

Основными признаками фактического прекращения брачных отношений, которые доказываются в суде, являются раздельное проживание, отсутствие общего бюджета и ведения совместного хозяйства, отсутствие взаимной заботы, уважения, общих досуга и быта, наличие у каждого из супругов своих доходов и расходов, а иногда и вступление в фактические брачные отношения с другим лицом.

Момент фактического прекращения определяется судом на основе совокупности доказательств, таких как свидетельские показания, переписка, документальное подтверждение раздельного проживания и раздельных финансов. В п. 16 Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15, которое имеет решающее значение при разделе имущества супругов, отмечено, что если после того, как семейные отношения фактически прекратились и общее хозяйство больше не велось, супруги совместно имущество не приобретали, то суд при разделе может учесть только то имущество, которое являлось их общей совместной собственностью именно на момент прекращения ведения общего хозяйства [5]. Это означает, что дата фактического прекращения семейных отношений становится точкой отсчета для определения состава имущества, подлежащего разделу. Имущество, приобретенное каждым из супругов в период их раздельного проживания после этого момента, по общему правилу, уже не признается совместно нажитым и может быть признано собственностью каждого из них. При этом сам факт прекращения семейных отношений устанавливается судом в каждом конкретном случае на основе оценки всех обстоятельств дела. При этом не считается фактическим прекращением брака временные разлуки, вызванные командировками, лечением или учёбой, а также обычные семейные конфликты без реального раздельного проживания.

Доказывание фактического прекращения брачных отношений сводится к установлению объективных крите-

риев распада семьи при сохранении формального брака. Бремя доказывания лежит на инициаторе спора, который должен представить совокупность косвенных доказательств. Такими доказательствами могут служить финансовые документы о раздельных расходах, переписку, показания свидетелей, акты о непроживании по месту нахождения другого супруга. Суд, в свою очередь, оценивает их в совокупности и приходит к выводу об утрате элементов семьи с конкретного периода времени, что позволяет в точности установить необходимые для разрешения спора обстоятельства. Таким образом, фактическое прекращение брачных отношений — это объективно существующий и подлежащий доказыванию период полного разрыва семейных связей между супругами при сохранении юридической силы брака.

Критерии признания факта прекращения семейных отношений были разъяснены Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Согласно пункту 16 указанного постановления, если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд в соответствии с пунктом 4 статьи 38 СК РФ может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства. Таким образом, ключевым критерием является не столько формальное раздельное проживание, сколько прекращение ведения общего хозяйства, отсутствие общего бюджета и взаимной поддержки.

Для применения пункта 4 статьи 38 СК РФ и признания имущества, приобретенного после фактического распада семьи, личной собственностью каждого из супругов, необходимо доказать совокупность определенных условий. Юридически значимыми обстоятельствами, подлежащими доказыванию в судебном порядке, являются: во-первых, фактическое прекращение семейных отношений между супругами, что предполагает отсутствие взаимной заботы, уважения, общих интересов и супружеских отношений; во-вторых, раздельное проживание супругов, которое может подтверждаться разными адресами регистрации или фактического проживания; в-третьих, прекращение ведения общего хозяйства, что выражается в отсутствии совместного бюджета, раздельных расходах на питание, коммунальные услуги, приобретение вещей, а также в отсутствии общего имущества, приобретаемого для совместного пользования.

В судебной практике в качестве доказательств, подтверждающих указанные обстоятельства, используются свидетельские показания, переписка между супругами, документы, подтверждающие раздельное проживание и раздельные финансы, договоры купли-продажи, кредитные договоры, заключенные одним из супругов для приобретения спорного имущества, паспорта транспортных средств, выписки из ЕГРН, а также документы,

подтверждающие выплату дивидендов от участия в юридических лицах в период после фактического прекращения брачных отношений. Важно отметить, что временные разлуки, связанные с командировками, лечением, учебой, а также обычные семейные конфликты без реального раздельного проживания и прекращения ведения общего хозяйства, не могут рассматриваться как фактическое прекращение семейных отношений для целей применения пункта 4 статьи 38 СК РФ.

Правовые последствия признания факта прекращения семейных отношений и установления момента фактического распада семьи имеют принципиальное значение для определения режима собственности на имущество, приобретенное в период после этого момента, но до официального расторжения брака. Главное последствие заключается в том, что такое имущество может быть признано судом личной (раздельной) собственностью того супруга, который его приобрел, и не подлежит разделу на общих основаниях как совместно нажитое имущество. При этом разделу подлежит только то имущество, которое являлось общей совместной собственностью супругов ко времени прекращения ведения общего хозяйства. Это означает, что, если один из супругов после фактического распада семьи приобрел квартиру, автомобиль, акции или иное имущество за счет собственных средств, без участия другого супруга и не в интересах семьи, такое имущество не войдет в состав общей совместной собственности и не будет делиться при разводе. Аналогичный подход применяется и к доходам, полученным каждым из супругов в период после фактического прекращения семейных отношений, — такие доходы признаются личным имуществом того супруга, который их получил. При этом, если доход получен за период совместного проживания в браке, ситуация кардинально меняется. Так, по одному из дел, Судебная коллегия ВС РФ, исправляя неверное применение норм материального права нижестоящими инстанциями, указала, что спорные денежные средства являлись доходом от трудовой деятельности, осуществляемой Шумигой В. Ю. в период брака с истцом до фактического прекращения семейных отношений, а поэтому на них не может распространяться режим раздельной собственности [6].

Судебная практика также учитывает, что, если после фактического прекращения отношений супруги продолжали совместно использовать какие-либо объекты недвижимости или иного имущества, вносили средства на его улучшение или обслуживание, это может свидетельствовать о сохранении режима совместной собственности.

Важным аспектом является разграничение последствий фактического прекращения семейных отношений и юридического расторжения брака. Имущество, приобретенное после фактического распада семьи, но до момента государственной регистрации расторжения брака в органах ЗАГС (или до вступления в законную силу решения суда о расторжении брака), по общему правилу презюмируется совместной собственностью супругов, од-

нако эта презумпция может быть опровергнута при доказывании факта прекращения семейных отношений и ведения раздельного хозяйства. В отличие от этого, имущество, приобретенное после официального расторжения брака, уже не может быть признано совместной собственностью бывших супругов, за исключением случаев, когда оно было приобретено с использованием средств, полученных в период брака (например, если заработная плата была начислена в период брака, но фактически выплачена после развода).

Судебная практика также выработала позицию, согласно которой факт выдачи одним из супругов нотариально удостоверенного согласия на отчуждение находящегося в совместной собственности недвижимого имущества не исключает обязанности другого супруга, которым это имущество было продано до расторжения их брака, но после фактического прекращения между ними семейных отношений, передать половину вырученных от его продажи денежных средств бывшему супругу. Это подтверждает, что сам по себе факт раздельного проживания не освобождает супруга от обязанности действовать в интересах семьи при распоряжении имуществом, которое было нажито до момента фактического прекращения отношений.

Признание имущества, приобретенного после фактического распада семьи, личной собственностью каждого из супругов — это право, а не обязанность суда. Семейный кодекс использует формулировку «суд может признать», что означает возможность для суда в каждом конкретном случае оценивать все обстоятельства дела и принимать решение, исходя из принципов справедливости и разумности. Например, если после фактического прекращения отношений один из супругов продолжал использовать общие денежные средства (например, снимал деньги с общего вклада) для приобретения имущества на свое имя, суд может не признать такое имущество его личной собственностью, поскольку оно было приобретено за счет общего имущества супругов. Аналогично, если супруги после фактического раздельного проживания продолжали совместно нести расходы на приобретение какого-либо объекта (например, вносили платежи по ипотеке из общих доходов), такой объект может быть признан совместной собственностью. Следовательно, для защиты своих имущественных прав супругу, желающему доказать, что имущество, приобретенное в период после фактического распада семьи, является его личной собственностью, необходимо представить суду убедительные доказательства того, что приобретение осуществлялось исключительно за счет его собственных средств, без какого-либо участия другого супруга, и не в интересах семьи.

Признание факта прекращения семейных отношений и установление его момента позволяет трансформировать режим совместной собственности в режим раздельной или долевой собственности на имущество, приобретенное после этого момента, что соответствует принципу справедливости и учитывает реальное положение дел

в отношениях между супругами. Для применения данного механизма требуется активная процессуальная позиция заинтересованного супруга, сбор и представление доказательств, подтверждающих фактическое прекращение семейных отношений, раздельное проживание и прекращение ведения общего хозяйства, а также доказательств того, что спорное имущество было приобретено именно в этот период и за счет личных средств приобретателя. При успешном доказывании указанных обстоятельств суд может признать такое имущество личной собственностью каждого из супругов, что исключает его раздел при расторжении брака и позволяет каждому из бывших супругов сохранить имущество, приобретенное в период после фактического распада семьи, но до официального расторжения брака.

В рамках спора о разделе имущества, приобретенного в период после фактического распада семьи, законодательство и судебная практика устанавливают две ключевые правовые презумпции, которые напрямую влияют на распределение бремени доказывания.

Во-первых, действует фундаментальная презумпция, закрепленная в пункте 1 статьи 34 Семейного кодекса РФ и пункте 1 статьи 256 Гражданского кодекса РФ: все имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено или кем внесены денежные средства. Данная презумпция является опровержимой и имеет ключевое значение для распределения бремени доказывания: сторона, утверждающая, что имущество, приобретенное в период брака (в том числе после фактического прекращения отношений), является ее личной (раздельной) собственностью, обязана это доказать. Именно на эту сторону возлагается бремя опровержения презумпции совместной собственности, что подтверждается и зарубежной судебной практикой, согласно которой «имущество, приобретенное любым из супругов во время брака, презюмируется совместным, и бремя доказывания того, что оно является раздельным, лежит на стороне, утверждающей это».

Во-вторых, в контексте фактического прекращения брачных отношений применяется специальная презумпция, вытекающая из пункта 4 статьи 38 СК РФ, которая предоставляет суду право признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них. Данная норма создает правовую возможность для трансформации режима совместной собственности в режим раздельной, но при этом презумпция совместной собственности продолжает действовать до тех пор, пока не будет доказано обратное. Иными словами, по общему правилу имущество, приобретенное после фактического распада семьи, но до развода, все еще считается совместным, однако бремя доказывания того, что оно должно быть признано личным имуществом одного из супругов, возлагается на того, кто на это ссылается.

Распределение бремени доказывания строится следующим образом. Супруг, претендующий на признание конкретного имущества, приобретенного после фактического прекращения отношений, своей личной собственностью, должен доказать совокупность юридически значимых обстоятельств. Во-первых, необходимо подтвердить сам факт прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства до момента приобретения спорного имущества. Во-вторых, требуется доказать, что имущество было приобретено исключительно за счет личных средств этого супруга, без использования общих доходов или имущества другого супруга. В-третьих, необходимо показать, что приобретение не осуществлялось в интересах семьи.

В качестве допустимых доказательств могут выступать свидетельские показания о раздельном проживании и отсутствии общего бюджета, документы о раздельных доходах и расходах, договоры купли-продажи, кредитные договоры, заключенные одним из супругов, а также переписка, подтверждающая конфликтный характер отношений и отсутствие взаимной поддержки. При этом важно учитывать, что сам по себе факт раздельного проживания не является достаточным для автоматического признания имущества личной собственностью — необходимо доказать именно прекращение ведения общего хозяйства и отсутствие общих финансов.

Российское семейное законодательство не устанавливает специального повышенного стандарта для опровержения презумпции совместной собственности в контексте фактического прекращения отношений. По общему правилу действует стандарт «баланса вероятностей» (*preponderance of evidence*), то есть достаточность представленных доказательств должна убедить суд в том, что факт прекращения отношений и приобретения имущества за счет личных средств является более вероятным, чем обратное. Однако в зарубежной практике встречаются подходы, требующие «ясных, убедительных и неопровержимых доказательств» (*clear, cogent and convincing evidence*) для опровержения презумпции совместной собственности, либо установлено, что презумпция, влияющая на бремя доказывания, может быть опровергнута только письменным соглашением сторон или ясным заявлением в правоустанавливающем документе.

В российской практике суды оценивают доказательства по внутреннему убеждению, и хотя формально повышенный стандарт не требуется, на практике для опровержения презумпции совместной собственности необходима достаточно убедительная совокупность доказательств, поскольку сама презумпция является сильным правовым инструментом защиты интересов обоих супругов.

В отношениях между супругами действует презумпция доверительных отношений (фидуциарности), что может влиять на распределение бремени доказывания при оспаривании сделок между ними. Как отмечается в зарубежной практике, «поскольку супруги находятся в доверительных отношениях друг с другом, когда внутрисупружеская

сделка дает преимущество одному из супругов перед другим, возникает презумпция ненадлежащего влияния». Это означает, что если один из супругов после фактического прекращения отношений, но до развода, совершил сделку в свою пользу (например, перевел общие средства на свой счет или приобрел имущество исключительно на свое имя), другой супруг может оспорить такую сделку, ссылаясь на злоупотребление доверием, и бремя доказывания добросовестности может сместиться на супруга, совершившего сделку.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что общая схема распределения бремени доказывания выглядит следующим образом: истец (супруг, требующий раздела имущества) должен доказать, что имущество было приобретено в период брака (что презюмируется датой приобретения). Ответчик (супруг, утверждающий, что имущество является его личной собственностью, поскольку приобретено после фактического прекращения отношений) должен доказать: факт прекращения семейных отношений до момента приобретения имущества; раздельное проживание и отсутствие общего хозяйства на момент приобретения; приобретение имущества за счет собственных, а не общих средств; отсутствие намерения использовать имущество в интересах семьи. При этом суд оценивает все доказательства в совокупности и вправе признать имущество личной собственностью каждого из супругов, если представленные доказательства будут признаны достаточными для опровержения презумпции совместной собственности. В случае, если супруг не сможет представить убедительных доказательств, имущество, даже приобретенное после фактического распада семьи, будет разделено по общим правилам как совместно нажитое.

Так, суды нижестоящих инстанций, рассматривая среди заявленных требований требование по встречному иску об исключении денежных средств из общего имущества супругов, в связи с тем, что семейные отношения между сторонами прекращены в феврале 2014 года, оставили без внимания юридически значимые обстоятельства. В связи с чем, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, указала, «что отказ суда в удовлетворении исковых требований И. о разделе денежных средств, имевшихся на банковских счетах С., в связи с их отсутствием на момент подачи искового заявления и рассмотрения дела с учетом вывода суда о прекращении фактических семейных отношений сторон до обращения И. с иском в суд, требованиям за-

кона и разъяснениям по его применению не отвечает. По данному делу юридически значимым и подлежащим доказыванию обстоятельством являлось выяснение вопроса о сумме находившихся на банковских счетах супруга денежных средств к моменту фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства. Между тем данное обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения спора, суд оставил без установления и правовой оценки».

Для унификации подходов к разрешению споров об имуществе, нажитом после фактического распада семьи, необходимо законодательно закрепить четкие критерии прекращения семейных отношений, ключевым из которых следует считать финансовую автономию супругов. Целесообразно ввести опровержимую презумпцию: раздельное проживание более года без ведения общего хозяйства позволяет суду признавать имущество, приобретенное каждым из супругов в этот период, их личной собственностью. Бремя доказывания обратного (использования общих средств или сохранения семейных отношений) должно возлагаться на другого супруга. Также необходимо разъяснение того, что сделки по распоряжению общим имуществом, совершенные в период фактического разрыва без нотариального согласия второго супруга, являются оспоримыми с перераспределением бремени доказывания добросовестности на супруга-приобретателя.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что действующее семейное законодательство и судебная практика признают фактическое прекращение брачных отношений в качестве юридически значимого обстоятельства, позволяющего отступить от презумпции совместной собственности супругов на имущество, приобретенное в период после распада семьи, но до официального развода. Ключевым критерием для трансформации режима совместной собственности в раздельную или долевую является доказанная совокупность фактов: раздельное проживание, прекращение ведения общего хозяйства, отсутствие общего бюджета и взаимной поддержки. При этом бремя доказывания этих обстоятельств возлагается на супруга, претендующего на признание имущества личным, что создает значительные процессуальные сложности. Выявлено, что единообразные подходы к определению момента фактического прекращения отношений отсутствуют, а оценочный характер норм пункта 4 статьи 38 Семейного кодекса РФ порождает неоднородность судебной практики.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) / «Российская газета», N 17, 27.01.1996.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Официальный интернет-портал правовой информации — СПС «КонсультантПлюс» — пункт 16, с изм. и доп. в ред. от 06.02.2007 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961

3. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна: монография / Яросл. гос. ун-т; Н. Н. Тарусина — Ярославль: ЯрГУ, 2009—616 с. // URL: <https://rucont.ru/efd/237533> (дата обращения: 22.06.2026).
4. Усачева Е. А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 91–111. DOI:10.17323/2072–8166.2022.4.91.111. (дата обращения: 22.06.2026).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2021 N 5-КГ21–101-К2 // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2024 N 18-КГ23–221-К4 (УИД 23RS0041–01–2019–000814–98) // СПС КонсультантПлюс.

Административная ответственность: теоретические и практические аспекты

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Марчукайтис Алексей Сергеевич, студент магистратуры;
Брусенцов Александр Алексеевич, студент магистратуры;
Филатов Павел Валерьевич, студент магистратуры;
Калашникова Ульяна Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется институт административной ответственности как комплексное правовое явление, объединяющее теоретические основы и правоприменительные проблемы. Анализируются понятие, признаки и юридическая природа административной ответственности, рассматриваются принципы её установления и применения. Особое внимание уделяется составу административного правонарушения, проблемам толкования объективной и субъективной сторон, а также системе административных наказаний и критериям их соразмерности. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и актуальных изменений законодательства выявляются основные направления совершенствования правового регулирования в целях обеспечения справедливости и эффективности административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, состав правонарушения, принципы ответственности, административные наказания, судебная практика, КоАП РФ.

Административная ответственность представляет собой вид юридической ответственности, охватывающий отношения в области государственного управления, обеспечения правопорядка, безопасности и соблюдения административных правовых норм [1, с. 115]. Её юридическая природа неразрывно связана с понятием административного правонарушения, которое служит фактическим основанием для применения мер государственного принуждения.

К числу ключевых признаков административной ответственности относятся: нормативная определённости (установление составов правонарушений и санкций исключительно законодательными актами); процессуальный характер реализации (применение в рамках производства по делам об административных правонарушениях); множественность субъектов юрисдикции (суды, органы исполнительной власти, их должностные лица); относительно невысокая степень общественной опасности по сравнению с преступлениями [1, с. 118].

В условиях активного реформирования отечественного законодательства об административной ответственности особую актуальность приобретает вопрос о принципах, на которых должен строиться данный институт.

Институт административной ответственности должен основываться на общих принципах публичного управления и юридической ответственности.

Принципы административной ответственности выступают основополагающим элементом публично-правовой ответственности. В научной доктрине обоснованно выделяются две группы принципов: принципы установления административной ответственности (адресованные законодателю) и принципы применения административной ответственности (закреплённые в законодательстве и используемые правоприменительными органами) [1, с. 205].

К числу основных принципов административной ответственности относятся: законность; равенство лиц, привлекаемых к административной ответственности, перед законом; персонализация административной ответственности; презумпция невиновности; справедливость. Принцип виновности, закреплённый в статье 1.5 КоАП РФ [2], является одним из ключевых при решении вопроса о привлечении лица к административной ответственности. Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Вместе с тем современная практика сталкивается с проблемами реализации принципов вины и презумпции невиновности. Нередко уполномоченные органы формально подходят к установлению субъективной стороны правонарушения, что приводит к необоснованному привлечению лиц к ответственности. Требуется дальнейшее совершенствование механизмов обеспечения названных принципов в правоприменительной деятельности [1, с. 222].

Состав административного правонарушения включает четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Анализ объективных и субъективных признаков состава позволяет выявить особенности квалификации конкретных деяний.

Объективная сторона проявляется в нарушении или несоблюдении установленных законодательством норм. Сложность установления объективной стороны квалифицируемого деяния нередко обусловлена отсутствием чёткой правовой характеристики родовых и непосредственных объектов посяательства. Например, дискуссионным остаётся вопрос о признании общественного порядка в качестве объекта правонарушения применительно к отдельным составам КоАП РФ [1, с. 230].

Субъективная сторона характеризуется формой вины. Статья 2.2 КоАП РФ [2] определяет умышленную и неосторожную формы вины. Умышленная вина предполагает, что лицо осознавало противоправный характер своего деяния, предвидело его последствия и желало их наступления либо сознательно допускало или относилось к ним безразлично. Неосторожная вина имеет место, когда лицо предвидело возможность наступления вредных последствий, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело, хотя должно было и могло предвидеть.

На протяжении многих лет в законодательстве, регулирующем административную ответственность, остаются нерешёнными вопросы, связанные с установлением субъективной стороны. В некоторых статьях КоАП РФ форма вины прямо указана, однако в большинстве случаев правоприменитель сталкивается с необходимостью доказывания вины через совокупность косвенных признаков. Это негативно сказывается на качестве производства по делам об административных правонарушениях [1, с. 241].

КоАП РФ [2] предусматривает систему административных наказаний, среди которых центральное место занимает административный штраф, а также административное приостановление деятельности.

Проблема выбора соразмерного и справедливого наказания является одной из наиболее острых в правоприменительной практике. Административный штраф, будучи наиболее распространённым видом наказания, не всегда соответствует принципу справедливости, поскольку его размер нередко устанавливается без учёта имущественного положения лица, привлекаемого к ответственности. Административное приостановление деятельности, в свою очередь, является исключительной мерой, применение которой должно быть строго обоснованным.

Современное состояние законодательного регулирования системы административных наказаний не позволяет в полной мере оценить их взаимную соразмерность. Требуется системный пересмотр санкций с учётом характера и степени общественной опасности правонарушений, а также дифференциации ответственности в зависимости от статуса субъекта [1, с. 250].

Административная ответственность специальных субъектов — юридических лиц, должностных лиц и индивидуальных предпринимателей — имеет существенные особенности.

В 2024 году в КоАП РФ были внесены многочисленные изменения, касающиеся размеров административных штрафов для различных категорий субъектов. Так, Федеральным законом от 08.08.2024 № 257-ФЗ [3] установлены повышенные размеры штрафов для должностных лиц (от 30 до 40 тыс. рублей), индивидуальных предпринимателей (от 40 до 50 тыс. рублей) и юридических лиц (от 80 до 100 тыс. рублей). За корпоративные нарушения предусмотрены ещё более значительные штрафы: на должностных лиц — от 300 до 500 тыс. рублей, на юридических лиц — от 500 до 700 тыс. рублей.

Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал необходимость применения положений законодательства, направленных на обеспечение равенства субъектов предпринимательской деятельности перед законом. Вместе с тем практика показывает, что дифференциация ответственности не всегда осуществляется последовательно, что создаёт риски необоснованного ужесточения наказаний для отдельных категорий лиц.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ выявляет ряд системных проблем в сфере административной ответственности. В Постановлении Верховного Суда РФ от 16 декабря 2024 г. № 16-АД24-16-К4 [4] суд отменил вынесенные ранее судебные решения и направил дело на новое рассмотрение, поскольку в ходе производства по делу не были установлены все юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного его разрешения.

Определением Верховного Суда РФ от 24 апреля 2024 г. № 305-ЭС24-929 по делу № А40-114279/2023 [5] также были выявлены существенные нарушения норм материального и процессуального права при привлечении юридического лица к административной ответственности. Данные примеры свидетельствуют о сохраняющихся проблемах в доказывании состава правонарушения и соблюдении процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к ответственности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» [6] содержит разъяснения, направленные на унификацию судебной практики.

Проблема разграничения административной и уголовной ответственности остаётся одной из наиболее

сложных в теории и практике. Общие признаки, позволяющие чётко разграничить административное правонарушение и преступление, до настоящего времени не сформулированы.

В 2024 году в Уголовный кодекс РФ введена статья 217.3, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение требований к антитеррористической защищённости объектов [7]. Одновременно в КоАП РФ сохраняются составы, смежные с уголовно-правовыми. Вопросы отграничения преступлений от смежных составов административных правонарушений находятся в состоянии перманентной межотраслевой конкуренции.

Необходима выработка чётких критериев разграничения, основанных на характере и степени общественной опасности деяния, а не на формальных признаках, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и защиту прав лиц, привлекаемых к ответственности.

Активное реформирование законодательства об административной ответственности в 2024–2025 годах создаёт как новые возможности, так и новые вызовы для правоприменительной практики. В целях обеспечения эффек-

тивности, справедливости и защиты прав лиц, привлекаемых к ответственности, представляется необходимым:

Закрепить на законодательном уровне чёткую систему принципов административной ответственности.

Унифицировать подходы к установлению субъективной стороны правонарушения, в том числе путём введения дополнительных критериев доказывания вины.

Пересмотреть систему административных наказаний с учётом принципа соразмерности и дифференциации ответственности в зависимости от статуса субъекта и характера правонарушения.

Разработать и внедрить единые методические рекомендации по квалификации административных правонарушений для судов и органов административной юрисдикции.

Совершенствовать механизмы разграничения административной и уголовной ответственности на основе объективных критериев общественной опасности.

Реализация названных направлений позволит повысить эффективность института административной ответственности, обеспечить баланс между публичными интересами государства и правами граждан и организаций.

Литература:

1. Административное право России: учебник / под ред. А. П. Алехина, Ю. М. Козлова. — М.: КНОРУС, 2023. — 480 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.07.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 257-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 33 (ч. I). — Ст. 4985.
4. Постановление Верховного Суда РФ от 16.12.2024 № 16-АД24-16-К4. — Документ опубликован не был. — СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 24.04.2024 № 305-ЭС24-929 по делу № А40-114279/2023. — Документ опубликован не был. — СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 8.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

График отпусков в судебной практике

Антипова Софья Сергеевна, студент;

Говарунова Ксения Дмитриевна, студент;

Рослякова Валерия Александровна, студент;

Цыцова Анна Алексеевна, студент;

Чередниченко Александра Владимировна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы рассматривают правовое значение графика отпусков как инструмента регулирования права работников на ежегодный оплачиваемый отпуск. На основе анализа норм ТК РФ и судебной практики рассматриваются ключевые спорные вопросы: учёт пожеланий работников, допустимость одностороннего изменения дат отпуска, включение в график восстановленных и вновь принятых сотрудников, отражение неиспользованных дней отпуска за предыдущие периоды.

Ключевые слова: график отпусков, ежегодный оплачиваемый отпуск, судебная практика, права работника.

Отпуск — ежегодный непрерывный отдых в течение определённого количества дней подряд с сохранением места работы и среднего заработка. Говоря об очередности предоставления оплачиваемых отпусков, необходимо отметить, что она определяется ежегодно в соответствии с графиком отпусков, утверждаемым работодателем с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации не позднее чем за две недели до наступления календарного года [1].

График — акт, который обязателен для обеих сторон договора — и для работников, и для работодателя. Причём данный документ должен быть составлен в письменном виде. Можно разработать свою форму, а можно воспользоваться уже имеющейся унифицированной формой Т-7 «График отпусков», утверждённой Постановлением Госкомстата РФ от 05.01.2004 № 1.

Судебная практика содержит примеры рассмотрения различных споров, связанных с графиком отпусков. Правильное составление, утверждение и соблюдение графика отпусков является обязанностью работодателя, нарушение которой может повлечь за собой ответственность и судебные разбирательства. В связи с этим возникает ряд вопросов.

Например, обязан ли работодатель согласовывать график отпусков с работником? В судебной практике данный вопрос решается достаточно легко. При составлении графика отпусков работодатель должен учитывать положения законодательства, а вот пожелания работников работодатель учитывать не обязан [2]. Такой вывод следует из определения Первого кассационного суда общей юрисдикции. В Саратове рассматривалось следующее дело: работодатель утвердил график отпусков и направил уведомление сотруднику о предоставлении отпуска. Работник обратился с заявлением о том, что в этот период им не планировался отпуск. Он попросил учесть его желание находиться в отпуске в другие даты, при этом разделив их на части. Однако работодатель издал приказ о предоставлении отпуска в период, который был установлен графиком отпусков. Суд признал действия работодателя законными и указал, что нарушений прав истца со стороны работодателя при предоставлении отпуска не допущено. Действующим трудовым законодательством на работодателя не возложена обязанность по предоставлению работникам ежегодного отпуска по их желанию в указанное ими время. Стоит отметить, что Роструд указал по данному вопросу: перед составлением графика работник может выразить свое мнение о том, какой период календарного года является удобным для использования отпуска. Однако учитывать данное мнение или нет решает работодатель [3]. Исключение из этого правила составляют лишь категории работников, которым отпуск должен быть предоставлен в удобное для них время, например, несовершеннолетние работники.

Может ли работодатель изменить в графике даты отпуска сотрудника? Новосибирский областной суд рассмотрел данный вопрос. Суть дела: работник был в отпуске в соответствии с графиком отпусков, который был утверждён накануне нового года. По итогу он был уволен за прогул, потому что был издан график с другими датами, где отпуск истца был перенесён более, чем на месяц. Бывший работодатель не смог доказать, что в графике, который был утверждён изначально, стояли другие даты отпуска, а также то, что работник ознакомился с новым графиком отпусков. Судьи Новосибирского областного суда посчитали это достаточным, чтобы признать перенос срока отпуска незаконным, и апелляционным определением от 17.09.2019 по делу № 33–9331/2019 подтвердили незаконность увольнения сотрудника за прогул.

Учитывая, что график отпусков работодатель должен утвердить не позднее, чем за 2 недели до начала следующего календарного года, возникает проблема о включении восстановленных работников в уже составленный график. Второй кассационный суд общей юрисдикции пришел к выводу, что если сотрудника восстанавливают на работе после утверждения графика отпусков на текущий год, то включать его в этот график задним числом работодатель не обязан. По рассматриваемому делу сотрудников уволили в 2021 году до составления графика отпусков на 2022 год, восстановили в 2022 году. При этом работодатель не предоставил им отпуска по заявлению сразу же после восстановления в 2022 году, но суд признал действия организации правомерными. Он постановил: восстановление истцов на работе судебным решением не влечет за собой обязанности включать восстановленного работника в график отпусков задним числом, действующим трудовым законодательством на работодателя не возложена также обязанность по предоставлению работникам ежегодного отпуска по их желанию в указанное ими время [4]. Это связано с тем, что в соответствии со ст. 123 ТК РФ очередность предоставления оплачиваемых отпусков определяется в соответствии с графиком отпусков.

Однако есть судебная практика с противоположным мнением: в график отпусков нужно включать всех работников компании, даже тех, кого приняли уже после утверждения документа. На этом настаивают судьи Архангельского областного суда от 16 февраля 2023 г. по делу № 33–1356/2023. Ссылка ответчика на отсутствие истца в графике отпусков на 2021 г. в связи с тем, что на момент его трудоустройства ... такой график уже был утверждён, является несостоятельной. После приема Гражданина В. на работу ответчик вправе был внести изменения в график отпусков на 2021 г., включив в него периоды отпусков, согласованные с истцом [5]. Судьи также в защиту истца упоминают положения подпункта «а» пункта 26 Правил об очередных и дополнительных отпусках, утвержденных НКТ СССР 30 апреля 1930 г. № 169: отпуск счи-

тается не использованным по вине работодателя, если последний не принял мер к установлению очереди отпусков. То есть, не приняв мер к изменению графика отпусков, работодатель соглашается с наступлением негативных последствий в связи с неиспользованием работником отпуска, а также с правом работника воспользоваться своим отпуском в любое время в течение рабочего года.

Следовательно, можно сделать вывод, что в судебной практике существуют две абсолютно противоположные позиции по решению данной проблемы.

Работодатели обязаны составлять график отпусков за 2 недели до наступления текущего календарного года. Но возникает вопрос: признается ли законным график отпусков, утвержденный в текущем году? Стоит отметить, что за несоставление графика отпусков работодателю грозит ответственность за нарушение трудового законодательства по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ. Судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции в определении от 11.05.2022 указали, что сам факт возможного утверждения графика отпусков на год уже в текущем году не может указывать на его недействительность [6]. Суд отказал работнику в удовлетворении требования о признании такого графика отпусков недействительным. При этом было отмечено, что сроки и порядок ознакомления работников с графиком отпусков не могут повлиять на законность распоряжения и графика. А также, что несвоевременность ознакомления с распоряжением о предоставлении отпуска и выплата отпускного содержания также не могут повлиять на законность предоставления отпусков.

Кроме того, изучив судебную практику, я пришла к выводу, что в графике отпусков должны быть указаны все дни отпуска, которые работник хочет использовать в текущем году, в том числе неиспользованные дни отпуска за прошлый год. За нарушение порядка составления графика отпусков работодателя ждет ответственность по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, как уже было отмечено выше. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции города Кемерово признал правомерным наказание руководителю органи-

зации за нарушение порядка составления графика отпусков. Сотрудник пошел в отпуск, но в последний день отпуска заболел. Работодатель был осведомлен о болезни сотрудника, но при этом оставшиеся дни неиспользованного отпуска в график на следующий год не включил. Это судьи посчитали нарушением как раз-таки по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ.

Но при этом существует судебная практика, в соответствии с которой работодатель не может предоставить сотруднику отпуска за прошедшие рабочие годы без его согласия, даже если внесет их в график отпусков. К такому выводу пришли судьи Пятого Кассационного суда общей юрисдикции. Ими было рассмотрено дело по жалобе работодателя на предписание Государственной инспекции труда. Ситуация была такая: работодатель включил в график отпусков на текущий год 123 дня отпуска, включая отпуск за рабочие годы с 2016-го по 2020-й года. Эти дни были предоставлены сотруднику в соответствии с приказом работодателя, однако работник обжаловал его в Государственную инспекцию труда, которая вынесла предписание об отмене приказа. В определении суда указано, что право работника на предоставление неиспользованной части ежегодного отпуска за предшествующий период по его согласованию было нарушено. Также судом были отклонены доводы работодателя об ознакомлении работника с графиком, поскольку акт об ознакомлении не подтверждает согласования с работником перенесение ежегодного оплачиваемого отпуска за предшествующие периоды 2016–2020 г. на данный период времени [7].

Анализ судебной практики показывает, что споры, связанные с графиком отпусков, возникают достаточно часто и связаны с нарушением работодателями установленных требований. Работодателям необходимо тщательно соблюдать трудовое законодательство в этой области, чтобы избежать административной ответственности и судебных разбирательств. Работники же должны знать свои права и в случае их нарушения обращаться за защитой своих интересов в соответствующие органы.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 16.12.2024. № 51. Ст. 7864.
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции г. Саратова от 23.01.2024 по делу № 88–2601/2024
3. Письмо Роструда от 12.07.2012 № ПГ/5244–6-1
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции г. Москва от 02.11.2023 по делу № 88–28389/2023
5. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 16 февраля 2023 г. по делу № 33–1356/2023
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции г. Санкт-Петербурга от 11.05.2022 по делу № 88–8007/2022
7. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.07.2022 по делу № 88А–6684/2022

Правосознание работника и работодателя: понятие, структура, содержание

Антипова Софья Сергеевна, студент;

Говарунова Ксения Дмитриевна, студент;

Рослякова Валерия Александровна, студент;

Чередниченко Александра Владимировна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется правосознание как фундаментальный элемент регулирования трудовых отношений. Дается определение правосознания сторон трудовых правоотношений, раскрываются его структурные компоненты и основные функции. Особое внимание уделяется оценочным отношениям субъектов трудового права к законодательству, деятельности правоохранительных органов. Отмечается, что высокий уровень правосознания способствует снижению конфликтов и гармонизации интересов сторон, однако его формирование сталкивается с трудностями, обусловленными социально-культурными особенностями России. В заключении подчеркивается необходимость целенаправленного развития правовой культуры участников трудовых отношений.

Ключевые слова: правосознание, трудовые отношения, работник, работодатель, правовая идеология, правовая психология, социальное партнерство.

Правосознание является неотъемлемой частью поведения людей и оказывает воздействие на их взаимоотношения в различных жизненных областях, в том числе и в трудовых отношениях. Работник и работодатель как субъекты трудовых правоотношений выступают основными носителями правосознания в сфере труда. Повышение уровня правосознания, как справедливо отмечает Л. Н. Чайка, выступает одним из способов развития социального партнерства в Российской Федерации [6, с. 665]. Высокий уровень правосознания сторон трудовых отношений влияет не только на развитие гражданского общества и правовой культуры в целом, но также на эффективность производства организации. Для раскрытия правосознания сторон трудовых отношений необходимо определить его понятие, структуру и содержание, наложив общепринятые теоретико-правовые положения на специфику отношений в сфере труда.

В научной литературе существует множество определений правосознания. А. М. Нуштаев определяет правосознание как самостоятельную форму общественного сознания, отражающую явления правовой действительности и регулиующую поведение в юридически значимых ситуациях [3, с. 11]. В. С. Руф полагает, что правосознание — это постоянный спутник человека, поскольку личность чаще руководствуется внутренними убеждениями, сформированными на основе понимания и оценки правовых норм, а не формальными предписаниями [4]. Обобщая различные подходы, можно выделить существенные признаки правосознания: оно является сферой общественного сознания, отражает правовую действительность, включает совокупность знаний, взглядов, убеждений и ценностей, отражает отношение субъекта к праву и регулирует поведение в общественных отношениях. Исходя из этого, предлагается следующее определение: правосознание работника и работодателя — это совокупность взглядов, внутренних убеждений и представлений сторон трудовых правоотношений, регулирующих их поведение

во взаимоотношениях друг с другом и отражающих их отношение к трудовым правам и обязанностям.

Обращаясь к вопросу о структуре правосознания, следует отметить, что в отечественной науке, начиная с 1970-х годов, в его структуре традиционно выделяют два основных элемента: правовую идеологию и правовую психологию [2, с. 13]. Правовая идеология представляет собой совокупность знаний, идей и взглядов субъектов о способах правового регулирования общественных отношений. Применительно к трудовому праву правовая идеология анализируется через цели и задачи Трудового кодекса Российской Федерации. Согласно ст. 1 ТК РФ, целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей. Основные задачи включают создание правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также регулирование отношений по организации труда, трудоустройству, социальному партнерству, материальной ответственности, разрешению трудовых споров и иным направлениям [1]. Таким образом, правовая идеология субъектов трудовых правоотношений заключается в признании важности защиты прав и интересов как работников, так и работодателей при обязательной балансировке государственных интересов.

Вторым элементом структуры правосознания является правовая психология, понимаемая как совокупность чувств, эмоций и настроений, связанных с правовыми явлениями [2, с. 14]. Эмоциональная окраска существенно влияет на характер и направленность правового поведения. Отличительная особенность правовой психологии заключается в ее непосредственной связи с психологией человека, вследствие чего она постоянно изменяется под воздействием социально-культурных явлений, религий, традиций и обычаев [5, с. 34].

В трудовых отношениях правовая психология играет важнейшую роль: именно позитивное эмоциональное восприятие норм труда, субъективных прав и обязанностей работника и работодателя влияет на их добросовестное исполнение. Высокий уровень правовой психологии способствует повышению результативности предприятия, улучшению условий труда, снижению дискриминации на рабочем месте и сокращению числа трудовых споров. Однако на практике высокий уровень правовой психологии и правосознания в целом трудно реализуем, поскольку необходимо учитывать специфику формы государственного устройства России, ее многонациональность, отдаленность населенных пунктов друг от друга, неравномерность социальной и материальной обеспеченности. Люди из разных уголков страны с самого детства воспитывались по-своему, у них формируются различные взгляды, убеждения, ценности и принципы, следовательно, и уровень правосознания будет отличаться. В рамках отдельно взятой организации развитие правосознания зависит от восприимчивости сотрудников к информации и их желания менять отношение к нормам трудового права и свое поведение.

Для более полного раскрытия содержания правосознания необходимо обратиться к его функциям. В юридической науке выделяют познавательную, оценочную, регулятивную, прогностическую и правотворческую функции [3, с. 12]. Познавательная функция заключается в осмыслении правовой действительности через получение знаний о праве, накапливаемых в памяти и выражаемых в представлениях о правовой реальности. Оценочная функция формирует отношение личности к правовым нормам, законодательству, правоохранительным органам, поведению окружающих и своему собственному поведению. Регулятивная функция проявляется в совершении правомерных поступков даже при отсутствии знания конкретных правовых предписаний; в этой роли правосознание выступает посредником между нормами права и конкретным актом поведения субъекта, формируя его общую нормативно-правовую ориентацию. В содержание правосознания М. В. Кроз и Н. А. Ратинова включают оценочные отношения к праву и законодательству, к правовому поведению окружающих, к правоохранительным органам, а также к своему собственному правовому поведению (самооценка) [7].

Оценочное отношение к трудовому законодательству означает, что субъекты трудовых правоотношений признают необходимость соблюдения норм труда. Работодатель стремится к улучшению условий труда, осознавая свою ответственность за соблюдение прав работников, и может реализовать это путем принятия локальных нормативных актов, создающих более комфортные рабочие условия, например, о премировании, материальной помощи, оплате труда, повышении квалификации. Оценочное отношение к правовому поведению работников и работодателей выражается в том, что стороны в процессе осуществления своих прав отслеживают поведение друг друга. Работодатель следит за соблюдением работниками правил внутреннего трудового распорядка и вправе применять дисциплинарные взыскания — замечание, выговор или увольнение по соответствующим основаниям — согласно ст. 192 ТК РФ [1]. Работники, в свою очередь, контролируют соблюдение работодателем требований охраны труда и своевременность выплаты заработной платы; при нарушении своих прав они могут обратиться в суд, а работодатель может быть привлечен к административной, уголовной или материальной ответственности. Оценочное отношение к правоохранительным органам подразумевает доверие к институтам, осуществляющим защиту прав субъектов трудовых отношений. Оценочное отношение к своему правовому поведению предполагает, что субъект трудовых отношений анализирует свои действия, осознает их позитивный или негативный характер и при необходимости принимает меры для их улучшения.

Таким образом, правосознание работника и работодателя представляет собой сложное структурное образование, включающее идеологический и психологический компоненты. Его содержание раскрывается через систему оценочных отношений к законодательству, поведению участников трудовых отношений, правоохранительным органам и самооценку. Развитие правосознания сторон является важным условием для достижения баланса интересов, снижения конфликтности и повышения эффективности производства. Однако оно требует учета социально-культурных особенностей российского общества и целенаправленной работы по повышению правовой культуры, в том числе через судебную практику, которая не только отражает, но и формирует правосознание участников трудовых отношений [6, с. 666].

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026)
2. Гусарева М. А. Соотношение правовой идеологии и правовой психологии как фактор преодоления кризиса правосознания // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 12–16.
3. Нуштаев А. М. Понятие, структура и функции правосознания // Проблемы совершенствования законодательства и актуальные вопросы юриспруденции: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза, 2022. — С. 11–14.
4. Руф В. С. Правосознание и правовая культура как показатели уровня развития общества // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-i-pravovaya-kultura-kak-pokazateli-urovnya-razvitiya-obschestva>. (дата обращения: 22.06.2026)
5. Улитин И. Н., Арутюнов Э. К. Правосознание и правовая культура личности в России. — М.: Ridero, 2018. — 94 с.

6. Чайка Л. Н. Роль правосознания в правовом регулировании трудовых отношений // Научные труды Российской академии юридических наук. Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 664–667.
7. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Теория правосознания Ратинова // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-pravosoznaniia-ratinova-eada66/>. (дата обращения: 27.06.2026)

Конституционная трансформация образовательных ценностей

Ахмедов Магомед-Салам Ахмедович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье исследуются особенности конституционной трансформации образовательных ценностей в Российской Федерации, эволюция содержания права на образование и изменение его конституционно-правового значения под влиянием исторических, социально-экономических и технологических факторов. Анализируются основные этапы развития государственной образовательной политики, влияние реформ на реализацию конституционных гарантий права на образование и современные тенденции совершенствования правового регулирования образовательной сферы.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, право на образование, конституционные ценности, образовательные ценности, конституционная трансформация, конституционно-правовое регулирование, образовательная политика, доступность образования, цифровая трансформация образования, социальное государство.

Конституция как основной закон призвана обеспечивать правовую определённость, но одновременно должна обладать способностью к интерпретационной гибкости. Как отмечается в доктрине конституционного права и решениях Конституционного Суда РФ, буква и дух конституции неразрывно связаны с конкретными социальными условиями её воплощения [1]. Толкование конституционных ценностей неизбежно корректируется в ответ на изменение социального контекста.

Право на образование — одно из важнейших конституционных прав человека; оно способствует развитию личности и общества. В демократических странах право на образование обычно включает несколько составляющих: бесплатное начальное или среднее образование в государственных и муниципальных школах и некоторых других учреждениях; доступность образования; право родителей выбирать форму обучения ребёнка (религиозную или светскую); свободу преподавания; возможность существования частных учебных заведений. Основные положения об этих правах закреплены в статье 26 Всеобщей декларации прав человека [2].

В Российской Федерации реализация права на образование обеспечивается созданием федеральными, региональными и муниципальными органами необходимых социальноэкономических условий, расширением возможностей получения образования разных уровней и направленности в течение всей жизни [3].

Государство гарантирует право на образование, формируя систему образования и соответствующие условия. Оно обеспечивает доступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего и начального профессионального образования, а также, на конкурсной основе, бесплатность среднего профессионального, высшего профессиональ-

ного и послевузовского образования в государственных и муниципальных учреждениях в соответствии с федеральными образовательными стандартами и требованиями, если человек получает это образование впервые.

Понятие «образование» в отечественной социологической и правовой традиции представляет собой категорию, эволюционирующую от узкофункционального понимания как процесса передачи знаний к комплексному социокультурному институту, обеспечивающему воспроизводство человеческого капитала и легитимацию социальной структуры.

Национальные особенности российского образовательного процесса формировались под воздействием культурных традиций, геополитического положения и исторического опыта государственного управления. Одновременно в российском сознании присутствуют черты, сформированные в условиях длительного взаимодействия с восточными культурами: иерархичность восприятия авторитета, приоритет коллективного над индивидуальным, ориентация на духовное совершенство в ущерб утилитарной выгоде. Данные особенности, не сводимые к упрощённым этнокультурным стереотипам, проявляются в высокой значимости наставничества, стремлении к фундаментальности знаний, целостном восприятии образовательного процесса. Т. И. Заславская, исследуя процессы социальной трансформации российского общества, отмечала, что институциональные преобразования не сопровождаются автоматическим изменением ценностных установок населения. Сохраняющееся влияние исторически сложившихся социальных норм и моделей поведения обуславливает противоречивость модернизационных процессов, что проявляется и в сфере образования, где новые организационно-правовые механизмы сочетаются с устойчивыми представлениями о соци-

альной значимости образования и его роли в воспроизводстве человеческого потенциала [4].

Выделение образования в качестве государственно-образующего фактора произошло в России на этапе модернизационных реформ Петра I, когда создание светских учебных заведений стало инструментом подготовки кадров для государственного аппарата, армии и промышленности. Однако системное осознание зависимости национального развития от массового производства профессиональных компетенций оформилось в государственной политике лишь в советский период. Индустриализация, научно-технический прогресс, идеологическая консолидация потребовали формирования всеобщей грамотности и разветвлённой системы профессионального обучения. М. Н. Руткевич и Ф. Р. Филиппов в классических работах по социальным перемещениям демонстрировали, как советская образовательная система стала механизмом вертикальной мобильности, обеспечивая воспроизводство элит и интеграцию выходцев из низших социальных слоёв в управленческие и интеллектуальные страты [5]. Данная историческая модель закрепила понимание образования как стратегического ресурса национальной безопасности, что нашло отражение в постсоветских нормативных актах.

Конституционное закрепление образования в качестве базовой ценности произошло в 1993 году, когда статья 43 Конституции Российской Федерации гарантировала право на общедоступность и бесплатность основных уровней образования в государственных учреждениях. Данная норма отражала стремление сохранить достижения советской системы в условиях рыночных трансформаций и предотвратить социальную деградацию на фоне экономического кризиса.

Постсоветский период характеризовался противоречивой динамикой образовательных ценностей. С одной стороны, образование сохранило позитивный статус в общественном сознании, воспринимаясь как ресурс модернизации и шанс интеграции в постиндустриальный мир. С другой стороны, коммерциализация образовательных услуг, дифференциация доступа к качественному обучению, рост престижа высшего образования при снижении его качества создали новые формы социального неравенства. Исследования Н. Е. Тихоновой и соавторов показывают, что сохраняющееся социально-экономическое неравенство оказывает существенное влияние на жизненные шансы различных социальных групп, включая возможности получения качественного образования. Несмотря на сохранение образования как важнейшего канала социальной мобильности, эффективность реализации образовательного потенциала во многом определяется объемом экономических, культурных и социальных ресурсов семьи. Это свидетельствует о необходимости совершенствования государственных механизмов обеспечения равного доступа к качественному образованию и реализации конституционного принципа равенства прав граждан [6].

Конституционная легитимация непрерывного образования, закреплённая в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» 2012 года и усиленная поправками 2020 года, отражает попытку государства адаптировать правовые нормы к вызовам цифровой эпохи. Принцип единства обучения и воспитания, введённый по инициативе Президента РФ, направлен на сохранение воспитательной функции образования в условиях технологизации и коммерциализации.

Трансформация образовательных ценностей в конституционном поле России представляет собой нелинейный процесс, в котором переплетаются тенденции глобализации и локализации, коммерциализации и гуманизации, технологизации и сохранения традиций. Работы отечественных социологов по проблемам стратификации показывают, что образовательный фактор играет двойственную роль: он одновременно выступает инструментом социальной дифференциации и каналом мобильности.

Исторический анализ позволяет выявить ключевые этапы конституционной трансформации образовательных ценностей в России. Первый этап (1993–2000) характеризовался сохранением советских гарантий в условиях экономического кризиса, когда образование выполняло адаптационную функцию. Второй этап (2000–2012) связан с попытками модернизации системы образования в контексте рыночных реформ, что привело к росту неравенства доступа. Третий этап (2012–2026) отличается усилением государственного регулирования, цифровизацией образовательной среды и акцентом на воспитательную компоненту. Каждый из этих этапов отражает изменение баланса между индивидуальными правами и государственными интересами в сфере образования.

Современные вызовы — технологические, демографические, геополитические — актуализируют необходимость дальнейшего совершенствования конституционно-правового регулирования. Цифровая трансформация образования, достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей, развитие непрерывного обучения требуют правовых механизмов, обеспечивающих защиту персональных данных, качество онлайн-программ, предотвращение цифрового разрыва. При этом, как подчёркивают исследователи, технологическая модернизация не должна подменять собой содержательное обновление образования: формирование компетенций, критического мышления, нравственных ориентиров остаётся приоритетом, не сводимым к инструментальным задачам.

Анализ научных позиций позволяет констатировать, что конституционная трансформация образовательных ценностей в России представляет собой сложный, противоречивый процесс, в котором переплетаются наследие советской системы, вызовы рыночной экономики и требования глобальной конкуренции. Образование сохраняет статус ключевой социальной ценности, однако механизмы его реализации требуют постоянного совершенствования с учётом изменяющихся общественных условий. Государственная политика в данной сфере должна балансировать

между обеспечением равного доступа, поддержкой общества и сохранением культурной идентичности, что со-

ставляет основу устойчивого развития общества в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М. В. Баглай. — 13-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 768 с.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 23.06.2026). — Текст: электронный.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г.]. // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53. — Ст. 7598.
4. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. — Москва: Дело, 2002. — 568 с.
5. Руткевич М. Н. Социальные перемещения / М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. — Москва: Мысль, 1970. — 253 с.
6. Тихонова Н. Е., Мареева С. В., Аникин В. А. [и др.] Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н. Е. Тихоновой. — Москва: Весь Мир, 2022. — 422 с.

Влияние глобализации на конституционное восприятие высшего образования

Ахмедов Магомед-Салам Ахмедович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье исследуются особенности влияния глобализации на конституционное восприятие высшего образования в Российской Федерации. Автор анализирует эволюцию конституционно-правовых подходов к пониманию права на высшее образование под воздействием международных образовательных стандартов, деятельности международных организаций, Болонского процесса и цифровой трансформации образовательной среды. Рассматриваются механизмы влияния глобализационных процессов на национальное законодательство, изменение субъектного состава образовательных правоотношений, а также проблемы обеспечения баланса между международной интеграцией, государственным суверенитетом и сохранением конституционной идентичности российской системы высшего образования. В результате автор обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования конституционно-правового регулирования высшего образования с учетом современных глобальных вызовов.

Ключевые слова: глобализация, высшее образование, право на высшее образование, конституционно-правовое регулирование, конституционное восприятие, международные образовательные стандарты, Болонский процесс, академическая мобильность, образовательный суверенитет, цифровизация образования.

Глобализация как многомерный социокультурный, экономический и политический феномен представляет собой объективный процесс усиления взаимозависимости национальных правовых систем, образовательных институтов и культурных пространств, характеризующийся трансграничным перемещением капитала, информации, человеческих ресурсов и нормативных моделей. Понятие глобализации в научной литературе трактуется через призму универсализации правовых стандартов, гармонизации законодательных подходов и формирования наднациональных регуляторных структур, способных оказывать непосредственное воздействие на внутреннее конституционное устройство государств [1].

Возможность протекания глобализационных процессов в сфере высшего образования обусловлена рядом объективных предпосылок, среди которых ключевое значение имеют технологическая конвергенция, развитие ин-

формационно-коммуникационных инфраструктур, рост академической мобильности и формирование единого рынка образовательных услуг. Цифровая трансформация, достигшая к 2026 году уровня системной интеграции в образовательные процессы, обеспечила техническую возможность реализации трансграничных образовательных программ, дистанционных форматов обучения и признания квалификаций в международном масштабе [2].

На начальном этапе, охватывающем вторую половину XX века, международное сотрудничество в сфере образования носило преимущественно рекомендательный характер, а конституционные нормы государств сохраняли высокую степень автономии. Деятельность ЮНЕСКО, закрепленная в Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года, формировала базовые принципы доступности и недискриминации, однако не предполагала прямого вмешательства в национальные об-

разовательные системы. Конституционное регулирование права на высшее образование в этот период характеризовалось приоритетом государственного суверенитета: образовательная политика рассматривалась как исключительная компетенция национальных органов власти, а международные нормы воспринимались через призму добровольной имплементации.

Современный этап, начавшийся с принятия Болонской декларации 1999 года и активизации процессов европейской интеграции, ознаменовался качественным изменением характера взаимодействия международных институтов и национальных конституционных систем [3]. Болонский процесс, изначально задуманный как межправительственная инициатива по гармонизации структур высшего образования, трансформировался в мощный регуляторный механизм, оказывающий непосредственное воздействие на конституционное содержание права на образование в государствах-участниках. Внедрение двухуровневой системы подготовки (бакалавриат–магистратура), кредитно-модульной технологии (ECTS), системы гарантий качества и инструментов академического признания (Diploma Supplement, Europass) потребовало адаптации национального законодательства, включая конституционные интерпретации права на высшее образование. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно обращался к международным стандартам при толковании статьи 43 Конституции РФ, формируя прецедентную практику.

Институциональное влияние международных организаций проявляется через несколько каналов. Во-первых, нормативно-правовой канал: документы Всемирной торговой организации, регулирующие торговлю образовательными услугами в рамках Генерального соглашения по торговле услугами (GATS), создают правовые основания для либерализации национального образовательного рынка, что ставит перед конституционными системами задачу баланса между открытостью и защитой публичных интересов. Во-вторых, методологический канал: рейтинговые системы (QS World University Rankings, Times Higher Education), разрабатываемые международными аналитическими агентствами, формируют критерии качества, которые де-факто становятся ориентирами для национальной образовательной политики, влияя на распределение бюджетных ресурсов и приоритеты развития вузов. В-третьих, финансовый канал: программы международного финансирования (гранты Европейского союза, проекты Всемирного банка) обуславливают внедрение определенных управленческих и педагогических моделей, что опосредованно воздействует на конституционные механизмы регулирования образовательных отношений [4].

Конституционное восприятие высшего образования в условиях глобализации также трансформируется под влиянием изменения содержания самого права на образование. Если классическая доктрина рассматривала данное право преимущественно как гарантию доступа к государственной образовательной системе, то современные под-

ходы акцентируют внимание на праве выбора образовательной траектории, признании неформального обучения, мобильности между различными образовательными системами. Статья 43 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого на высшее образование, интерпретируется в контексте глобализационных вызовов как норма, требующая обеспечения не только формальной доступности, но и конкурентоспособности российского образования в международном масштабе. Это предполагает гармонизацию национальных стандартов с международными требованиями при сохранении культурно-цивилизационной специфики отечественной образовательной модели.

Роль международных организаций в формировании конституционных подходов к высшему образованию проявляется также через механизмы мониторинга и оценки. Процедуры универсального периодического обзора в рамках Совета ООН по правам человека, отчеты специальных докладчиков по праву на образование, рекомендации Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам создают дополнительное нормативное давление на национальные системы, стимулируя приведение конституционного регулирования в соответствие с международными обязательствами. При этом возникает методологическая проблема соотношения универсальных стандартов и национальной конституционной идентичности: чрезмерная унификация может привести к эрозии суверенных полномочий государства в сфере образования, тогда как изоляционистские подходы ограничивают интеграционный потенциал национальной системы.

Эволюция конституционного восприятия высшего образования под влиянием глобализации характеризуется переходом от статической модели, ориентированной на внутреннее регулирование, к динамической парадигме, учитывающей транснациональные образовательные потоки и наднациональные регуляторные воздействия. Конституционные нормы перестают восприниматься как замкнутая система: они становятся элементом многоуровневого правового регулирования, в котором национальные, региональные и международные нормы взаимодействуют, дополняют и иногда конфликтуют друг с другом. Это требует развития конституционной доктрины в направлении формирования принципов коллизионного разрешения нормативных противоречий.

Влияние глобализации на конституционное восприятие высшего образования проявляется также в изменении субъектного состава образовательных правоотношений. Традиционная модель, ориентированная на взаимодействие государства и гражданина, дополняется новыми акторами: транснациональными образовательными корпорациями, международными аккредитационными агентствами, цифровыми платформами, предоставляющими образовательные услуги. Конституционные гарантии права на образование должны учитывать эту трансформацию, обеспечивая защиту прав обучающихся

независимо от юридической природы образовательного провайдера и юрисдикции его регистрации. Это требует развития конституционно-правовых конструкций, определяющих пределы ответственности государства за качество образования, предоставляемого негосударственными и иностранными субъектами, а также механизмов контроля за соблюдением образовательных стандартов в транснациональном контексте.

Конституционное восприятие высшего образования в эпоху глобализации формируется в условиях постоянного диалога между национальной правовой традицией и международными регуляторными трендами. Этот диалог не предполагает механического заимствования ино-

странных моделей: он требует критического осмысления международного опыта, его адаптации к специфике отечественной конституционной системы и учета культурно-исторических особенностей развития российского образования. Конституционные нормы, закрепляющие право на высшее образование, должны обеспечивать баланс между открытостью глобальным образовательным процессам и защитой национальных интересов, между стандартизацией в целях международного признания и сохранением уникальности отечественной образовательной модели. Достижение этого баланса представляет собой одну из ключевых задач современного конституционно-правового регулирования сферы высшего образования.

Литература:

1. Бекиров С. Н. Правовая действительность воспитания молодежи в условиях цифровизации // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 78 (2). — С. 36–39.
2. Пашенцев Д. А. Российское высшее образование в эпоху цифровых трансформаций // Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровых трансформаций: сборник статей / под ред. Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. — М., Саратов: Саратовский источник, 2022. — С. 23–29.
3. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. — 2022. — № 2. — С. 25–39.
4. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 6–12.

Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства по статье 171 УК РФ: объект незаконного предпринимательства

Бакина Юлия Алексеевна, студент;

Родченко Елизавета Александровна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье проводится уголовно-правовой анализ объекта преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ — незаконное предпринимательство. Рассматриваются дискуссионные вопросы определения родового, видового и непосредственного объекта данного состава преступления. Особое внимание уделяется научным подходам к пониманию порядка легитимации предпринимательской деятельности как ключевого элемента непосредственного объекта. Исследуется специфика дополнительного и факультативного объектов в квалифицированных составах, а также отнесение незаконного предпринимательства к «предметно-беспредметным» преступлениям.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, объект преступления, Уголовный кодекс РФ, статья 171 УК РФ, легитимация, государственная регистрация, лицензирование, экономические преступления.

Актуальность исследования состава незаконного предпринимательства обусловлена его повышенной общественной опасностью в сфере экономики, а также наличием дискуссионных вопросов в доктрине уголовного права, касающихся объекта данного преступления. Цель статьи — провести уголовно-правовой анализ родового, видового и непосредственного объекта незаконного предпринимательства, систематизировав научные подходы для их точного определения.

В юридической доктрине существуют различные подходы к определению объектов преступления при незаконном предпринимательстве, однако можно выделить наиболее устоявшиеся научные позиции. Рассмотрим, наиболее распространенные точки зрения ученых-правоведов по определению видового, родового и непосредственного объекта рассматриваемого состава преступления.

Родовым объектом незаконного предпринимательства являются отношения в сфере экономики. В теории уго-

ловного права данная точка зрения является основной. Подтверждается это и законодателем, который включил данный состав в раздел «Преступления в сфере экономики» в УК РФ.

Л. Д. Гаухман определяет родовой объект преступлений, объединенных в 22 главу УК РФ таким образом: «Общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность, под которой понимается совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ» [1, с. 94]. Данную точку зрения считаю юридически верной.

При определении видового объекта незаконного предпринимательства наиболее аргументированным представляется традиционный научный подход. Обоснованность данной позиции подтверждается не только фундаментальными исследованиями в области уголовного права, но и самой логикой построения уголовного законодательства, что находит отражение в системном расположении соответствующих норм в структуре Уголовного кодекса РФ.

Под видовым объектом следует понимать общественные отношения, возникающие по поводу осуществления нормальной экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг [2, с. 285].

Определяя непосредственный объект рассматриваемого преступления, стоит согласиться с мнением О. А. Беларевой, которая определяет его так: «Под непосредственным объектом незаконного предпринимательства следует понимать порядок легитимации предпринимательской деятельности, а не порядок ее осуществления, поскольку «порядок осуществления» предпринимательской деятельности — слишком обширное понятие» [3, с. 20]. А. Б. Борисов разъясняет порядок легитимации: «Легитимация -признание или подтверждения законности прав и полномочий физических и юридических лиц, а также подтверждение законности соответствующими документами» [4, с. 357]. Формами легитимации предпринимательской деятельности можно назвать государственную регистрацию, лицензирование.

Отличной от предыдущей точки зрения придерживается Г. С. Аванесян, который предлагает рассматривать непосредственный объект незаконного предпринимательства как «конституционное право заниматься предпринимательской деятельностью в части соблюдения установленного государством регистрационного и лицензионного порядка осуществления законной предпринимательской деятельности» [5, с. 45]. Следует отметить, что конституционное право заниматься предпринимательской деятельностью включает в себя возможности, свободу использования своих способностей и имущества предпринимательской деятельности, но оно не включает в себя обязанности соблюдения установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности, поэтому данная точка зрения видится нам не вполне обоснованной.

Совершение деяний, подпадающих под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации, влечет нарушение установленного законодательством порядка легализации предпринимательской деятельности. Под этим порядком понимается совокупность правовых требований и процедур, обеспечивающих официальное признание и правомерность осуществляемой хозяйственной деятельности. Таким образом, непосредственным объектом незаконного предпринимательства следует считать общественные отношения, складывающиеся в процессе государственного регулирования и контроля за легализацией предпринимательской деятельности.

В незаконном предпринимательстве, причинившем крупный ущерб, необходимо выделить дополнительный объект, им выступают имущественные интересы государства, граждан, организаций, основанные на отношениях собственности.

Как факультативный объект незаконного предпринимательства следует рассматривать отношения конкуренции и права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества [6, с. 43], имущественные интересы государства в сфере формирования доходной части бюджета и внебюджетных фондов от поступления налогов и сборов. Вред данным интересам причиняется не в каждом случае совершения данного преступления, а лишь тогда, когда виновный не уплачивает установленные законом налоги и сборы. Наличие дополнительного объекта в составе незаконного предпринимательства, причинившего крупный ущерб гражданам, организациям или государству, позволяет отнести это преступление к многообъектным.

Незаконное предпринимательство относится к числу «предметно-беспредметных преступлений». Так, незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода, относится к числу «беспредметных» преступлений. Незаконное предпринимательство, причинившее крупный ущерб, является «предметным». В обоснование данной позиции приводятся слова Н. И. Коржанского, который считал, что значительная часть преступлений может быть признана беспредметными, потому что их совершение не связано с непосредственным воздействием на материальные объекты. По его мнению, к числу беспредметных преступлений можно отнести лишь те, «которые содержат формальные составы и совершаются путем бездействия (невыполнение лежащей на субъекте отношения социальной обязанности), а также некоторые виды нарушения правил. Те преступления, которые имеют предмет посягательства (предметные), могут быть совершены только путем воздействия на этот предмет. Нельзя совершить предметное преступление, ни на что или ни на кого не воздействуя». При этом, более убедительной представляется позиция тех авторов, которые считают, что беспредметных преступлений не существует, поскольку общественные отношения всегда возникают по поводу каких-либо материальных явлений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложной структуре объекта незаконного предпринимательства. Непосредственным объектом преступления является установленный порядок легитимации предпринимательской деятельности. Состав является многообъ-

ектным, приобретая дополнительный объект в виде имущественных интересов при причинении крупного ущерба. Четкое определение объекта имеет ключевое значение для правильной квалификации деяния и эффективной защиты экономического правопорядка.

Литература:

1. Гаухман, Л. Д. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / Л. Д. Гаухман. — Москва, 1999. — 94 с. — Текст: непосредственный.
2. Адельхалян, Р. А. Уголовное право России: практический курс / Р. А. Адельхалян. — Москва, 2004. — 285 с. — Текст: непосредственный.
3. Беларева, О. А. Уголовно правовая характеристика незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ): специальность 12.00.08 «»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Беларева Ольга Александровна; Томский Государственный Университет. — Томск, 2005. — 20 с. — Текст: непосредственный.
4. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. — Москва, 2000. — 357 с. — Текст: непосредственный.
5. Аванесян, Г. С. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности: специальность 12.00.08 «»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аванесян Г. С.; Ульяновский Государственный Университет. — Ульяновск, 2000. — 45 с. — Текст: непосредственный.
6. Коровинских С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство / С. Коровинских // Российская юстиция. — 2000. — № 4. — С. 42–45.

Цифровая валюта как объект банковского контроля: проблемы квалификации и пути легализации оборота

Бакланова Милана Максимовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Цифровизация экономики обусловила необходимость законодательного урегулирования оборота криптовалют. Автор анализирует критерии отнесения криптоактивов к цифровой валюте в соответствии с российским законодательством. В статье также рассматривается роль банков как основного элемента системы ПОД/ФТ и обосновывается, что текущий контроль неэффективен из-за нахождения площадок вне российской юрисдикции. Для решения проблемы предлагается внедрение особой системы, позволяющей легализовать рынок и минимизировать риски ОД/ФТ в соответствии с рекомендациями ФАТФ.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, стейблкоины, правовой режим, оборот, банки, банковский контроль, ПОД/ФТ.

Процесс цифровизации, постепенно охватывающий все сферы общественной жизни, закономерно приводит к появлению новых или изменению уже существующих экономических отношений, которые, в свою очередь, требуют законодательного урегулирования и устранения пробелов. Одним из наиболее ярких примеров являются отношения в сфере оборота криптовалюты, долгое время существовавших вне правового поля. В сложившихся обстоятельствах операции с криптовалютой привлекают к себе особое внимание государства, поскольку могут совершаться в противоправных целях, в том числе для отмывания денежных средств, финансирования терроризма.

Важным шагом в урегулировании оборота криптовалюты в России было введение в действие Федерального

закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепляет термин «цифровая валюта» [1]. Однако вопрос о том, охватывает ли это легальное определение существующие виды криптовалют, остается открытым и требует дальнейшего анализа.

К наиболее распространенным в мире криптовалютам на сегодняшний день относятся Bitcoin (BTC) и Ethereum (ETH), ключевой особенностью которых выступает их децентрализованный характер: они не имеют единого эмитента, то есть лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных, что теоретически позволяет относить их к цифровой валюте. Соответственно, крип-

товалюты, не наделенные такой чертой, под дефиницию уже не попадают.

Необходимо также упомянуть существующие наряду с «классическими» криптовалютами стейблкойны, в отношении режима которых еще не сформировалось однозначной позиции. Рассматривая специфику стейблкойнов на примере Tether (USDT), можно выделить два принципиальных отличия, имеющих правовое значение. Во-первых, USDT имеет единого эмитента — частную компанию Tether, что исключает возможность их рассмотрения в качестве цифровой валюты по смыслу российского законодательства (однако отметим, далеко не все стейблкойны являются централизованными). Во-вторых, ключевой особенностью данного стейблкойна выступает его фиатное обеспечение: стоимость USDT привязана к доллару США в соотношении 1:1, что предполагает относительную стабильность курса по сравнению с децентрализованными криптовалютами. В качестве дополнения к характеристике стоит отметить тот факт, что условия выпуска стейблкойна при его погашении могут предусматривать право требования у обладателя на выплату его стоимости или передачу актива. Тем не менее, безусловных гарантий того, что фактический размер резервов эмитента стейблкойнов соответствует номинальной стоимости всех выпущенных единиц, нет [2].

Переходя к общей характеристике правового режима цифровой валюты, отметим, что для целей ряда федеральных законов [3] она весьма справедливо приравнивается к имуществу для упрощения квалификации действий ее держателей. Судебная практика также не заставила себя долго ждать, и в недавнем постановлении Конституционный суд РФ высказался в пользу признания цифровой валюты объектом гражданских прав как «иного имущества» с ограниченной оборотоспособностью [4]. Вместе с тем, суд уклонился от четкого ответа о принадлежности стейблкойнов к цифровой валюте или иной категории в соответствии с законодательством, оставляя этот вопрос открытым для дальнейшего нормативного урегулирования.

Таким образом, оборот криптовалют не запрещен и постепенно начинает обретать легальные контуры, однако, речь идет только о тех видах, которые отвечают признакам цифровой валюты. При этом важно подчеркнуть, что как цифровую валюту, так и цифровые финансовые активы не допускается использовать в качестве средства платежа на территории Российской Федерации [5].

Что касается способов совершения самих операций с криптовалютой, то на сегодняшний день российские граждане активно используют зарубежные криптовалютные биржи и P2P-платформы (от англ. peer-to-peer, «равный к равному»). Как уже отмечалось ранее, такие операции привлекают особое внимание со стороны государства, но полноценный контроль за оборотом криптовалюты в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) в рамках соответствующего федерального закона отечественный ре-

гулятор осуществлять не может ввиду нераспространения российской юрисдикции на иностранных операторов.

Важнейшую роль в этом контрольном механизме играют банки, поскольку они относятся к «организациям, осуществляющим операции с денежными средствами» [6] и являются субъектами ПОД/ФТ. Хотя банки не имеют доступа к самим блокчейн-транзакциям, посредством которых проводятся операции с криптовалютой, они отслеживают движение денежных средств в так называемых «фиатных шлюзах» — в процессе конвертирования рублей в криптовалюту и обратно, вводов средств на кошелек и выводов с него. В рамках мероприятий по внутреннему и обязательному контролю они разрабатывают и активно применяют автоматизированные методики по выявлению подозрительных операций, анализируя паттерны поведения клиентов (массовость поступлений, дробление сумм, скорость оборота), запрашивая экономический смысл проводимых операций, блокируя сомнительные транзакции.

Вместе с тем, действующая модель, при которой банки выступают основным звеном контроля, по-прежнему оставляет значительную часть оборота вне поля зрения регулятора. С целью разгрузки банков необходимо вывести операций из «серой зоны» путем распространения российской юрисдикции непосредственно на сами криптовалютные площадки (биржи и P2P-платформы). Реализация предлагаемой концепции возможна путем законодательного закрепления двухуровневой системы субъектов оборота цифровых валют: создание института организаторов системы обмена цифровых валют (в качестве которых выступают банки с универсальной лицензией) и института операторов обмена цифровых валют (криптовалютных площадок). Наделение банков статусом организаторов, обладающих контрольными функциями и правом ведения счетов, позволит интегрировать операторов обмена в легальное поле в качестве поднадзорных субъектов первичного финансового мониторинга (ПОД/ФТ), обеспечивая этим полную прозрачность операций и вывод отрасли из теневого сектора [7]. Данный подход соответствует Рекомендации 15 ФАТФ [8], предписывающей государствам лицензировать или регистрировать провайдеров услуг виртуальных активов (ПУВА) для управления рисками ОД/ФТ.

Таким образом, оборот цифровой валюты, открывая новые экономические возможности, одновременно порождает серьезные риски для безопасности государства и благополучия граждан, что объективно требует установления действенных правовых ограничений. Фрагментарный контроль за отдельными элементами этого оборота не способен обеспечить защиту публичных интересов, поскольку значительная часть операций совершается вне юрисдикции Российской Федерации. Следовательно, необходимо целостное публично-правовое регулирование с применением исключительно императивных мер, которое позволит минимизировать угрозы и интегрировать рынок криптовалюты в правовое пространство.

Литература:

1. Ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Commodity Futures Trading Commission. Docket No. 22–04, October 15, 2021. — Текст: электронный // CFTC: [сайт]. — URL: <https://www.cftc.gov/media/6646/enftetherholdingsorder101521/download> (дата обращения: 03.07.2026).
3. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также Налоговый кодекс Российской Федерации.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича».
5. Ч. 7 ст. 14, ч. 10 ст. 3 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Ст. 5 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
7. Правительство РФ. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют / Правительство Российской Федерации. — Текст: электронный // Правительство России: [сайт]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 03.07.2026).
8. Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. — Неофициальный перевод. — Москва: МУМЦФМ, 2025. — Текст: электронный // cbr.ru: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/185641/3.FATF_Rec_062025_RUS.pdf (дата обращения: 03.07.2026). Оригинал документа размещен на сайте ФАТФ www.fatf-gafi.org/recommendations.html.

Мониторинг деятельности страховых медицинских организаций как инструмент повышения эффективности финансового контроля

Бондарь Анна Сергеевна, студент магистратуры

Севастопольский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

В настоящей статье рассматривается мониторинг деятельности страховых медицинских организаций как современный инструмент повышения эффективности финансового контроля в системе обязательного медицинского страхования Российской Федерации. Показано, что в условиях роста объемов бюджетов ОМС, усложнения финансовых потоков и усиления требований к прозрачности расходов особую роль приобретают нормативно закрепленные процедуры сбора, сопоставления и оценки данных о деятельности страховых медицинских организаций. На основе актуального российского законодательства и подзаконного регулирования анализируется правовая природа мониторинга, его место в системе финансового контроля, а также его потенциал для предупреждения нарушений, повышения адресности расходов и укрепления дисциплины участников ОМС. Делается вывод о том, что мониторинг, будучи не просто учетной процедурой, а инструментом аналитического контроля, способен заметно повысить качество управления средствами обязательного медицинского страхования и усилить защиту прав застрахованных лиц.

Ключевые слова: мониторинг, финансовый контроль, страховые медицинские организации, обязательное медицинское страхование.

В современной модели обязательного медицинского страхования страховые медицинские организации (далее соответственно — ОМС, СМО) занимают особое место, поскольку именно через них значительная часть

правовой, организационной и финансовой коммуникации между застрахованным лицом, медицинской организацией и фондовой системой ОМС приобретает конкретное практическое выражение.

При этом вопрос об эффективности их деятельности давно перестал быть узковедомственным: по существу, он затрагивает качество использования публичных средств, устойчивость финансовых потоков и реализацию конституционно закрепленных гарантий бесплатной медицинской помощи. В этой связи мониторинг деятельности СМО представляет собой не второстепенную техническую процедуру, а полноценный инструмент финансового контроля, позволяющий государству перейти от последующего выявления нарушений к их раннему обнаружению и профилактике.

Именно поэтому в последние годы правовое регулирование ОМС заметно сместилось в сторону усиления аналитической составляющей контроля, а ключевым выражением этой тенденции стали изменения в Федеральный закон № 326-ФЗ [1] и приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования (далее — ФФОМС) от 19.08.2025 № 140н, вступивший в силу с 1 января 2026 года [4].

Если рассматривать мониторинг в широком смысле, то он выступает как систематическое наблюдение за параметрами деятельности объекта с последующим сравнением фактических результатов с установленными критериями.

Однако в сфере ОМС мониторинг приобретает гораздо более содержательное значение, поскольку связан не только с оценкой управленческой эффективности, но и с проверкой того, насколько СМО исполняет публично значимые функции в пределах правового режима целевого использования средств.

В этом отношении примечательно, что законодательство прямо закрепляет обязанность СМО вести раз-

дельный учет доходов и расходов по операциям со средствами ОМС и иными средствами, а также отражать финансово-хозяйственные операции в том формате, который позволяет выявлять обоснованность и адресность использования ресурсов [1, ст. 14]. Следовательно, мониторинг опирается на уже существующую нормативную инфраструктуру финансовой прозрачности и, по сути, развивает ее, превращая отдельные учетные данные в основу управленческого анализа.

Особую значимость мониторинг приобретает в связи с обновлением Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [1]. Последние изменения усилили контрольные полномочия ФФОМС, а также уточнили правовой статус СМО и порядок их взаимодействия с территориальными фондами. Согласно актуальным положениям, ФФОМС осуществляет мониторинг деятельности СМО с последующим размещением результатов мониторинга на своем официальном сайте, а территориальные фонды обязательного медицинского страхования (далее — ТФОМС), в свою очередь, обязуются ежеквартально оценивать достижение СМО установленных показателей и направлять результаты такой оценки в ФФОМС для последующего использования и ранжирования. Тем самым законодатель выстроил многоуровневую систему наблюдения, в которой информация собирается на территориальном уровне, агрегируется и анализируется на федеральном уровне, а затем используется для выработки управленческих решений. Схематично такая система представлена на рисунке 1.

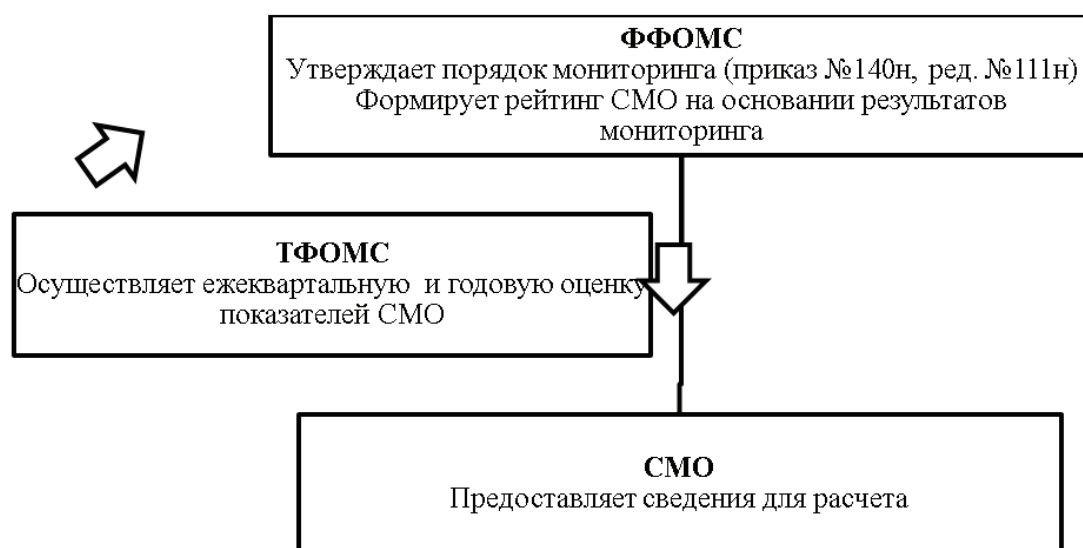

Рис. 1. Структура мониторинга деятельности СМО в системе ОМС [4]

Правовое значение приказа ФФОМС № 140н заключается в том, что он впервые детально регламентировал порядок осуществления мониторинга, сроки и состав представляемых сведений, а также методику расчета показателей оценки деятельности СМО. Это особенно

важно, поскольку до появления данного акта правовая конструкция мониторинга носила в значительной степени рамочный характер и оставляла широкий простор для ведомственного усмотрения. Теперь же формируется более определенная модель: мониторинг основан на пока-

зателях, предусмотренных договором о финансовом обеспечении ОМС, а его результаты служат основой для формирования рейтинга СМО [4]. Таким образом, оценка перестает быть только внутренним административным ориентиром и приобретает публично значимое измерение, поскольку влияет на репутацию, внимание контролирующих органов и, потенциально, на перспективы участия организации в системе ОМС.

С точки зрения финансового контроля такой подход является весьма оправданным. Традиционный контроль, ориентированный преимущественно на выявление уже совершенных нарушений, в условиях масштабных и динамичных финансовых потоков не всегда способен обеспечить достаточный уровень управляемости. Между тем в 2025 году доходы бюджета ФФОМС составили 4,447 трлн. рублей, расходы — 4,367 трлн. рублей, а исполнение бюджета завершилось с профицитом 80,7 млрд. рублей [5]. Эти цифры показывают, что система ОМС оперирует колоссальными ресурсами, а значит, даже незначительное повышение точности контроля, адресности расходов и дисциплины отчетности может иметь значимый бюджетный эффект. В таких условиях мониторинг позволяет не просто фиксировать проблемы задним числом, но и выявлять отклонения в поведении участников системы на ранней стадии, когда еще возможна коррекция без серьезных потерь для бюджета.

Не менее важно и то, что мониторинг СМО непосредственно связан с защитой прав застрахованных лиц. По действующей модели СМО обязаны не только участвовать в финансовом обеспечении ОМС, но и осуществлять деятельность по защите прав и законных интересов застрахованных лиц, а также информационное сопровождение, включая индивидуальное сопровождение, на всей территории Российской Федерации [2, ст. 3].

Следовательно, эффективность СМО должна оцениваться не только через финансово-экономические параметры, но и через качество исполнения социальных функций. И здесь именно мониторинг выступает связующим звеном между финансовым и социальным контролем, поскольку позволяет сопоставить объем получаемых организацией средств с реально достигнутыми результатами, например, с полнотой сопровождения, своевременностью предоставления информации и результативностью урегулирования спорных ситуаций. Иначе говоря, деньги в системе ОМС не могут оцениваться вне результата, а результат в этой системе не может быть оторван от финансовой дисциплины.

В правовом отношении особенно примечательна эволюция договорной модели. В договоре о финансовом обеспечении ОМС теперь должны содержаться обязанности СМО по передаче сведений в ТФОМС при прекращении действия договора и по достижению установленных показателей оценки деятельности. Одновременно из обязательных условий договора исключено право получения СМО вознаграждения за выполнение этих показателей [2]. Это изменение имеет принципиальное значение, поскольку

оно показывает переход от стимулирования в форме прямого вознаграждения к модели нормативно обусловленной ответственности и прозрачности отчетности.

С одной стороны, это устраняет возможные искажения, связанные с формализацией показателей ради получения бонуса. С другой стороны, усиливается роль мониторинга как механизма не поощрения, а публичной подотчетности. Такой сдвиг вполне соответствует логике финансового контроля, поскольку он направлен на добросовестное и эффективное использование ресурсов, а не награды за формальное соответствие.

Если говорить о нормативной базе более системно, то сегодня она включает, во-первых, сам Федеральный закон № 326-ФЗ [1], который определяет статус СМО, их полномочия и общие принципы участия в системе ОМС; во-вторых, подзаконные акты ФФОМС, конкретизирующие параметры мониторинга и оценки; в-третьих, договорные отношения между ТФОМС и СМО, где показатели и обязанности получают прикладное выражение. Так формируется многоуровневая нормативная конструкция, в которой закон задает рамки, подзаконный акт наполняет их методикой, а договор обеспечивает операционную реализацию. Именно такая комбинация позволяет считать мониторинг не вспомогательной процедурой, а полноценным элементом механизма финансового управления. В научном плане здесь проявляется принцип соединения императивного и диспозитивного начал, что особенно характерно для современной сферы публичных финансов.

Нельзя не отметить и то, что усиление мониторинга СМО связано с более общим трендом на повышение прозрачности системы ОМС. Последние изменения расширили территориальное измерение контроля и уточнили участие ФФОМС в обработке сведений, причем результаты оценки подлежат размещению в открытом доступе. Это означает, что мониторинг работает не только внутри ведомственной вертикали, но и как инструмент отчетности перед обществом. Открытость результатов формирует дополнительный дисциплинирующий эффект, так как стимулирует СМО к соблюдению показателей не только из-за административного контроля, но и из-за последствий для репутации. В условиях, когда общество все чаще оценивает качество институтов через открытые данные, такой механизм оказывается особенно значимым.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким образом мониторинг повышает именно эффективность финансового контроля, а не просто его формальную интенсивность.

Ответ здесь связан с общим переходом от сплошной проверки документов к риск-ориентированному анализу показателей. Когда ФФОМС собирает данные, рассчитывает значения по единой методике и сопоставляет их между различными СМО, появляется возможность выявлять не только нарушения, но и устойчивые отклонения от оптимальной модели поведения. Например, если одна организация систематически демонстрирует низкие значения по показателям, связанным с сопровождением за-

страхованных лиц или взаимодействием с медицинскими организациями, это становится основанием для углубленного анализа причин и принятия корректирующих мер. Следовательно, мониторинг экономит ресурсы контрольных органов, поскольку позволяет направлять точечное внимание туда, где риск неэффективного расходования средств будет выше.

С теоретической точки зрения в системе публичных финансов мониторинг СМО можно рассматривать как форму предварительного и текущего контроля, тесно сопряженную с последующим контролем. Он не заменяет ревизии, проверки и аудит, но создает для них аналитическую базу. Иными словами, мониторинг выполняет функцию своеобразного фильтра, который позволяет отсекал случайные колебания и фиксировать устойчивые отклонения от нормативного стандарта.

При этом важно, что мониторинг не ограничивается бухгалтерскими показателями: он включает и оценку исполнения договорных и организационных обязанностей, а значит отражает комплексную эффективность СМО в системе ОМС. Такая комплексность делает его особенно полезным для финансового контроля, поскольку в сфере здравоохранения чисто денежные индикаторы далеко не всегда раскрывают реальное качество администрирования и оказываемых медицинских услуг.

Показательно и то, что современная правовая конструкция допускает более гибкое распределение функций в системе ОМС. В 2026 году уже нормативно оформляются подходы, при которых полномочия СМО осуществляются ТФОМС, если в субъекте РФ отсутствуют соответствующие организации [3].

Это ещё раз подтверждает, что государство стремится не к формальному сохранению привычной институциональной схемы, а к обеспечению эффективности и устойчивости всей системы. В такой ситуации мониторинг приобретает дополнительное значение как средство сравнения моделей управления и оценки того, какая из них

обеспечивает более высокое качество финансовой дисциплины и исполнения обязательств перед застрахованными лицами. Поэтому вопрос о мониторинге СМО не стоит рассматривать изолированно от общей архитектуры реформирования системы ОМС.

Вместе с тем мониторинг не лишен и определенных проблемных зон. Во-первых, эффективность этой модели зависит от качества исходных данных, которые поступают от участников системы ОМС: если сведения неточны или несвоевременны, искажению подвергается вся последующая аналитика. Во-вторых, требуется постоянное уточнение самих показателей, чтобы они действительно отражали результативность деятельности, а не формально подгоняли отчетность. В-третьих, необходимо обеспечить сопоставимость критериев между регионами, иначе рейтинговый подход может попросту потерять свою эффективность.

Обозначенные моменты не умаляют значения мониторинга, а напротив, подчеркивают необходимость его дальнейшего нормативного и методического совершенствования. Таким образом, мониторинг деятельности СМО следует рассматривать как один из наиболее перспективных инструментов повышения эффективности финансового контроля в системе ОМС. Его значение определяется тем, что он соединяет правовую определенность, аналитическую глубину и практическую направленность на результат. Опираясь на актуальное законодательство, прежде всего Федеральный закон № 326-ФЗ и приказ ФФОМС № 140н, государство выстраивает систему, в которой финансовый контроль становится не только проверочным, но и прогностическим, а значит, более современным и управленчески зрелым.

В конечном счете именно такой подход позволяет повысить прозрачность расходования средств ОМС, укрепить дисциплину участников системы и обеспечить более надежную защиту прав граждан на получение медицинской помощи.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 28.12.2024 № 552-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 28.11.2025 № 430-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»
4. Приказ ФФОМС от 19.08.2025 № 140н (ред. от 14.05.2026) «Об утверждении порядка осуществления мониторинга деятельности страховых медицинских организаций, в том числе порядка и сроков предоставления субъектами обязательного медицинского страхования и участниками обязательного медицинского страхования сведений, необходимых для проведения указанного мониторинга, и порядка расчета показателей оценки деятельности страховых медицинских организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.08.2025 N 83395)
5. Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: <https://ach.gov.ru/>

Ответственность судей при необоснованном отказе в применении обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства ответчика

Бочков Владимир Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется правовая проблема возложения на добросовестного предпринимателя двойных убытков: сначала из-за недобросовестности контрагента, а затем вследствие отказа суда в принятии обеспечительных мер, что делает невозможным реальное исполнение судебного акта. Автор показывает, что действующие механизмы (встречное обеспечение, банкротство, субсидиарная ответственность) труднодоступны или неэффективны для малого бизнеса, а судьи фактически не несут имущественной ответственности за отказ в обеспечении иска. Обосновывается, что сложившаяся практика дискредитирует судебную систему и препятствует развитию предпринимательства. В качестве решения предлагается внедрение ограниченного гражданско-правового иммунитета судей с механизмом страховой или регрессной ответственности по опыту стран ЕС.

Ключевые слова: предпринимательский риск, недобросовестный контрагент, обеспечительные меры, арбитражный процесс, ответственность судей, иммунитет судей, взыскание убытков.

Liability of Judges for Unjustified Refusal to Apply Interim Measures in the Form of Freezing (Seizure) of the Defendant's Funds

Bochkov Vladimir Mikhaylovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

This article examines the legal problem of imposing double losses on a bona fide entrepreneur: first due to the counterparty's bad faith, and then as a result of the court's refusal to grant interim measures, which makes actual enforcement of a judicial act impossible. The author demonstrates that the existing legal mechanisms (such as counter-security, bankruptcy proceedings, and subsidiary liability) are either difficult to access or ineffective for small businesses, while judges bear no actual property liability for denying interim relief. It is argued that this established practice undermines the credibility of the judicial system and hinders entrepreneurial development. As a potential solution, the article proposes the introduction of limited civil law immunity for judges combined with an insurance or recourse liability mechanism, drawing on the experience of certain EU countries.

Keywords: entrepreneurial risk, badfaith counterparty, interim measures, arbitration process, judicial liability, judicial immunity, recovery of damages.

Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, направленную на систематическое получение прибыли, но при этом осуществляемую на свой риск. То есть на риск предпринимателя.

Суть же предпринимательского риска, кроме риска неисполнения обязательств перед государством и привлечёнными предпринимателем работниками, также может крыться в недобросовестности контрагентов, что порождает не только неполучение ожидаемых предпринимателем доходов, но и возникновение убытков, которые, в свою очередь, несут за собой иные правовые последствия, выражающиеся в неисполнении вышеуказанных обязательств.

Таким образом, последствиями недобросовестности контрагентов рассматриваемого предпринимателя являются два ключевых фактора, в том числе негативным образом опосредованно влияющих на экономику страны, это отсутствие пополнения государственной казны и возрастание нагрузки на государство по трудоустройству ранее трудоустроенных у предпринимателя работников.

Учитывая тот факт, что, согласно статье 403 Гражданского кодекса Российской Федерации предприниматель

отвечает за нарушение своих обязательств не только при наличии своей вины, но и при неисполнении обязательств третьими лицами — то есть недобросовестными контрагентами предпринимателя, выходит, что субъекты предпринимательской деятельности несут ответственность за риск, а не за вину, что чётко изложено в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.12.2021 г. № Ф04-6795/2021 [8].

Как следствие, при неисполнении недобросовестным контрагентом своих обязательств, соответственно приведших к невозможности для предпринимателя исполнить свои обязательства по выплате заработной платы работникам и оплате налогов, под непосредственную ответственность попадает сам предприниматель.

Единственный правовой механизм пресечения рассматриваемых негативных последствий — обращение за защитой своих интересов в суд. Однако при таких обращениях суды оценивают действия предпринимателя как лица, вышедшего за пределы обычного делового риска, что, по своей сути не всегда является объективным.

Кроме того, согласно статье 152 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, предельный

срок рассмотрения судебного иска в арбитражном производстве, поданного по экономическому спору, составляет три месяца, но на практике такие тяжбы затягиваются до полугода. В итоге у недобросовестного контрагента появляется достаточно времени на вывод со своих банковских счетов имеющихся денежных средств, на распоряжение имеющимися на балансе организации активами, а также, искусно используя процессуальные сроки, затягивая посредством апелляционной жалобы вступление решения арбитражного суда первой инстанции в законную силу, на смену собственника и исполняющего органа компании.

Существуют и исключения, предусмотренные частью 1 статьи 182 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, когда суд может указать в резолютивной части своего решения о его немедленном исполнении, но такой вариант возможен только тогда, когда истец докажет, что промедления вступления акта в законную силу сможет привести к значительному ущербу.

Итогом рассматриваемой ситуации зачастую становится имеющееся на руках у добросовестного предпринимателя решение суда о взыскании с недобросовестного контрагента долга, штрафов, пеней и понесённых судебных расходов, которые де-факто невозможно истребовать из-за того, что счета контрагента пусты. Привлечение же исполнительного и/или учредительного органа недобросовестного контрагента к субсидиарной ответственности, как правило, возможно только через процедуру его банкротства, что требует как довольно длительного времени, так и дополнительных финансовых вложений. При условии, что данная процедура может и не привести к желаемому результату, то есть к взысканию долга, по данному правовому пути идёт ничтожно мало добросовестных предпринимателей.

Кроме того, следует особо подчеркнуть, что для инициирования банкротства компании-должника, согласно пункту 2 статьи 6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», минимальный размер задолженности с 2024 года должен составлять не менее двух миллионов рублей.

Тем не менее, законодательством Российской Федерации предусмотрен, изложенный в статье 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, правовой механизм, допускающий применение к сторонам судебного процесса обеспечительных мер. Отбрасывая разновидности перечисленных в указанной статье закона обеспечительных мер, хотелось бы остановиться на ключевой, в разрезе рассматриваемого вопроса, обеспечительной мере, а именно, изложенной в пункте 1 части 1 рассматриваемой статьи, предполагающей наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, которые будут поступать на банковский счет) или иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или других лиц.

Стоит отметить, что ключевым нюансом данного механизма служит тот фактор, что, согласно части 2 статьи 94 Арбитражного процессуального кодекса Россий-

ской Федерации суд по собственной инициативе либо по ходатайству ответчика может потребовать от истца встречное обеспечение возмещения возможных для ответчика убытков путем внесения на депозитный счет суда денежных средств в размере, предложенном судом, либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения на ту же сумму.

Однако такой вариант чаще всего не приемлем для добросовестного предпринимателя, находящегося в рассматриваемой ситуации в связи с отсутствием достаточных денежных средств на его счёте, а также возможностью понести ещё большие убытки, так как оформление банковской гарантии или иное поручительство также требует вложения дополнительных денежных средств.

При этом, если истец всё-таки найдёт способы для предоставления встречного обеспечения иска и в своём ходатайстве отметит, что в силу части 4 статьи 93 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судом не может быть отказано в обеспечении иска при предоставлении встречного обеспечения, суд в таком ходатайстве всё равно откажет. Согласно реальной арбитражной практике, свой отказ суд обоснует тем, что предоставление встречного обеспечения не обязывает суд принять незаконный и необоснованный судебный акт в виде принятия мер по обеспечению иска (данную позицию также поддерживает Верховный Суд в пункте 14 и пункте 45 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 15 от 01.06.2023 О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты [5]). По мнению судов встречный депозитарный платёж не освобождает истца от приведения указанного в пункте 5 части 2 статьи 92 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации обоснования причин обращения с заявлением об обеспечении иска.

Примером такой модели действия суда является Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 25.05.2023 № А70–2826/2023 [7], согласно доводам которого «предоставление встречного обеспечения в порядке ч. 4 ст. 93 АПК РФ...само по себе, при отсутствии оснований применения обеспечительных мер, не является безусловным основанием применения обеспечительных мер».

Добиться же обеспечения иска, доказав суду, что принятие обеспечительных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение будущего судебного акта либо что существует риск причинения значительного ущерба, не имея на руках выписки о движении денежных средств на счёте ответчика, готовящейся смене руководства и собственника компании ответчика практически невозможно.

Итак, пройдя все необходимые инстанции, получив решение суда и передав его в обслуживающий недобросовестного контрагента банк либо судебным приставам, истец сталкивается с тем, что банковские счета ответчика пусты, а взыскать долг каким-либо иным способом невозможно.

Именно в этой точке хочется заострить внимание на ключевом в данной ситуации, но редко обсуждаемом вопросе, а именно: **несёт ли судья ответственность за отказ в принятии обеспечительных мер**, если впоследствии выясняется, что такой отказ привёл к невозможности исполнения судебного акта и прямым убыткам истца?

Увы, но ответ на этот вопрос очевиден, согласно части 2 статьи 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Анализируя данную формулировку посредством Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» мы видим, что преступным злоупотреблением, в соответствии с частью 1 статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации является использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

При этом, согласно части 15 данного Постановления под «**использованием**» должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы подразумевается совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, а согласно части 16 данного Постановления под «**интересами службы**» понимается незаконное оказание содействия в трудоустройстве, продвижении по службе, поощрении подчиненного, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности. «**Корыстная заинтересованность**» определяется как стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.). А «**личная заинтересованность**» как стремление должностного лица извлечь выгоду неимуществен-

ного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

Таким образом, приведённые нормы привлечения судей к ответственности за злоупотребление должностными полномочиями или о превышении должностных полномочий в рассматриваемом случае не применимы, что же касается вынесения заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, то расследование таких деяний относится ведению Следственного комитета Российской Федерации в лице исключительно его Председателя и решения по таким делам выносятся только с согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. В связи со сложностью и громоздкостью данной конструкции, можно сделать однозначный вывод, что Председатель Следственного комитета Российской Федерации по рассматриваемому определению судьи в отказе принятия обеспечительных мер в исковом заявлении обычного предпринимателя не станет квалифицировать данный судебный акт как нарушение статьи 305 Уголовного кодекса Российской Федерации, таким образом, привлечение судьи к уголовной ответственности за отказ в обеспечительных мерах без доказательств его личной корыстной заинтересованности исключено.

Согласно же статье 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей. Разделом II «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ определены виды административных правонарушений среди которых, единственное подходящее под рассматриваемую ситуацию, содержится в главе 14 данного нормативного правового акта, но и в этой главе какая-либо применимая к данной ситуации статья отсутствует.

Хотя текущая судебная система в части независимости судей де-юре правильна, де-факто она является порочной. Так как, согласно публичному праву, каждый такой необоснованный отказ судьи в обеспечительных мерах никоим образом не влияет на самого судью и не только создаёт ущерб для бюджета Российской Федерации, как уже ранее отмечалось, выражающийся в невозможности предпринимателя оплатить налоги и заработные платы своим сотрудникам, но и, что немаловажно, крайне дискредитирует саму судебную систему, которая, вынося подобные определения не способна в дальнейшем гарантировать исполнение собственных решений.

Выходит, что добросовестный истец вынужден нести двойные убытки, сначала от действий недобросовестного контрагента, затем — от невозможности исполнить решение из-за формального подхода суда к обеспечительным мерам. При этом привлечь судью к граждан-

ско-правовой ответственности в порядке статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации и возместить убытки истца за счёт казны Российской Федерации также невозможно, так как Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал что неправоудный акт сам по себе не является основанием для взыскания убытков с государства, если нет вступившего в силу обвинительного приговора в отношении судьи [6].

Следовательно, учитывая, что фактически судьи не несут никакой имущественной или дисциплинарной ответственности перед истцами за утраченную возможность исполнения решения, данная ситуация создаёт значительный перекоc, так как риск недобросовестности контрагента закон возлагает на предпринимателя, а риск судебной ошибки при отказе в обеспечении также возлагается на того же предпринимателя, но уже без всякого нормативного обоснования.

Данная ситуация пагубным образом сказывается на ведении малого бизнеса в Российской Федерации и уменьшает количество новых предпринимателей, что делает общество пассивным и не способным к созданию инновационных и прорывных технологий «снизу», без протекции и финансирования со стороны государства. Сложившуюся ситуацию могло бы изменить в лучшую сторону введение субсидиарной ответственности за убытки предпринимателя лично на судью, принявшего определение об отказе в обеспечении иска, по результату которого добросовестный предприниматель не смог законными методами вернуть невзысканные долги, однако такое предложение прямо противоречит конституционному принципу независимости и неприкосновенности судей. А разработка и внедрение механизма взыскания убытков с государства за счёт расширения трактовки статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Феде-

рации, влекущее за собой ужесточение дисциплинарной ответственности судей, не будет работать должным образом, так как непосредственно материально не влияет на судью.

В сложившихся реалиях, единственным эффективным механизмом будет опыт некоторых стран ЕС, согласно которому юридическая ответственность судей из абсолютного гражданско-правового иммунитета проклассифицирована в юридическую ответственность с ограниченным гражданско-правовым иммунитетом. Хотя судьи ЕС и освобождены от ответственности за возмещение вреда, причинённого принятыми ими актам и решениями, а возмещение такого вреда, по аналогии с законодательством Российской Федерации, ложится на государство, тем не менее их иммунитет не является абсолютным. Законодательство Великобритании, Германии, Франции, Италии, Чехии, в большей или меньшей степени предполагает применение государством к судьям регрессного требования, а законодательство Испании, в подобных случаях даёт возможность потерпевшему одновременно обратиться с иском и к судье, и к государству, что подразумевает их солидарную ответственность.

В Российской Федерации эффективным средством для устранения проблем с невозможностью взыскания долгов с недобросовестного контрагента будет разработанный механизм по опосредованному возмещению убытков истца судьям, например через разработку и внедрение неких страховых организаций, пополняемых из их собственного кармана и страхующих их ответственность в случае причинения вреда при осуществлении правосудия. Ибо личная ответственность дисциплинирует даже судей и делает исполнение их должностных обязанностей более добросовестными и нацеленными на достижение справедливого результата.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения 07.06.2026 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 07.06.2026 г.).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 07.06.2026 г.).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 07.06.2026 г.).
5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 15 от 01.06.2023 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842 (дата обращения 07.06.2026 г.).
6. Определение ВС РФ от 17.03.2017 № 305-ЭС16-20359 URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15022017-n-309-es16-20359-po-delu-n-a07-262742015/> (дата обращения 07.06.2026 г.).
7. Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 25.05.2023 № А70-2826/2023 URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZYwZsb6eBJld/> (дата обращения 07.06.2026 г.).
8. Предпринимательский риск. Прокуратура Оренбургской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_56/activity/legal-education/explain/e551826/ (дата обращения 07.06.2026 г.).
9. Медникова А. «ЭЖ-Юрист» № 22 (1273) URL: <https://epam.ru/ru/media/view/vs-rf-utverdil-novyj-podhod-k-prinyatiyu-sudami-mer-po-obespecheniyu-iska-i-obespechitelnyh-mer-or-lessemgreater> (дата обращения 07.06.2026 г.).

Процедура обжалования решений Роспатента и аннулирования регистрации

Вижевитова Юлия Григорьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Левушкин Анатолий Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены процедуры обжалования решений Роспатента и аннулирования регистрации товарного знака в Российской Федерации. Проанализированы административный и судебный порядок оспаривания, выделены ключевые сроки, основания и этапы подачи возражений. Практическая значимость статьи состоит в систематизации алгоритма действий заинтересованных лиц и рекомендации по формированию доказательственной базы.

Ключевые слова: товарный знак, палата по патентным спорам, недобросовестная конкуренция, интеллектуальная собственность, защита исключительных прав.

Procedure for Appealing Rospatent Decisions and Canceling Registrations

Vizhevitova Yuliya Grigoryevna, master's student

Scientific advisor: Levushkin Anatoly Nikolayevich, doctor of law, professor

Moscow University of Finance and Law

The article discusses the procedures for appealing against Rospatent decisions and the cancellation of trademark registration in the Russian Federation. It analyzes the administrative and judicial procedures for challenging decisions, highlighting the key deadlines, grounds, and stages of filing objections. The practical significance of the article lies in the systematization of the algorithm for interested parties and the recommendations for building an evidence base.

Keywords: trademark, Patent Disputes Chamber, unfair competition, intellectual property, protection of exclusive rights.

В сфере интеллектуальной собственности споры во-круг товарных знаков не редкость, они могут возникать как на этапе регистрации (когда Роспатент отказывает в охране), так и после нее (когда третьи лица требуют аннулировать уже действующую регистрацию).

Если заявитель не согласен с решением ведомства (например, в связи с отказом в регистрации товарного знака), закон предусматривает обязательный досудебный порядок. Для начала подается возражение в Палату по патентным спорам (далее — ППС), оно же структурное подразделение Роспатента. Затем, если возражение рассмотрено, но результат не устроил, после этого предоставляется возможность обращения в суд.

Стоит отметить, что для подачи возражений установлен срок — 4 месяца, когда Роспатент направил решение заявителю.

Аннулирование регистрации товарного знака — это признание предоставления правовой охраны недействительной полностью или частично. Основания для этого закреплены в ст. 1512 ГК РФ.

Условно можно разделить на две группы:

— Абсолютные, они же связаны с пороками самого обозначения: отсутствие различительной способности, описательность, введение потребителя в заблуждение, противоречие общественному порядку или нравственности, тождество или сходство с охраняемыми географическими указаниями, официальными символами. По таким основаниям срок для оспаривания не установлен.

— Относительные, возникают из конфликта с правами третьих лиц: регистрация знака, сходного до сте-

пени смешения с более ранним товарным знаком, фирменным наименованием, коммерческим обозначением или промышленным образцом; регистрация агентом или представителем без согласия правообладателя. Здесь действует 5-летний срок с даты публикации сведений о регистрации.

В отдельных случаях закон позволяет обратиться напрямую в Суд по интеллектуальным правам, когда проявляются признаки недобросовестной конкуренции или злоупотребление правом. Например, когда регистрация товарного знака была произведена не для реального использования, а с целью заблокировать деятельность конкурента или получить необоснованные преимущества. В таких спорах ключевое значение приобретает доказывание умысла и целей правообладателя, а также оценка поведения в совокупности с другими обстоятельствами дела.

С научной точки зрения эти процедуры рассматриваются как инструменты поддержания баланса между интересами правообладателей и общества в целом. Так, А. В. Хлиманков обращает внимание на то, что деятельность Роспатента по экспертизе заявок выполняет не только охранительную, но и превентивную функцию: она призвана не допустить появление на рынке знаков, способных ввести потребителя в заблуждение.

В свою очередь, А.С. Ворожечин и Н. В. Козлов подчеркивают, что защита общеизвестных товарных знаков преследует две цели:

— сохранить индивидуализирующую функцию обозначения и не допустить смешения в глазах потребителя;

— защитить репутацию бренда от «паразитирования» со стороны третьих лиц.

Эти подходы помогают лучше понять логику законодателя и правильно выстраивать правовую позицию в спорах.

На практике успех в делах об оспаривании и аннулировании во многом зависит от качества подготовки. Важно не только правильно определить основание для спора и соблюсти сроки, но и собрать убедительную доказательственную базу.

Это поможет включать поиск по реестрам, анализ степени сходства обозначений графическим и семантическим критериям, сбор документов о фактическом использовании знака, а также изучение актуальной судебной практики. Нередко решающее значение имеют экспертные заключения и результаты опросов потребителей позво-

ляют наглядно продемонстрировать, как воспринимается обозначение на рынке.

Таким образом, процедуры обжалования решений Роспатента и аннулирования регистрации товарного знака представляют собой сложный, но четко регламентированный механизм защиты прав в сфере интеллектуальной собственности. Их грамотное применение позволяет устранить правовые ошибки, пресечь недобросовестное поведение и обеспечить справедливое распределение прав на средства индивидуализации. Для участников рынка эти инструменты становятся не просто формальностью, а реальным способом защитить свои интересы и сохранить конкурентные преимущества.

Литература:

1. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права [Текст]: Т. 1: Часть общая / Ю. С. Гамбаров. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 2019. — 780 с.
2. Боброва, Н. А. Гарантии реализации государственно-правовых норм [Текст]: монография / Н. А. Боброва. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2023. — 164 с.
3. Залесов А. В. О проблемах оспаривания в суде по интеллектуальным правам решения Роспатента о выдаче патента с нарушением закона при его получении // Право и экономика. 2022. № 2. С. 34–40.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ // Российская газета. — 2006. — N 289.
5. Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск, 1926. С. 18, 26. Труды Института государства и права РАН. 2024. Том 19. № 4.
6. Джабаров, Э. А. Система юридической ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности [Текст]: монография / Э. А. Джабаров. — Москва: Юрлитинформ, 2020. — 416 с.

Злоупотребление процессуальными правами стороной защиты как способ затягивания сроков рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции

Волкова Валерия Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье исследуется проблема злоупотребления стороной защиты процессуальными правами при рассмотрении уголовных дел судами первой инстанции. Анализируются наиболее распространённые формы недобросовестного процессуального поведения: заявление явно необоснованных и однотипных ходатайств, использование права на отвод, немотивированная неявка участников процесса, вызов дополнительных свидетелей без намерения обеспечить их явку. На основе материалов судебной практики и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации выявляются причины отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве эффективных механизмов противодействия подобным злоупотреблениям. Предлагаются направления совершенствования уголовно-процессуального закона, позволяющие обеспечить баланс между гарантиями права на защиту и требованием разумности срока уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальным правом, сторона защиты, затягивание сроков, разумный срок уголовного судопроизводства, ходатайство, отвод, судебное разбирательство, суд первой инстанции.

Введение

Одним из фундаментальных принципов уголовного судопроизводства выступает требование о разумном сроке рассмотрения уголовного дела, закреплённое в статье 6.1 УПК РФ [1]. Соблюдение этого требования напрямую свя-

зано с реализацией конституционного права граждан на судебную защиту и доверием общества к правосудию. Однако практика судов первой инстанции показывает, что движению уголовного дела нередко препятствует не судебная волокита, а целенаправленные действия стороны защиты, формально основанные на предоставленных за-

коном правомочиях, но фактически направленные исключительно на затягивание процесса.

Актуальность исследования обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, в отличие от ГПК РФ и АПК РФ, прямо закрепляющих принцип добросовестности участников процесса и последствия его нарушения (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ), в уголовно-процессуальном законе институт злоупотребления правом на защиту не закреплён [7]. Во-вторых, повышенная степень защиты прав обвиняемого объективно затрудняет для суда квалификацию действий защиты как недобросовестных: любое их ограничение сопряжено с риском отмены приговора вышестоящей инстанцией. В-третьих, материалы правоприменительной практики свидетельствуют, что случаи затягивания разбирательства путём однотипных ходатайств, немотивированных отводов и необеспечения явки свидетелей носят системный, а не единичный характер [5; 8].

Целью настоящей статьи является анализ основных форм злоупотребления процессуальными правами стороной защиты, направленных на затягивание сроков рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, а также разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в указанной сфере.

1. Понятие и признаки злоупотребления правом на защиту в уголовном судопроизводстве

Действующий УПК РФ не содержит легального определения понятия «злоупотребление процессуальным правом» применительно к стороне защиты. Этот пробел частично восполнен разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (в ред. от 09.12.2025 № 33) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», суд вправе не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным, если отказ в удовлетворении ходатайства обусловлен явно недобросовестным использованием правомочий защиты в ущерб интересам других участников процесса [3]. Тем самым высшая судебная инстанция признала сам феномен злоупотребления правом на защиту, однако не выработала чётких критериев его идентификации.

В доктрине злоупотребление правом на защиту определяется как использование обвиняемым и (или) защитником предоставленных законом правомочий вопреки назначению и принципам уголовного судопроизводства, сопряжённое с нарушением прав других участников процесса либо публичных интересов, в том числе принципа разумности сроков производства [7]. Ключевым признаком, отличающим злоупотребление от правомерной реализации права, выступает целевая направленность: формально законное поведение совершается не для защиты действительных интересов обвиняемого, а для создания препятствий ходу разбирательства.

Методологическая сложность в том, что грань между добросовестной реализацией права на защиту и злоупотреблением им носит оценочный характер и устанавливается судом индивидуально. Одно и то же действие — например, ходатайство о вызове дополнительного свидетеля — в одном случае обусловлено необходимостью восполнения доказательств, а в другом служит лишь инструментом затягивания процесса. Отсутствие формализованных критериев разграничения порождает риск как излишней снисходительности судов к очевидным злоупотреблениям, так и необоснованного ограничения прав добросовестной защиты [7].

2. Основные формы злоупотребления процессуальными правами, направленные на затягивание сроков рассмотрения дела

2.1. Заявление необоснованных и однотипных ходатайств

Наиболее распространённой формой затягивания выступает многократное заявление стороной защиты ходатайств, не имеющих достаточного обоснования, либо повторное заявление ранее отклонённых ходатайств без изменения обстоятельств дела. К их числу относятся ходатайства об истребовании заведомо не относящихся к делу доказательств, о назначении многочисленных дополнительных и повторных экспертиз, о приобщении объёмных документов без указания их доказательственного значения, а также ходатайства процедурного характера — об отложении, о дополнительном времени для ознакомления с делом, о повторном допросе уже допрошенных лиц, — заявляемые систематически на каждом заседании.

Особенность данной формы злоупотребления в том, что каждое отдельное ходатайство формально соответствует статье 271 УПК РФ и не может быть отклонено без указания мотивов отказа. Сама обязанность суда разрешить каждое ходатайство, заслушать мнения сторон и вынести мотивированное постановление создаёт временные издержки, которые при многократном повторении однотипных обращений существенно увеличивают продолжительность разбирательства.

2.2. Заявление немотивированных отводов

Другим распространённым способом затягивания процесса выступает заявление отводов судье, прокурору, секретарю судебного заседания либо иным участникам процесса без достаточных фактических оснований, предусмотренных главой 9 УПК РФ. Многократное заявление отводов одному и тому же составу суда, в том числе после отклонения предыдущих отводов без появления новых обстоятельств, влечёт необходимость приостановления рассмотрения дела по существу до разрешения вопроса об отводе, что объективно увеличивает сроки судебного разбирательства. Аналогичная по своей сути модель по-

ведения, ориентированная на срыв судебного заседания посредством многократных немотивированных отводов, описана и применительно к смежным видам судопроизводства, что свидетельствует об универсальном характере данного способа затягивания процесса [11].

2.3. Неявка участников процесса со стороны защиты

Значительную долю случаев затягивания составляет неявка в заседание подсудимого, защитника либо свидетелей защиты по причинам, формально уважительным (болезнь, занятость в другом процессе), но систематически повторяющимся и не подкреплённым доказательствами. Особую сложность представляет неявка приглашённого защитника: его замена защитником по назначению («дублёром») нередко расценивается вышестоящими инстанциями как нарушение права на защиту, поскольку статья 50 УПК РФ допускает такую замену лишь при определённых условиях [7]. В результате суды вынуждены неоднократно откладывать заседание, что увеличивает срок содержания подсудимого под стражей и нагрузку на судебную систему.

2.4. Вызов дополнительных свидетелей и представление доказательств без надлежащей подготовки

Заявление ходатайств о вызове дополнительных свидетелей на поздних стадиях следствия, без принятия защитой разумных мер по обеспечению их явки, — ещё одна распространённая форма затягивания. Судебная практика прямо признаёт такие действия злоупотреблением: если защита заявляет ходатайство о допросе свидетеля, не предпринимая мер к обеспечению его явки, это расценивается как направленное на затягивание сроков дела, а мотивированный отказ суда не свидетельствует о нарушении права на защиту [8]. Аналогично расценивается практика представления новых доказательств «порциями», вынуждающая откладывать заседания для их исследования [7].

3. Примеры из судебной практики

Приведённые формы злоупотребления находят подтверждение в практике судов апелляционной и кассационной инстанций, которые при проверке приговоров нередко оценивают доводы о нарушении права на защиту, связанные с отказами судов первой инстанции в удовлетворении ходатайств защиты.

Так, по одному уголовному делу апелляционная инстанция признала обоснованным отказ в удовлетворении ходатайства защиты о допросе свидетеля, поскольку защита не приняла мер по обеспечению его явки. Суд указал, что такое поведение направлено на затягивание сроков дела и свидетельствует об очевидном злоупотреблении, а мотивированный отказ не является нарушением права на защиту [8].

Другой пример связан со злоупотреблением правом на ознакомление с материалами дела на стадии окончания расследования (ст. 217 УПК РФ): выработанная там модель затягивания нередко переносится защитой уже в суд первой инстанции [6].

Показательна и практика вышестоящих судов, где допущенные нарушения повлекли затягивание сроков и стали основанием отмены решений с направлением дела на новое рассмотрение, что демонстрирует комплексную природу проблемы [8].

4. Проблемы правового регулирования противодействия злоупотреблению правом на защиту

Анализ действующего законодательства позволяет выявить несколько системных проблем, затрудняющих эффективное противодействие злоупотреблению процессуальными правами стороной защиты.

Во-первых, в УПК РФ отсутствует норма, прямо закрепляющая принцип добросовестности участников процесса и последствия его нарушения, — в отличие от ГПК РФ и АПК РФ, где такие нормы (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ) закрепляют обязанность добросовестного пользования правами и предусматривают неблагоприятные последствия её нарушения, вплоть до отнесения судебных расходов на недобросовестную сторону (ст. 111 АПК РФ, ч. 3 ст. 150 ГПК РФ) [4].

Во-вторых, регулирование не содержит формализованных критериев отграничения добросовестной реализации права на защиту от злоупотребления им, что вынуждает суды отказывать в ходатайствах защиты в условиях риска отмены приговора. Эта неопределённость снижает готовность судов противодействовать очевидным злоупотреблениям: последствия для суда первой инстанции асимметричны — ошибочное признание добросовестного поведения злоупотреблением почти неизбежно влечёт отмену приговора, тогда как излишняя снисходительность к затягиванию в худшем случае влечёт лишь критику вышестоящей инстанции [7].

В-третьих, отсутствуют эффективные меры процессуальной ответственности защиты за доказанное злоупотребление. В отличие от гражданского и арбитражного процесса, где предусмотрено отнесение судебных расходов на недобросовестную сторону, в уголовном судопроизводстве такой институт неприменим ввиду публично-правовой природы преследования и презумпции невиновности, а альтернативные механизмы воздействия отсутствуют [4; 9].

В-четвёртых, институт разумного срока судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) на практике недостаточно эффективен в части противодействия злоупотреблениям защиты: период, на который дело было отложено по вине защиты, засчитывается в общий срок наравне с объективно обусловленными периодами, что не создаёт стимулов к пресечению недобросовестного поведения [9].

5. Направления совершенствования законодательства

С учётом выявленных проблем представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Дополнить УПК РФ нормой, закрепляющей принцип добросовестного использования участниками процесса своих процессуальных прав, по аналогии с ч. 1 ст. 35 ГПК РФ и ч. 2 ст. 41 АПК РФ. Закрепление принципа на уровне закона придаст институту правовую определённую и позволит судам прямо ссылаться на норму при отказах в удовлетворении явно недобросовестных ходатайств.

Сформировать в законе или постановлении Пленума Верховного Суда РФ исчерпывающий перечень признаков злоупотребления правом на защиту: систематическое заявление однотипных ходатайств без изменения обстоятельств; заявление отвода после его отклонения без новых оснований; непринятие мер по обеспечению явки заявленных свидетелей; неоднократная неявка защитника без доказательств уважительности причин. Такой перечень, при сохранении за судом права оценивать конкретные обстоятельства, снизит риск как ограничения прав добросовестной защиты, так и снисходительности к очевидным злоупотреблениям.

Уточнить порядок исчисления разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ), предусмотрев возможность исключения из общего срока периодов, образовавшихся вследствие установленного судом злоупотребления защиты, при условии вынесения мотивированного постановления. Такой подход не ограничивает право на защиту, но позволяет фиксировать вклад недобросовестного поведения в продолжительность дела и учитывать его при оценке разумности срока и рассмотрении заявлений о компенсации за его нарушение.

Усовершенствовать порядок обеспечения явки свидетелей защиты, закрепив обязанность стороны, заявляющей ходатайство о вызове свидетеля, подтвердить принятие мер по его извещению, а также право суда отклонять повторные ходатайства при неоднократной необеспеченной явке без уважительных причин, с обязательной мотивировкой такого решения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Расширить практику вынесения судами частных постановлений (ч. 4 ст. 29 УПК РФ) в отношении адвокатских палат при установленном систематическом недобросовестном поведении защитника, с последующим рассмотрением вопроса о его дисциплинарной ответственности. Этот механизм, уже допускаемый постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 29, нуждается в более активном применении [3].

Внедрить в практику судов методику предварительной оценки объёма и последовательности представления доказательств стороной защиты на стадии подготовки к разбирательству, что позволит заблаговременно выявлять признаки «дозированного» представления доказательств и своевременно реагировать на них, не дожидаясь накопления задержек в ходе следствия [4].

Реализация предложенных мер требует взвешенного подхода и не должна вести к формальному ограничению конституционного права на защиту: их цель — не сужение процессуальных гарантий обвиняемого, а создание инструментов, позволяющих суду отграничивать добросовестную защиту от её использования вопреки назначению судопроизводства.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что злоупотребление стороной защиты процессуальными правами — распространённое и системное явление, затрудняющее соблюдение разумных сроков рассмотрения уголовных дел в судах первой инстанции. Наиболее типичны заявление необоснованных и однотипных ходатайств, немотивированные отводы, систематическая неявка участников со стороны защиты и вызов дополнительных свидетелей без мер по обеспечению их явки.

Основная причина низкой эффективности противодействия — отсутствие в законе легального закрепления принципа добросовестности участников процесса и критериев отграничения злоупотребления от правомерной реализации права. Устранение этих пробелов путём внесения предложенных изменений в УПК РФ и развития разъяснений Пленума Верховного Суда РФ позволит судам первой инстанции эффективнее противодействовать затягиванию разбирательства без ущерба гарантиям права на защиту.

5. Курченко В. Н. Критерии разумного срока уголовного судопроизводства: интерпретация судебной практики // Уголовное право. 2024. № 8.
6. Зайцев В. Н. Явное затягивание обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела как закономерный итог злоупотребления обвиняемым своими правами в период его расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2. С. 12–19.
7. Институт «злоупотребление правом» в уголовном процессе как фактор нарушения права на защиту // Адвокатская газета. 2022. (дата обращения: 01.07.2026).
8. Затягивание рассмотрения уголовного дела: подборка судебной практики // СПС «КонсультантПлюс». 2025 (дата обращения: 01.07.2026).
9. Компенсация за нарушение сроков судопроизводства: инструмент или лозунг? // ГАРАНТ.РУ. (дата обращения: 01.07.2026).
10. Последствия злоупотребления процессуальными правами: подборка материалов // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.07.2026).
11. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // ГАРАНТ.РУ. (дата обращения: 01.07.2026).

Роль постановлений и определений Конституционного Суда РФ в области трудовых отношений

Говарунова Ксения Дмитриевна, студент;

Рослякова Валерия Александровна, студент;

Туманова Вера Юрьевна, студент;

Чередниченко Александра Владимировна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена определению роли постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации в области трудовых отношений. В статье рассматриваются решения Конституционного Суда по жалобам граждан на нарушение их трудовых прав. Авторы анализируют проблемы и предлагают пути их решения.

Ключевые слова: Конституционный Суд, Трудовой кодекс, Конституция РФ, работник, постановление, права человека, защита трудовых прав.

В соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации (Далее — Конституция РФ), Конституционный Суд (Далее — КС РФ) — это «высший судебный орган конституционного контроля Российской Федерации, осуществляющий судебную власть посредством конституционного производства в целях...защиты прав и свобод человека и гражданина» [1]. В последнее время КС РФ активно защищает такую слабую сторону, как работника, основные незыблемые права которого закреплены в ст. 37 Конституции РФ.

Проанализировав данную статью, можно выделить важнейшие конституционные гарантии в сфере труда. Часть 1 статьи 37 Конституции РФ провозглашает, что труд является свободным, и каждый имеет право выбрать профессию и вид деятельности.

В соответствии с ч. 2 и ч. 3 Конституции РФ принудительный труд запрещен, работники имеют право на безопасные условия труда, достойное вознаграждение и защиту от безработицы. Охрана труда включает ряд мероприятий, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, за которые отвечает работодатель. Заработная плата устанавли-

вается трудовым договором согласно действующими у данного работодателя системами оплаты труда, при этом запрещена какая бы то ни была дискриминация, а минимальный размер оплаты труда обязателен. Государство гарантирует защиту от безработицы, включая выплату пособий и содействие занятости граждан.

Часть 4 статьи 37 Конституции РФ признает право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку, которая может инициироваться только работниками при соблюдении необходимых процедур, регламентированных Трудовым кодексом РФ (Далее — ТК РФ) [2].

На основании ч. 5 ст. 37 Конституции РФ для работников гарантировано право на отдых с максимальной продолжительностью рабочего времени не более 40 часов в неделю. Также ТК РФ закрепляет различные виды времени отдыха. Минимальный ежедневный перерыв для отдыха составляет 30 минут, а еженедельные выходные дни должны быть не менее 42 часов. Установлены нерабочие праздничные дни, а минимальная продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска составляет 28 календарных дней. Право на отдых является основным соци-

альным правом, способствующим сохранению здоровья, развитию личности и реализации других прав.

Перечень полномочий КС РФ в области трудовых отношений содержится в ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») [3].

Исходя из анализа нормативных правовых актов, КС РФ наделен широким кругом полномочий в области конституционного контроля, в сферу которого входят: разрешение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов и иных нормативных актов; разрешение споров о компетенции; проверка по жалобам граждан и запросам судов конституционности закона, нарушающего конституционные права и свободы граждан; толкование Конституции РФ.

На практике КС РФ выносит определения и постановления в области трудовых отношений для проверки ТК РФ и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права на факт соответствия их Конституции РФ. Чаще всего обращаются с жалобой именно работники, и лишь незначительная часть обращений от работодателей, судов, профсоюзов и депутатов представительных органов субъектов федерации.

Без сомнений признается нормативная сила постановлений КС РФ, выражающаяся, по мнению Л. П. Рассказова, в негативном правотворчестве, которое проявляется в решениях о неконституционности нормативных актов либо их отдельных положений (являются источниками права). И в позитивном правотворчестве, которое проявляется при разрешении конкретных дел КС РФ в своих решениях, формулирует соответствующую правовую позицию, т. е. его отношение к определенным правовым проблемам. Таковыми могут быть, например, толкования понятий.

Именно такие постановления и будут являться судебными прецедентами. Однако в России, относящейся к романо-германской правовой системе прецедент не является источником права, но может использоваться, например судами для обоснования своих решений [9, с. 302].

Есть и иные позиции в доктрине насчет роли постановлений и определений КС РФ. Можно выделить 4 основные: как отдельный нормативный правовой акт, как судебный прецедент, как правовой обычай, как особый самостоятельный источник права.

В соответствии со ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде» различие между постановлением и определением проявляется в следующем. Итоговое решение Конституционного Суда РФ по существу любого из вопросов, перечисленных в п. 1, 2, 3, 3.1, 3.2, 3.3 ч. 1 ст. 3, именуется постановлением КС РФ. А все иные решения КС РФ, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства, именуется определениями. В литературе постановления подразделяются на итоговые и разъяснительные, а определения в свою очередь на отказные, квазипозитивные и с позитивным содержанием [10, с. 171].

Обратимся к судебной практике для подтверждения необходимости и важности решений Конституционного Суда Российской Федерации в трудовом праве.

Постановление КС РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П признает ч. 1 ст. 392 ТК РФ не соответствующей Конституции РФ, так как неопределенность в исчислении искового срока — пробел в законодательстве. Из правовой позиции суда следует, что к требованию о компенсации морального вреда, когда оно заявлено самостоятельно — без связи с другими требованиями, вытекающими из трудовых правоотношений, — не могут быть применены сроки, предусмотренные частью первой ст. 392 ТК РФ. В дальнейшем до внесения указанных изменений срок исчисляется в течение трех месяцев с момента вступления в законную силу решения суда [4].

Однако с момента официального опубликования данного постановления прошло почти 4,5 года, а внесения изменения в ч. 1 ст. 392 ТК РФ так и не произошло. В ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» определен срок внесения законопроекта в Государственную Думу — не позднее 6 месяцев. Законопроект был внесен в Государственную Думу от 14.12.2020 года. В пояснительной записке обосновывается факт внесения изменения в ч. 3, а не в ч. 1 ст. 392 ТК РФ следующим — «в целях обеспечения надлежащей защиты нарушенных трудовых прав в части возмещения причиненного таким нарушением морального вреда, законопроектом предлагается установить, что требование о компенсации морального вреда, причиненного работнику нарушением его трудовых прав, может быть заявлено работником одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав либо в течение трех месяцев после вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично» [7]. Так законодатель внес правки в статью, однако не в ту часть, на которую первоначально указывал КС РФ.

Еще одним примером несоответствия статьи ТК РФ нормам Конституции РФ служит Постановление КС РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П. Работодатель не выплачивал Е. В. Царегородской стимулирующие выплаты начиная с октября 2019 года и вплоть до ее увольнения 10 августа 2020 года. Это постановление Конституционного Суда РФ является весьма актуальным и вызвало значительный резонанс в последнее время.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2021 года было вынесено решение, в соответствии с которым работодатель вправе не производить работнику стимулирующие выплаты до момента снятия дисциплинарного взыскания. В передаче в вышестоящие судебные инстанции заявительнице было отказано.

КС РФ не согласился с решением Третьего кассационного суда общей юрисдикции, признав ч. 2 ст. 135 ТК РФ не соответствующей Конституции РФ [5]. Теперь работодатели не имеют право лишать работников стимулирующих выплат на период действия дисциплинарного взы-

скания. Законопроект был зарегистрирован от 23.11.2023, а первое чтение состоялось лишь 13.02.2025 [8], то есть прошел почти 1 год и 3 месяца.

В Постановлении КС РФ от 22 ноября 2024 г. № 54-П Суд признал ч. 2 и 3 ст. 318 ТК РФ не соответствующими Конституции РФ, а именно ст. 19 (ч. 1 и 2) и 37 (ч. 1) Конституции РФ, так как они лишают работника, уволенного из организации, расположенной в районах Крайнего Севера или приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата ее работников, права на выплату среднего месячного заработка за период трудоустройства лишь по причине того, что этот работник продолжает выполнять иную оплачиваемую работу у другого работодателя, которая на момент увольнения с основной работы являлась для него работой по совместительству. Они приводят к нарушению принципа равенства при реализации права свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать работу [6].

Таким образом, исходя из вышеприведенных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, можно утверждать, что их роль нельзя недооценивать в трудовых отношениях.

КС РФ, прежде всего вынесением своих решений защищают такую слабую сторону в трудовом споре, как работника, гарантируя его конституционные права и свободы. Постановлениями КС РФ пользуются нижестоящие суды при разрешении дел, да и не только суды, а также, например адвокаты и иные лица. Эти правовые позиции, безусловно, вносят понимание в изъяны ТК РФ и устраняют некоторые дефекты, конкретизируют применение статей.

Необходимо отметить тот факт, что постановления КС РФ окончательны, обжалованию не подлежат, вступают в силу со дня официального опубликования, действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами.

Роль постановлений КС РФ, в которых статьи ТК РФ признаются не противоречащими Конституции РФ, заключается именно в исправлении правового регулирования нижестоящих судов, отказывавших в удовлетворении исковых требований граждан.

Основываясь на анализе постановлений, нижестоящие суды либо отказывают в удовлетворении исковых требований, либо удовлетворяют их лишь в части, но апелляционная инстанция отменяет ранее принятое решение.

Авторы полагают, что нижестоящие суды могут неправильно толковать нормы в связи с их огромной нагрузкой, а также, возможно, с определенной некомпетентностью части судей. Решить данную проблему можно лишь снижением нагрузки на судей и повышением их правовой грамотности, например, проводить курсы для повышения квалификации, ежегодную аттестацию и прочее.

Противоречивой является проблема, связанная с внесением правок в статьи ТК РФ, которая упоминалась в процессе анализа постановлений. Федеральный законодатель довольно долго вносит правки — это может занимать год и больше, хотя изменение касается лишь части или абзаца статьи. Либо вообще не вносит правки в ТК РФ и никакой ответственности за это не несет. Предлагается решить данную проблему, ограничив срок рассмотрения изменений в законопроекты, инициатором которых является КС РФ и установив ответственность за просрочку на законодательном уровне в виде штрафа.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — ст. 4398.
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 07.07.2026)
3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 07.07.2026)
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. М. Четыза». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 07.07.2026)
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 07.07.2026)
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2024 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Сергеева». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 07.07.2026)
7. Законопроект № 1075006-7 // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1075006-7#bh_histtras (дата обращения: 08.07.2026).

8. Законопроект № 513234–8 // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/513234-8> (дата обращения: 08.07.2026).
9. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. — 559 с.
10. Филиппов В. Н. Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в совершенствовании трудового законодательства (к 20-летию Трудового кодекса Российской Федерации) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № Т. 16. № 2. — С. 165–188.

К вопросу о причинах бытовой коррупции

Гоцик Анна Максимовна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В рамках настоящей публикации будут рассмотрены причины и факторы, способствующие появлению и развитию бытовой коррупции. Автор рассматривает бытовую коррупцию как начальную, часто неосознаваемую, ступень на пути к «глобальной» коррупции, признаки которой соответствуют составам коррупционных преступлений, приведенных в ныне действующем уголовном законодательстве.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, деяние, противодействие коррупции, преступление.

On the causes of everyday corruption

This publication examines the causes and factors contributing to the emergence and development of petty corruption. The author views petty corruption as an initial, often unconscious, step toward «global» corruption, the characteristics of which correspond to the elements of corruption offenses defined in current criminal legislation.

Keywords: corruption, petty corruption, act, anti-corruption, crime.

В современном мире существует очень значимая и широко распространенная проблема, касающаяся всех сфер общественной жизни — коррупция. Последствия совершения действий, имеющий коррупционный характер оказывает негативное влияние на экономическое развитие, политическую стабильность и социальную справедливость; провоцирует конфликты в обществе, делает его неоднородным. В условиях глобализации, коррупция приобретает большую актуальность, внедряются разные методы борьбы с ней, но полностью исключить ее из нашей жизни, к сожалению, не получится. И неким элементом, порождающим коррупцию, на наш взгляд, является бытовая коррупция, обладающая высоким уровнем распространенности и латентности.

Целью исследования в рамках настоящей статьи выступает изучение причин бытовой коррупции в настоящих условиях.

Прежде чем рассмотреть причины бытовой коррупции следует упомянуть о теоретическом аспекте рассматриваемого вопроса: а именно, рассмотреть термин «коррупция».

Важно отметить, что законодателем сформулировано и в положениях статьи 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закреплено легальное определение термина «коррупция» под которым понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки,

получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [1].

В дополнение ряд авторов высказывали собственные позиции относительно содержания данного термина, например, Е. Р. Пудаков предлагал под коррупцией понимать «различного рода обстоятельства, когда государственный или муниципальный служащий принимает противоправное решение, из которого извлекает выгоду некоторая вторая сторона, а сам служащий получает незаконное вознаграждение от этой стороны. Для такой ситуации характерны ряд признаков: наличие решения, нарушающего закон или общественные нормы, действие сторон по обоюдному согласию, с получением при этом противозаконной выгоды или преимущества, а также сокрытие своих действий [2]».

Д. Н. Афонин в своей работе «Правовое регулирование противодействия коррупции в Российской Федерации» указывает на том, что под коррупцией следует понимать «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, ком-

мерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [3].

Одним из факторов и обстоятельств, способствующих формированию и развитию коррупции, являются проявления бытовой коррупции.

По мнению Ю. В. Трунцевского, «бытовую» коррупцию можно охарактеризовать как явление, имеющее глубокие исторические корни и всепроникающий характер, порождаемое взаимодействием рядовых граждан и чиновников низового и среднего уровня, обусловленное низким экономическим развитием государства, раздутым неэффективным бюрократическим аппаратом и плохим администрированием социальных услуг, поддерживаемое населением как привычка и должная форма «решения» бытовых проблем, а чиновниками как компенсация недостаточных зарплат, влекущее системные разрушительные последствия [4].

В целом, повседневная коррупция является одним из самых известных проявлений коррупции, поскольку для большинства она стала «нормальной и привычной». Тем самым, пока существует коррупция, подрывается авторитет власти и появляется недоверие.

Встречаясь с коррупцией в реальной жизни, можно выделить материальные ценности, которые служат «взяткой» для достижения определенной цели.

Автором выделены ряд основных материальных ценностей, передаваемых в качестве взятки, они могут включать не только денежные средства, но и любые другие ценности, имеющие реальную стоимость, такие как:

- ювелирные изделия;
- ценные бумаги;
- автотранспортные средства;
- недвижимое имущество;

Отмечая систематичность коррупции, стоит разобрать причины ее возникновения.

В качестве причин бытовой коррупции следует отметить:

- низкий уровень заработных плат у государственных служащих при одновременном наличии возможности у них оказывать влияние на принимаемые решения;
- институциональные причины кроются в высоком уровне скрытности работы государственных ведомств, масштабной системы отчетности, слабой политики кадров государства, которая в свою очередь допускает некомпетентных граждан в различные сферы управления, а также возможность продвижения по карьерной лестнице вне зависимости от настоящих и действительных результатов работы;

— недостаточность информированности и организованности граждан по вопросам бытовой коррупции и коррупции, в целом;

— низкий уровень образования, воспитания, социальной ответственности, самосознания, отсутствия чувства долга и другие личные характеристики участников акта коррупции;

— низкий уровень доходов, отсутствие возможностей роста и самореализации;

— дисфункция правовой и судебной системы, отсутствие адекватного наказания за подобное правонарушение, двойственность законов.

— низкий уровень правовой грамотности населения;

— заинтересованность обеих сторон-участников акта коррупции.

Коррупционное поведение влечет существенные негативные последствия, в том числе среди которых:

- расширение масштабов теневой экономики;
- нарушение конкурентных механизмов рынка;
- неэффективное использование бюджетных средств;
- рост цен;
- развитие коррупции в частном секторе.

Социальные последствия коррупции можно представить как:

- отвлечение средств от значимых социальных проектов;
- резкое возрастание имущественного неравенства;
- усиление организованной преступности на фоне коррумпированности чиновничества и правоохранительных структур.

Некоторые исследователи отмечали и такие последствия коррупции как некачественное здравоохранение и образование, деградация и стагнация(застой) экономики, развал армии и всей правоохранительной и судебной системы и некоторые другие.

Примеры, приведенные ниже, отлично иллюстрируют, что бытовая коррупция проявляется во всех сферах жизни, даже в государственных учреждениях таких как, школы, детские сады и высшие учебные заведения и другие.

Например, при анализе судебной практики были выявлены следующие примеры коррупции, которая явно сформировалась из «бытовой» коррупции, среди них: в августе 2011 года в РНИМУ имени Пирогова разгорелся скандал со списками поступающих, в которые были включены «абитуриенты-призраки». Оказалось, что 75 % абитуриентов вуза не числятся в федеральной базе свидетельств о результатах ЕГЭ. После этого ректор вуза Николай Володин был уволен по приказу Минздравсоцразвития России. Представители генеральной прокуратуры России отметили, что на этих «студентов» не заводились личные дела, отсутствовали сведения о сдаче ими ЕГЭ. В результате неправомерных действий была искусственно создана ситуация, при которой большое число настоящих абитуриентов лишились возможности быть зачисленными в вуз на бюджетные места. Генпрокуратура направила материалы дела в Следственный комитет для принятия ре-

шения об уголовном преследовании виновных. Следственные органы возбудили два уголовных дела: по части 1 статьи 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) и по части 2 статьи 292 УК РФ (служебный подлог) [5].

К слову, за 2024 год зафиксировали 38,5 тысячи коррупционных преступлений, что выше, чем за аналогичный период 2023 год — 36,4 тысячи; в 2022 году было

зарегистрировано 33 170 дел коррупционной направленности [6].

Таким образом, следует отметить, что фиксируется рост коррупционных преступлений, при этом коррупция — латентное явление и многие преступления коррупционного характера не раскрываются по причине их малозначительности (например, подарки преподавателям, медицинским работникам и пр.).

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228, «Российская газета», N 266, 30.12.2008, «Парламентская газета», N 90, 31.12.2008.
2. Пудаков Е.Р. Государственная политика Российской Федерации по противодействию коррупции/ Е.Р. Пудаков; БИСТ (филиал) ОУФ ВО «АТиСО». – Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов «Академия труда и социальных отношений», 2015 – с. 8
3. Афонин Д. Н. Правовое регулирование противодействия коррупции в Российской Федерации: Учебник. — [6. м.]: Издательские решения, 2024. С. 109
4. Трунцевский Ю.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // Журнал российского права. 2018. №1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-povsednevnyaya-korrupsiya-ponyatie-i-sotsialnoe-znachenie> (дата обращения: 20.11.2025).
5. <https://pasm.ru/archive/26438> (дата обращения: 20.11.2025).
6. <https://www.audit-it.ru/news/finance/1119530.html> (дата обращения: 20.11.2025).

Проблемы реализации прокурором полномочий по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве

Дармаев Цырен-Даши Зориктеевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье исследуются проблемы реализации прокурором полномочий по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются особенности правового регулирования участия прокурора в гражданском процессе, анализируются положения гражданского процессуального законодательства, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и отдельные положения семейного законодательства.

Ключевые слова: прокурор, несовершеннолетний, гражданское судопроизводство, защита прав, статья 45 ГПК РФ, гражданский процесс, судебная защита.

Защита прав несовершеннолетних относится к числу публично значимых направлений государственной деятельности. Ребенок не обладает полной гражданской процессуальной дееспособностью, поэтому реализация принадлежащих ему прав во многих случаях зависит от действий законных представителей и государственных органов. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства обеспечивать охрану семьи, материнства и детства, а также гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод [1]. Международные стандарты защиты прав детей закреплены также в Конвенции о правах ребенка, предусматривающей обязанность государств обеспечивать ребенку эффективную судебную и правовую защиту его интересов [2]. Реализация этих положений не-

возможна без эффективного участия органов прокуратуры в гражданском судопроизводстве, когда нарушение прав несовершеннолетнего требует судебного вмешательства.

Указанные гарантии получили дальнейшее развитие в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», закрепляющем приоритет государственной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних [6], роль в реализации указанных гарантий принадлежит органам прокуратуры. Полномочия прокурора определяются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которым прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов и принимает меры к восстановлению нарушенных прав граждан [5].

По отношению к несовершеннолетним такая деятельность имеет двойственную природу. С одной стороны, прокурор обеспечивает соблюдение требований закона, с другой — выступает дополнительной гарантией защиты ребенка в случаях, когда родители, опекуны или иные законные представители не исполняют свои обязанности либо сами нарушают права несовершеннолетнего, поэтому участие прокурора в подобных делах обусловлено не частным интересом отдельных лиц, а публичной обязанностью государства обеспечить защиту наиболее уязвимой категории участников гражданских правоотношений [9].

Основные процессуальные формы участия прокурора закреплены статьей 45 ГПК РФ. Норма предусматривает право прокурора обратиться в суд с заявлением в защиту прав граждан, а также вступить в процесс для дачи заключения в случаях, прямо установленных законом. Для дел, связанных с защитой семьи, материнства, отцовства и детства, законодатель отказался от общего правила, согласно которому прокурор обязан доказывать невозможность самостоятельного обращения гражданина в суд. Исключение обусловлено особой социальной значимостью рассматриваемой категории дел. Законодатель исходит из того, что интересы ребенка требуют повышенного уровня государственной защиты независимо от активности его законных представителей [3].

Именно эта особенность статьи 45 ГПК РФ отличает защиту прав несовершеннолетних от большинства других категорий гражданских дел. Если в общем порядке участие прокурора носит субсидиарный характер и обусловлено невозможностью самостоятельной защиты нарушенного права гражданином, то при защите интересов несовершеннолетних прокурор получает самостоятельное право инициировать судебное разбирательство. И законодательная конструкция полностью соответствует статье 38 Конституции Российской Федерации, поскольку государственная защита детства не может ставиться в зависимость исключительно от поведения родителей или иных законных представителей.

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации способствует формированию единообразного подхода к рассмотрению гражданских дел, связанных с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» обращается внимание на обязательность участия прокурора при рассмотрении данной категории дел, что обусловлено необходимостью обеспечения всесторонней защиты прав и законных интересов ребенка [7].

Аналогичный подход отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Верховный Суд Российской Федерации указал, что при разрешении споров, затрагивающих права несовершенно-

летних, суд обязан исходить из приоритета интересов ребенка, всесторонне исследовать обстоятельства дела и обеспечить эффективную судебную защиту его прав. Данные разъяснения подтверждают, что участие прокурора в подобных делах является одной из важнейших государственных гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних [8].

Проблемы реализации прокурором полномочий не ограничиваются неоднозначным применением статьи 45 ГПК РФ. Не меньшее значение имеет отсутствие четкого законодательного определения процессуального статуса прокурора. Часть 2 статьи 45 ГПК РФ закрепляет, что прокурор, обратившийся в суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. И эта формулировка определяет лишь объем отдельных процессуальных прав, однако не раскрывает правовую природу участия прокурора в гражданском процессе [10].

Истец обращается в суд для защиты принадлежащего ему субъективного права либо охраняемого законом интереса. Прокурор преследует иную цель. Его участие обусловлено реализацией возложенной государством функции по обеспечению законности и защите публичных интересов. Решение суда не изменяет объем его прав и обязанностей, поскольку материально-правовое отношение возникает между участниками спора.

Подобная законодательная конструкция вызывает практические сложности. В судебной практике процессуальные права прокурора нередко толкуются буквально, что приводит к необоснованному ограничению возможностей защиты несовершеннолетних. Фактически прокурор оказывается участником процесса, который обязан действовать как истец, хотя выполняет совершенно иную функцию. В научной литературе справедливо обращается внимание на необходимость разграничения материально-правового и процессуального интереса прокурора. Его деятельность направлена на защиту нарушенного права несовершеннолетнего и обеспечение законности, а не на достижение собственного юридического результата [11].

Содержание Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» также подтверждает публичный характер деятельности прокурора. Закон не рассматривает прокуратуру как представителя участников гражданских правоотношений. Органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, принимают меры к устранению нарушений закона и восстановлению нарушенных прав. Участие прокурора в гражданском процессе представляет собой самостоятельную форму реализации публичной функции государства, которая не может полностью регулироваться нормами, определяющими процессуальное положение истца.

Пробел в определении процессуального статуса прокурора наиболее отчетливо проявляется при защите интересов несовершеннолетнего ответчика. Статья 45 ГПК

РФ ориентирована преимущественно на обращение прокурора с самостоятельным иском. Закон практически не регулирует случаи, когда судебная защита требуется ребенку, уже привлеченному к участию в деле в качестве ответчика и подобные ситуации встречаются достаточно часто. К ним относятся споры о выселении несовершеннолетнего из жилого помещения, признании утратившим право пользования жилым помещением, разделе наследственного имущества, прекращении права собственности, а также иные категории дел, в которых судебное решение непосредственно затрагивает имущественные либо жилищные права ребенка.

Отсутствие специальных процессуальных механизмов приводит к тому, что прокурор вынужден использовать способы защиты, прямо не предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. Одним из них является предъявление встречного иска. В статье 137 ГПК РФ право предъявления встречного иска закреплено за ответчиком, вследствие чего возможность реализации данного полномочия прокурором остается предметом научной дискуссии.

Вопрос о возможности предъявления прокурором встречного иска остается дискуссионным. Отсутствие его законодательной регламентации создает правовую неопределенность и может снижать эффективность судебной защиты прав несовершеннолетних. В связи с этим

соответствующие процессуальные полномочия прокурора нуждаются в более четком нормативном закреплении [12].

Действующее семейное законодательство также подтверждает необходимость более активного участия прокурора в защите прав несовершеннолетних. Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает обязательное участие прокурора при рассмотрении дел о лишении родительских прав, ограничении родительских прав, восстановлении в родительских правах, усыновлении и отмене усыновления. Общим признаком указанных категорий дел является высокая вероятность существенного изменения правового положения ребенка. Законодатель исходит из того, что судебный контроль в подобных ситуациях должен дополняться государственным контролем за соблюдением прав несовершеннолетнего [4].

Таким образом, действующее законодательство предусматривает широкий круг полномочий прокурора по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве и отдельные вопросы реализации указанных полномочий сохраняют дискуссионный характер и требуют дальнейшего совершенствования как процессуального законодательства, так и правоприменительной практики, а повышение эффективности участия прокурора в гражданском процессе будет способствовать более полной реализации конституционных гарантий судебной защиты прав ребенка.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Конвенция о правах ребенка (заключена в г. Нью-Йорке 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 28.12.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
6. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 6.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7.
9. Гринь Е. А., Хрипков И. И. Участие прокурора в защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 130–133
10. Авдеева Л. А., Назина М. А. Особенности участия прокурора в гражданском процессе в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–2 (80). С. 114–117
11. Нурбалаева А. М. Участие прокурора по делам, связанным с защитой прав и интересов ребенка: теория и судебная практика // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2008. № 2. С. 104–107.

12. Фадеев А. В., Прокудина Н. О. Участие прокурора в гражданском процессе: актуальные проблемы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1–2. С. 208–210.

Государственная поддержка бизнеса в Российской Федерации: правовые механизмы и проблемы правоприменения

Даурова София Борисовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются современные механизмы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации, а также проблемы их правоприменения. Анализируются основные формы финансовой, налоговой и нефинансовой поддержки бизнеса, включая программы льготного кредитования, специальные налоговые режимы, деятельность Корпорации МСП и цифровой платформы МСП.РФ. Особое внимание уделяется правовым рискам, возникающим при реализации программ государственной поддержки, в том числе проблемам навязывания банками дополнительных услуг, отсутствию единых механизмов регулирования льготного кредитования и правовой неопределённости цифровых инструментов поддержки. Исследуются вопросы импортозамещения и роли субъектов МСП в обеспечении экономической устойчивости государства в условиях санкционного давления. На основе анализа законодательства, правоприменительной практики и научной литературы предлагаются направления совершенствования правового регулирования, направленные на повышение эффективности государственной поддержки, снижение административных барьеров и обеспечение баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, льготное кредитование, правовое регулирование, Корпорация МСП, налог на профессиональный доход, банковская система, правоприменительные риски.

Правовой статус субъектов малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) в Российской Федерации, а также меры их государственной поддержки определяются прежде всего Конституцией РФ. Согласно части 1 статьи 34 Конституции РФ, гарантируется право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Вместе с тем, согласно части 1 статьи 16 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» поддержка МСП может осуществляться в финансовой, информационной, консультационной и иных формах. Приоритетные направления государственной политики в данной сфере закреплены в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2024 года [1] и в Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [2], приоритетными целями и направлениями государственной политики является поднятие экономики, улучшение уровня жизни граждан, наращивание экономического потенциала путем создания благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенной тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов Министерства финансов РФ [3], государство устанавливает меры стимулирования эконо-

мической и инвестиционной деятельности, в частности направленные на «повышение привлекательности развития бизнеса на отдельных территориях» путем установления специальных программ или льгот. Например, льготы по уплате страховых взносов для предпринимателей.

В научной литературе отмечается, что субъекты МСП в силу повышенной рискованности деятельности сталкиваются с затруднениями при привлечении финансирования по сравнению с крупными предприятиями [4]. Государство, в свою очередь, предлагает систему льготного кредитования, однако её эффективность напрямую зависит от поведения кредитных организаций — посредников, что порождает конфликт публичных и частных интересов.

Под льготным кредитованием МСП в доктрине понимается механизм, при котором кредитная организация предоставляет заёмщику денежные средства по ставке ниже рыночной, а государство компенсирует банку недополученную прибыль [4]. Такой подход сочетает элементы частноправового договора (кредитный договор) и публично-правового субсидирования.

В настоящее время действуют две наиболее распространённые программы. Первая — Программа стимулирования кредитования субъектов МСП, разработанная Центральным банком РФ и Корпорацией «МСП» [5]. Её условиями предусмотрены дифференцированные лимиты: для микропредприятий — до 200 млн руб., для

малых — до 500 млн руб., для средних — до 2 млрд руб. Процентная ставка определяется как ключевая ставка ЦБ РФ, увеличенная не более чем на 4,5 процентных пункта, а фактические значения, по данным Минэкономразвития, составляют 12 %, 11,8 % и 10,5 % соответственно. Вторая — Программа «1764» [7], которая ориентирована на субъекты МСП, осуществляющие деятельность в приоритетных отраслях: сельское хозяйство, строительство, туризм, здравоохранение, электроэнергетика, научно-техническая деятельность. Максимальная процентная ставка по этой программе составляет 15,75 %, льготный период — 3 года, а целевое назначение — развитие бизнеса, пополнение оборотных средств или рефинансирование. Кроме того, для импортёров, использующих механизм параллельного импорта, установлена специальная расчётная ставка: 30 % ключевой ставки плюс 3 процентных пункта, а также действует программа «6,5 %» для рефинансирования, предлагающая фиксированную ставку 10–11 % на суммы от 50 млн до 4 млрд руб.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить системные недостатки в сфере льготного кредитования. Например, обязательное страхование жизни заёмщика, навязывание дополнительных услуг. Несоблюдение таких условий влечёт увеличение процентной ставки без оформления дополнительного соглашения, что де-факто нивелирует льготный характер кредита и создаёт для заёмщика правовую неопределённость. Так, некоторые авторы ставят вопрос об императивном закреплении в законе порядка предоставления льготного кредитования, исключающего одностороннее изменение условий банком [4]. Кроме того, как показывает анализ статистики Банка России, доля льготных кредитов в портфеле МСП резко возрастает в периоды кризисов (23,1 % в 2020–2021 гг., 14,3 % в 2022 г.) и снижается при стабилизации (8,5 % в 2023 г.) [8]. Однако правовой механизм «автоматического включения» льгот при ухудшении макроэкономических показателей отсутствует, поддержка носит дискреционный, а не системный характер, что не позволяет субъектам МСП строить долгосрочные инвестиционные планы.

Налоговое стимулирование МСП реализуется через специальные налоговые режимы, предусмотренные Налоговым кодексом РФ. Упрощённая система налогообложения (УСН) предоставляет налогоплательщику право выбора объекта налогообложения: «доходы» (ставка 6 %) или «доходы, уменьшенные на величину расходов» (ставка 15 %). Для самозанятых введён налог на профессиональный доход (НПД) со ставками 4 % (при реализации товаров (работ, услуг) физическим лицам) и 6 % (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям) при годовом доходе до 2,4 млн руб.; важной особенностью является автоматическое формирование отчётности в приложении «Мой налог» и отсутствие обязанности уплачивать страховые взносы. Индивидуальные предприниматели также могут применять патентную систему налогообложения (ПСН) при численности наёмных

работников до 15 человек и доходе до 60 млн руб.; стоимость патента заменяет уплату иных налогов и зависит от вида деятельности и региона. В. М. Грачевой отмечается, что множественность режимов и сложный порядок перехода (с необходимостью отказа от текущей системы, уведомления ИФНС, а в ряде случаев — ожидания начала календарного года) создают для предпринимателей высокие административные барьеры [9]. Указанное обстоятельство свидетельствует о потребности в унификации правового регулирования — в частности, в создании единого упрощённого режима для микропредприятий с прогрессивной шкалой, не привязанной к закрытому перечню видов деятельности.

В целях повышения доступности кредитования для МСП, не имеющих достаточного залогового обеспечения, Корпорация «МСП» предоставляет поручительство в рамках «зонтичного» механизма. Максимальный размер поручительства составляет до 50 % от суммы кредита при лимите 1 млрд руб.; финансовая нагрузка за предоставление поручительства возлагается на банк, а не на заёмщика. С правовой точки зрения этот механизм является формой публичного субсидирования кредитного риска, однако действующее законодательство не устанавливает критериев ответственности Корпорации за отказ в поручительстве, что создаёт риски необоснованного отклонения заявок.

С 2022 г. в Российской Федерации функционирует цифровая платформа МСП.РФ, разработанная Корпорацией «МСП» совместно с Минцифры. Указанная платформа предоставляет субъектам МСП возможность получить консультационную помощь, оформить заявки на участие в программах поддержки, а также подобрать индивидуальные меры. Создание такой платформы соответствует мировым тенденциям цифровизации государственных услуг. Вместе с тем её правовой статус (является ли она государственной информационной системой, каков порядок обжалования действий оператора) чётко не определён, что порождает правовую неопределённость.

К нефинансовым мерам поддержки относятся продление сроков действия лицензий и сертификатов (до 1 сентября 2025 г.), возможность использования декларации вместо сертификата на отдельные виды товаров, беспошлинный ввоз оборудования для инвестпроектов стоимостью свыше 250 млн руб., а также поддержка IT-компаний (нулевая ставка НДС, приостановка плановых проверок, IT-ипотека до 2030 года) [10]. Особого внимания заслуживают правовые гарантии для МСП при участии в государственных и муниципальных закупках, регулируемые Федеральными законами № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. Установлен минимальный объём закупок у субъектов МСП — не менее 25 % совокупного годового объёма. Для МСП предусмотрены пониженные требования к обеспечению заявки (2 % от начальной максимальной цены контракта) и ускоренный срок оплаты — 7 рабочих дней. Тем не менее правоприменительная практика фиксирует случаи необоснованного отклонения заявок МСП под формальными

предложениями, что требует усиления контрольных функций ФАС России.

Кредитные организации выступают ключевыми агентами реализации государственной поддержки — они аккумулируют бюджетные субсидии, выдают льготные кредиты и осуществляют контроль за целевым использованием средств. Именно на банки возлагается ответственность за соблюдение условий программ. Однако, как указывалось выше, именно банки зачастую становятся источником дополнительных обременений для заёмщиков. Это создаёт конфликт между публичной функцией банка (распределение субсидий) и его частнопредпринимательской целью извлечения прибыли. Выходом из данной коллизии могло бы стать законодательное закрепление запрета для банков — участников программ льготного кредитования — требовать от заёмщиков приобретения дополнительных услуг, не входящих в программу.

Система государственной поддержки МСП в России характеризуется множественностью формально закреплённых инструментов, однако правоприменительная практика выявляет системные недостатки: отсутствие императивного регулирования условий льготного кредитования, дискреционный характер поддержки, избыточную сложность налоговых режимов, неполную правовую определённость статуса цифровой платформы МСП.РФ. Для устранения выявленных недостатков представляется целесообразным внесение следующих изменений в законодательство. Во-первых, дополнить Федеральный закон № 209-ФЗ статьёй, устанавливающей исчерпывающий перечень условий, которые могут быть включены банком в кредитный договор в рамках программ льготного кредитования, а также прямой запрет на одностороннее изменение процентной ставки без согласования с заёмщиком. Во-вторых, предусмотреть в нормативных актах Банка России механизм автоматического продления льготных программ при превышении ключевой ставкой установленного порога (например, 12 %), что позволит перейти от реактивной модели поддержки к проактивной. В-третьих, унифицировать специальные налоговые режимы для микропредприятий и самозанятых путём создания единого патентно-доходного режима с прогрессивной шкалой ставок, не привязанной к закрытому перечню видов деятельности. В-четвёртых, закрепить в постановлении Правительства РФ правовой статус цифровой платформы МСП.РФ как государственной информационной системы с обязательным модулем сбора и публикации анонимизированных данных об удовлетворённости мерами поддержки. Предложенные изменения направлены на повышение правовой определённости, снижение административных барьеров и обеспечение баланса публичных и частных интересов при реализации государственной поддержки субъектов МСП.

Особого внимания в контексте государственной поддержки МСП заслуживает политика импортозамещения, которая, как справедливо отмечается в литературе, приобретает особую значимость в условиях санкционного

давления и необходимости обеспечения технологической независимости [11]. Правовое регулирование импортозамещения включает в себя как меры стимулирования отечественных производителей (налоговые льготы, субсидии, льготное кредитование), так и административные механизмы — например, приоритет отечественных товаров при государственных закупках в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ. При этом, как отмечают Ахмедшин и Янов, несмотря на множество законодательных инициатив, существуют правовые барьеры, затрудняющие реализацию политики импортозамещения, в частности сложные процедуры сертификации и лицензирования продукции, которые увеличивают затраты и сроки выхода отечественных товаров на рынок [11]. Кроме того, наблюдается недостаточная координация между различными уровнями власти, а также сложности в доступе к финансовым ресурсам для малых и средних высокотехнологичных предприятий, что напрямую снижает эффективность импортозамещающих проектов в сегменте МСП.

В этой связи предложенные выше изменения в законодательство о льготном кредитовании и налоговом стимулировании приобретают дополнительное измерение. Унификация налоговых режимов и создание проактивного механизма льготного кредитования могли бы стать правовой основой для более активного вовлечения МСП в процессы импортозамещения, особенно в приоритетных отраслях, перечисленных в Программе «1764». Однако требуется также упрощение административных процедур — переход от обязательной сертификации к декларированию для ряда категорий товаров, сокращение сроков лицензирования, а также создание «режима наибольшего благоприятствования» для МСП, внедряющих отечественные разработки. Эти меры должны быть закреплены на уровне федерального закона, а не подзаконных актов, чтобы исключить ведомственный произвол.

Важным элементом правового механизма импортозамещения является также антимонопольное регулирование. Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» создаёт основу для предотвращения злоупотреблений доминирующим положением и сговора на рынке, что особенно актуально для МСП, которые часто оказываются в неравном положении по сравнению с крупными игроками. Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, меры антимонопольного воздействия недостаточно оперативны, а пороговые значения для проверок нарушений завышены. В этой связи представляется обоснованным предложение об усилении роли ФАС России в части контроля за соблюдением прав МСП при государственных закупках и при заключении договоров с естественными монополиями.

Оценивая эффективность существующей системы поддержки МСП в целом, следует обратиться к статистическим данным. Согласно отчётам Минэкономразвития, в рамках национального проекта «Малое и среднее пред-

принимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» численность занятых в сфере МСП увеличилась с 22,7 млн человек в 2019 году до 31,45 млн человек в 2023 году, что составляет рост на 38,5 %. Совокупный доход субъектов МСП вырос на 75 %, а объём налогов и страховых взносов, уплаченных малым и средним бизнесом, увеличился на 74,5 % [8]. Эти данные свидетельствуют о том, что даже при существующих правовых недостатках государственная поддержка даёт измеримый экономический эффект. Однако, как подчёркивает Федорова, эффективность мер напрямую зависит от трёх факторов: адресности применяемых мер, оперативности реагирования регулирующих органов и добросовестности банков при исполнении государственных программ [8]. Именно последний фактор — поведение кредитных организаций — остаётся наименее урегулированным с правовой точки зрения.

Обобщая все выявленные проблемы, можно утверждать, что действующая система государственной поддержки МСП в Российской Федерации нуждается

в системной правовой реформе, а не в точечных коррективах. Принятие предложенных выше изменений в Федеральный закон № 209-ФЗ, нормативные акты Банка России и Налоговый кодекс РФ позволит: во-первых, устранить правовую неопределённость в отношениях между банками и заёмщиками по программам льготного кредитования; во-вторых, перейти от реактивной (кризисной) модели поддержки к проактивной (системной); в-третьих, снизить административную нагрузку на предпринимателей за счёт унификации налоговых режимов; в-четвёртых, легализовать статус цифровой платформы МСП.РФ и встроить в неё механизмы общественного контроля. Только комплексное правовое регулирование, учитывающее как публичные интересы государства (экономический рост, импортозамещение, налогооблагаемая база), так и частные интересы предпринимателей (доступность кредитов, прозрачность условий, низкие административные барьеры), способно превратить МСП в одну из основных движущих сил развития российской экономики.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. Новости. 29.02.2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов (утв. Минфином России) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Антонова, М. А. Правовое регулирование системы льготного кредитования малого и среднего предпринимательства / М. А. Антонова, Р. А. Симонян // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 16 мая 2025 года. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2025. — С. 40–42. — DOI 10.31483/г-138697. — EDN XJBMWE.
5. Программа стимулирования кредитования субъектов МСП АО «Корпорация «МСП» // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://invest.economy.gov.ru/=programma-stimulirovaniya-kreditovaniya-subektov-msp-ao-korporaciya-msp-/main> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Льготные кредиты для МСП по программе «1764» // Цифровая платформа МСП для бизнеса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://msp.pf/services/antikrizisnye-mery/lgotnye-kredity-dlya-msp-po-programme-1764/> (дата обращения: 13.05.2025)
7. Центральный Банк Российской Федерации: официальный сайт. «Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства по итогам 2023 года». Москва, 2024 — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49333/inf_material_msp_2023.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
8. Федорова, Е. Ю. Антикризисные меры поддержки бизнеса в России: приоритеты, инструменты и роль банковской системы / Е. Ю. Федорова // Инновационное развитие экономики. — 2025. — № 3(85). — С. 150–155. — DOI 10.51832/2223798420253150. — EDN GKNHVV.
9. Грачева, В. М. Актуальные меры поддержки малого и среднего предпринимательства / В. М. Грачева // Лучшая студенческая работа 2025: Сборник статей XXII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 сентября 2025 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. — С. 11–14. — EDN XFCFFC.
10. Самсонова, П. Д. Исследование мер поддержки бизнеса на федеральном уровне / П. Д. Самсонова, Ю. Ф. Щелок, Е. Н. Галкина // Проектное управление социально-экономическим развитием региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 29 апреля 2025 года. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. — С. 202–206. — EDN QXOLUW.
11. Ахмедшин, М. Р. Политика импортозамещения в России: предпринимательско-правовой аспект / М. Р. Ахмедшин, М. К. Янов // Человек. Социум. Общество. — 2025. — № S5. — С. 134–146. — EDN QEPCWE.

Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за посягательства на права граждан и пути совершенствования законодательства

Дзюба Наталья Петровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются теоретические и практические проблемы разграничения административной и уголовной ответственности за посягательства на конституционные права граждан. Анализируются критерии отграничения смежных составов в сфере трудовых и избирательных правоотношений, а также в вопросах дискриминации и свободы совести. На основе изучения судебной практики, включая решения судов общей юрисдикции по делам о невыплате заработной платы, нарушении порядка финансирования избирательных кампаний и миссионерской деятельности, выявлены основные недостатки действующего правового регулирования. К ним относятся оценочный характер категорий «общественная опасность» и «существенный вред», дублирование норм КоАП РФ и УК РФ, а также неединообразный подход правоприменителей к квалификации деяний. Обоснована необходимость легального закрепления критериев общественной опасности административных правонарушений, унификации смежных составов, принятия специальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и усиления административных санкций. Предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства, направленные на обеспечение принципов справедливости, соразмерности и неотвратимости юридической ответственности за нарушения прав и свобод граждан.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, разграничение составов, права граждан, общественная опасность, квалификация правонарушений, совершенствование законодательства, судебная практика, КоАП РФ, УК РФ.

Проблема разграничения административной и уголовной ответственности за посягательства на права граждан относится к числу фундаментальных и одновременно наиболее дискуссионных в современном российском праве. Ее острота обусловлена тем, что конституционные права и свободы человека и гражданина, провозглашенные высшей ценностью в статье 2 Конституции РФ, защищаются всей системой юридической ответственности, однако выбор между административно-правовой и уголовно-правовой формой реагирования на противоправное деяние имеет кардинальные последствия для правового статуса лица, привлекаемого к ответственности. Уголовное наказание влечет за собой судимость, которая существенно ограничивает права лица в будущем, в то время как административное наказание, хотя и фиксируется в базах данных, не влечет столь долгосрочных и тяжких последствий [1, с. 60].

Кроме того, процедуры уголовного судопроизводства значительно более формализованы, длительны и обременительны для лица, чем производство по делам об административных правонарушениях. Следовательно, вопрос о том, является ли деяние преступлением или административным правонарушением, представляет собой не просто вопрос юридической квалификации, а вопрос справедливости, соразмерности государственного принуждения и соблюдения прав самого лица, совершившего посягательство. Наиболее остро эта проблема проявляется в сфере защиты избирательных прав, где конкурируют нормы главы 5 КоАП РФ и статьи 141–142.2 УК РФ, а также в сфере трудовых отношений, где возникает конкуренция между частями 6 и 7 статьи 5.27 КоАП РФ и статьей 145.1 УК РФ об ответственности за невыплату заработной платы.

Основным критерием разграничения преступлений и административных правонарушений в теории права традиционно признается степень общественной опасности деяния. Преступления — это деяния, обладающие высокой степенью общественной опасности, а административные правонарушения — деяния, которые хотя и являются общественно вредными, но не представляют такой степени опасности, чтобы караться уголовным наказанием. Однако ни КоАП РФ, ни УК РФ не дают легального определения «общественной опасности» применительно к административным правонарушениям, что порождает правовую неопределенность. Зачастую одни и те же действия, например, воспрепятствование осуществлению избирательных прав или нарушение порядка финансирования избирательной кампании, описаны и в КоАП РФ, и в УК РФ, а разница заключается лишь в указании на квалифицирующие признаки — «крупный размер», «существенный вред», «применение насилия» или «совершение группой лиц». Однако даже эти критерии не всегда четко определены. Например, статья 141 УК РФ предусматривает ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав с применением насилия или с угрозой его применения. Аналогичные деяния без этих признаков могут быть признаны административным правонарушением по статье 5.6 КоАП РФ. Но на практике установить степень насилия, достаточную для уголовной ответственности, бывает крайне сложно ввиду отсутствия медицинских критериев «легкого вреда здоровью» применительно к избирательным правонарушениям, что приводит к тому, что одни и те же действия в разных регионах квалифицируются по-разному [2, с. 11].

Еще более показательной является конкуренция норм об ответственности за невыплату заработной платы. Часть

6 статьи 5.27 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за невыплату или неполную выплату в установленный срок заработной платы, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Уголовная ответственность по статье 145.1 УК РФ наступает, если невыплата заработной платы свыше двух месяцев (полная) или свыше трех месяцев (частичная) совершена из корыстной или иной личной заинтересованности руководителем организации. Сложность разграничения здесь состоит в доказывании корыстной или иной личной заинтересованности. Если работодатель не выплачивает зарплату в срок из-за отсутствия денежных средств на расчетном счете, то уголовный состав отсутствует. Если же работодатель, имея деньги, направляет их на иные цели, это может свидетельствовать о корыстной заинтересованности [3, с. 80].

Однако на практике разграничение часто осуществляется по формальному признаку: если возбуждено уголовное дело — значит, это преступление, если отказано в возбуждении — значит, административное правонарушение. Такая зависимость от усмотрения следователя и дознавателя создает риск необоснованного привлечения к уголовной ответственности или, напротив, ухода от нее. В ходе анализа судебной практики, в частности решений Волжского районного суда г. Саратова и Промышленного районного суда г. Смоленска, было установлено, что суды и должностные лица Государственной инспекции труда зачастую отказывают в возбуждении дел об административных правонарушениях по мотиву наличия индивидуального трудового спора, требующего толкования условий локальных актов. Это перекладывает бремя защиты прав на работника в гражданском процессе, что менее оперативно и более обременительно, а также способствует уходу работодателей от ответственности за нарушения трудовых прав.

В сфере защиты избирательных прав проблема разграничения стоит не менее остро. Статьи 141–142.2 УК РФ и статьи 5.1–5.25, 5.45–5.52 КоАП РФ зачастую дублируют друг друга, отличаясь лишь указанием на последствия, например, что деяние «повлияли на результаты выборов» в статье 142.2 УК РФ о фальсификации итогов голосования. Однако критерий «повлияли на результаты выборов» является оценочным и на практике почти никогда не применяется, поскольку крайне сложно доказать причинно-следственную связь между нарушением и снижением процента голосов за конкретного кандидата. В результате даже самые грубые нарушения избирательного законодательства, такие как массовое уничтожение агитации, подкуп избирателей или вброс бюллетеней, часто квалифицируются как административные правонарушения, а уголовные дела возбуждаются лишь в исключительных случаях, когда нарушения носят скандальный характер. Это подрывает авторитет избирательной системы и создает у участников выборов ощущение безнаказанности. Данный вывод подтверждается постановлениями Бутырского и Ялтинского районных судов по статье 5.14 КоАП РФ, где за умышленное повреждение агитационных

материалов был назначен штраф в минимальном размере — пятьсот рублей, что совершенно несопоставимо с степени общественной опасности деяния, посягающего на право граждан на свободные выборы [4, с. 30].

Проблема разграничения ярко проявилась и в делах о нарушении порядка финансирования избирательных кампаний, где разграничение проходит исключительно по размерному критерию — «крупный размер» для уголовного дела, установленный примечанием к статье 141.1 УК РФ. Однако в КоАП РФ аналогичного порога нет, что создает зону неопределенности: одно и то же деяние с суммой, близкой к крупному размеру, может быть квалифицировано по-разному в зависимости от усмотрения правоприменителя, что противоречит принципу правовой определенности.

Особую группу проблем образует конкуренция норм об ответственности за дискриминацию (статья 5.62 КоАП РФ и статья 136 УК РФ) и за нарушение свободы совести (статья 5.26 КоАП РФ и статья 148 УК РФ). Уголовная ответственность за дискриминацию наступает только при совершении деяния лицом с использованием своего служебного положения. Таким образом, разграничение проходит по признаку субъекта. Однако на практике доказывание дискриминационного мотива, особенно со стороны должностных лиц, представляет большую сложность, поскольку отказ в приеме на работу или увольнение часто оформляются формально нейтральными формулировками. В результате уголовные дела по статье 136 УК РФ возбуждаются крайне редко, а административные — также единичны. Аналогичная ситуация складывается и в сфере миссионерской деятельности, где расширительное толкование состава административного правонарушения в одних случаях (как в деле Гагаринского районного суда о совершении намаза в хостеле) и узкое — в других, приводит к нарушению права на свободу вероисповедания и неединообразной судебной практике. Проблемы разграничения обострились в 2025–2026 годах в связи с введением новых составов административных правонарушений и ужесточением санкций, однако эти изменения не сопровождались одновременной ревизией уголовного законодательства, что создает новые зоны конкуренции. Например, систематическая продажа просроченных продуктов питания может быть квалифицирована и по статье 14.43 КоАП РФ, и по статье 238 УК РФ. Разграничение будет проходить по тяжести последствий, однако любое причинение вреда здоровью должно влечь уголовную ответственность, но на практике такие дела почти не возбуждаются, и продавец чаще всего привлекается к административной ответственности. Такая практика создает риск неоправданного смягчения ответственности для недобросовестных предпринимателей [5, с. 172].

В качестве путей совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере разграничения административной и уголовной ответственности за посягательства на права граждан можно предложить следующие меры. Прежде всего, необходимо легальное закреп-

ление в КоАП РФ критериев общественной опасности административных правонарушений, что позволит отграничить административные деликты от преступлений не только через формальные признаки, но и через содержательные. Также следует провести систематизацию и унификацию составов в КоАП РФ и УК РФ, исключив дублирование. Например, из УК РФ можно исключить статью 141.1, если административные санкции по статьям 5.18 и 5.20 КоАП РФ будут усилены до уровня, адекватного общественной опасности этих деяний, с введением конфискации незаконно потраченных средств и дисквалификации для должностных лиц. Аналогично, по статье 145.1 УК РФ следует ужесточить критерии, установив, что уголовная ответственность должна наступать только при невыплате заработной платы свыше трех месяцев при наличии реальной возможности выплатить (наличие денег на счетах или имущества), а также при невыплате, повлекшей тяжкие последствия.

Во всех остальных случаях должна наступать административная ответственность по частям 6 и 7 статьи 5.27 КоАП РФ с более высокими штрафами и обязательной дисквалификацией при повторном нарушении. Крайне важно расширить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам разграничения, приняв специальное постановление, посвященное конкуренции административных и уголовных норм в сфере защиты прав граждан, где дать четкие критерии, что считать «существенным вредом», «крупным ущербом», «применением насилия» применительно к избирательным правонарушениям.

Кроме того, необходимо повысить квалификацию правоприменителей — судей, следователей, инспекторов ГИТ — по вопросам разграничения, проводя регулярные семинары и обобщения судебной практики.

Процессуальное законодательство также нуждается в совершенствовании: следует предусмотреть механизм передачи дела из административного производства в уголовное, если в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении будут выявлены признаки преступления, не требующие дополнительного сбора доказательств. Наконец, необходимо провести ревизию санкций: административные штрафы за некоторые деяния, например, за повреждение агитационных материалов по статье 5.14 КоАП РФ, являются слишком мягкими и не выполняют превентивной функции, что провоцирует правоприменителей при малейшей возможности переквалифицировать деяние на административное, чтобы избежать сложной процедуры уголовного преследования. Увеличение минимальных и максимальных размеров штрафов позволило бы сбалансировать систему и сделать административную ответственность более соразмерной. Реализация предложенных мер позволит обеспечить единообразную квалификацию, усилить превентивную функцию административных наказаний и в полной мере реализовать принцип неотвратимости ответственности за посягательства на конституционные права граждан, что является важнейшим условием эффективности всей системы административно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Брежнев О. В. Право граждан на организацию и проведение публичных мероприятий в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 5. — С. 53–63.
2. Игнатенко В. В., Минникес И. А., Минникес И. В. Административная ответственность за нарушение законодательства о выборах сквозь призму «индекса защищенности» // Административное право и процесс. — 2023. — № 4. — С. 5–13.
3. Козырева Т. В. Административно-принудительные дела, разрешаемые мировыми судьями судов общей юрисдикции: понятие, виды, признаки // Административное право и процесс. — 2025. — № 2. — С. 75–82.
4. Матвеев С. П. Актуальные проблемы реализации информационных прав граждан // Административное право и процесс. — 2024. — № 12. — С. 29–33.
5. Мурина, А. Е. Анализ уровня коррупционных преступлений / А. Е. Мурина, Ю. А. Антипова // Социальное управление. — 2024. — Т. 6, № 1S. — С. 170–177.

Правовое регулирование обеспечения прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Евтых Альбина Хазретовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются правовые проблемы обеспечения прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Анализируются конституционные основы ограничения прав личности, система гарантий, закрепленных в Федеральном законе «Об ОРД», а также роль судебного контроля и прокурорского надзора в защите прав граждан.

Особое внимание уделяется вопросам соблюдения конфиденциальности в условиях цифровизации, рискам использования искусственного интеллекта и пробелам в законодательстве о защите лиц, сотрудничающих с оперативными подразделениями. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования в указанной сфере.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, права граждан, судебный контроль, прокурорский надзор, цифровизация, искусственный интеллект, конфиденциальность, правовое регулирование.

Legal regulation of the protection of citizens' rights during operational-search activities

The article examines the legal issues surrounding the protection of citizens' rights during the conduct of operational-search activities. It analyzes the constitutional grounds for restricting individual rights, the system of safeguards enshrined in the Federal Law «On Operational-Search Activities», and the roles of judicial control and prosecutorial oversight in protecting citizens' rights. Particular attention is paid to maintaining confidentiality in the context of digitalization, the risks associated with the use of artificial intelligence, and legislative gaps regarding the protection of individuals cooperating with operational units. The article substantiates the need to improve the legal regulation of this sphere.

Обеспечение прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) представляет собой одну из наиболее деликатных и теоретически сложных проблем современного российского права. Конституция Российской Федерации, закрепляя приоритет прав и свобод человека и гражданина, одновременно допускает возможность их ограничения федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства. Именно эта конституционная дилемма — баланс между публичными интересами государства и частными правами личности — формирует суть правового регулирования в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Основополагающим нормативным актом, определяющим правовые и организационные основы ОРД, является Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Данный закон не просто декларирует уважение к правам и свободам, но и устанавливает систему конкретных гарантий их соблюдения. В числе таких гарантий — строгая регламентация оснований и условий проведения ОРМ, требование их соразмерности тяжести преступления, а также четкое установление перечня мероприятий, которые могут проводиться только на основании судебного решения. При этом система контроля за законностью ОРД не является монолитной: она включает в себя ведомственный контроль, осуществляемый вышестоящими оперативными подразделениями, судебный контроль, выступающий в качестве независимого арбитра, и прокурорский надзор, призванный обеспечить единую законность. Именно последним двум формам контроля принадлежит ключевая роль в защите прав граждан, так как ведомственный контроль, по справедливому замечанию ряда исследователей, зачастую подменяется ведомственной заинтересованностью в высоких показателях раскрываемости, что снижает его объективность.

Особое место в механизме защиты прав граждан занимает судебный контроль, который, однако, не лишен определенных недостатков. Согласно действующему законодательству, суды проверяют законность ОРМ преимущественно в рамках последующего контроля, а именно при рассмотрении уголовных дел по существу или при обжаловании действий должностных лиц. Однако судебный контроль, как правило, не является инициативным и запускается лишь по обращению заинтересованных лиц, которые не всегда обладают достаточной информацией о факте нарушения их прав, учитывая, что многие мероприятия осуществляются в условиях негласности. В этой связи повышается роль прокуратуры, которая, согласно закону, призвана осуществлять надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД. Как верно отмечает Д. А. Бабичев, «необходимость неукоснительного соблюдения прав и свобод человека в такой сфере, как оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД), подчеркивает потребность в четком правовом регулировании надзорной деятельности прокуратуры за законностью оперативно-розыскных решений, принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел в целях борьбы с преступностью» [3, с. 52]. Однако на практике реализация этого надзора сталкивается с трудностями, связанными с ограниченным доступом прокурора к оперативно-служебным документам, что требует дальнейшего законодательного урегулирования.

Современный этап развития общества характеризуется тотальной цифровизацией, что кардинальным образом трансформирует как способы совершения преступлений, так и методы борьбы с ними. Внедрение цифровых технологий в ОРД открывает широкие возможности для сбора и обработки больших массивов данных, но одновременно порождает новые угрозы для конституционных прав граждан. При работе с электронными доказательствами и цифровой информацией встает вопрос о необходимости переосмысления традиционных подходов к доказательственному праву. В этой связи показательно,

что, по мнению М. И. Воронина, «процессуальные нормы доказательственного права на современном этапе должны обеспечить не только достоверность получаемой и используемой субъектами доказывания информации, но также соблюдение и защиту основных прав и свобод человека» [4, с. 78]. Это означает, что любой цифровой след, используемый в качестве доказательства, должен быть получен строго законным путем, а процедура его изъятия и фиксации должна исключать нарушения прав на тайну частной жизни, тайну переписки и персональных данных.

Кроме того, в условиях экспоненциального роста объемов данных особую остроту приобретает проблема соблюдения принципов конфиденциальности в оперативно-розыскной деятельности. Оперативные подразделения вынуждены балансировать между эффективностью применяемых методов расследования и недопущением необоснованного вмешательства в частную жизнь. Как справедливо констатируют А. А. Майдыков, А. Е. Огурцов и С. О. Конашенков, «ОРД в этих условиях должна балансировать между эффективностью методов расследования и соблюдением принципов конфиденциальности (гостайной)» [6, с. 124]. Особую сложность данный баланс приобретает в связи с внедрением систем искусственного интеллекта, которые используются для анализа данных и прогнозирования преступности. Искусственный интеллект, при всей его эффективности, создает риски алгоритмической предвзятости, необоснованной дифференциации граждан и потенциальной дискриминации. Как отмечает М. А. Лещов, «однако, как любая новая технология, ИИ несет в себе определенные риски, например, проблемы с алгоритмической привязкой, проблемы обеспечения конфиденциальности человека и его прав в данной области, проблемы соблюдения этических норм и т. д., которые требуют разрешения» [5, с. 121]. Отсутствие специального правового регулирования использования ИИ в ОРД создает правовой вакуум, который может быть заполнен ведомственными инструкциями, не всегда учитывающими принцип верховенства права.

Наряду с проблемами, связанными с технологическим развитием, в правовом регулировании ОРД сохраняются

и классические пробелы, в частности, касающиеся защиты лиц, сотрудничающих с оперативными подразделениями на конфиденциальной основе. Эти лица играют важную роль в противодействии преступности, однако их статус и гарантии безопасности зачастую остаются декларативными. Законодательство не предусматривает действенных механизмов материальной и социальной защиты данной категории граждан, что снижает их мотивацию к сотрудничеству и ставит под угрозу их жизнь и здоровье. В этой связи обоснованным представляется вывод Д. А. Симоненко о том, что «защителю, оказывающих (оказывавших) содействие в противодействии преступности, в законодательстве не уделяется должного внимания. Полагаем, что принятие необходимых мер по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации, есть обязанность компетентных правоохранительных органов, при этом не имеет значения, в отношении кого (содействующего оперативным подразделениям или нет) направлены такие действия» [7, с. 40]. Этот пробел требует незамедлительного восполнения путем разработки комплексного механизма государственной защиты, включающего как меры безопасности, так и компенсационные выплаты.

Подводя итог, следует признать, что современное правовое регулирование обеспечения прав граждан при проведении ОРМ нуждается в системном совершенствовании. Пути решения видятся в усилении роли судебного контроля на стадии получения разрешения на проведение наиболее чувствительных ОРМ, в расширении процессуальных полномочий прокурора по доступу к оперативной информации, а также в скорейшем принятии специальных нормативных актов, регламентирующих использование технологий искусственного интеллекта и больших данных в ОРД. Только комплексный подход, сочетающий в себе жесткие правовые ограничения для государства и надежные гарантии для личности, позволит сохранить необходимый баланс, обеспечив одновременно и эффективную борьбу с преступностью, и незыблемость конституционных прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 2026 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности».
3. Бабичев Д. А. Проблемы правового регулирования осуществления прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1 (67). С. 51–59.
4. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 74–84.
5. Лещов М. А. Зарубежный опыт проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий с использованием искусственного интеллекта и больших данных // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2024. № 10. С. 121.
6. Майдыков А. А., Огурцов А. Е., Конашенков С. О. Защита государственной тайны в оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы в условиях цифровизации (организационные и историко-правовые аспекты) // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 2. С. 124.

7. Симоненко Д. А. Проблемы правовой регламентации защиты государством лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 37–41.

Иск участника корпорации к третьему лицу о взыскании убытков в пользу корпорации: анализ закона и судебной практики

Зубцов Вадим Игоревич, студент магистратуры

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье анализируется допустимость косвенного иска участника корпорации к третьему лицу о взыскании убытков в пользу корпорации. На материале практики СКЭС Верховного Суда РФ 2022–2025 годов показано, что перечень требований ст. 65.2 ГК РФ понимается судами как открытый, и описаны рабочие конструкции такого иска.

Ключевые слова: косвенный иск, ст. 65.2 ГК РФ, корпорация, убытки, кондикция, виндикация, аффилированность, контролирующее лицо.

Вопрос звучит обманчиво просто: может ли участник корпорации взыскать убытки, причинённые корпорации, с лица, которое не является ни её участником, ни директором? Статья 65.2 ГК РФ отвечает вполне определённо. Участник вправе требовать возмещения причинённых корпорации убытков (абз. 5 п. 1) и оспаривать совершённые ею сделки (абз. 6 п. 1). Перечень исчерпывающий, иска об убытках к третьему лицу в нём нет. Расщелина возникает между буквой нормы и тем, что в действительности делают суды: СКЭС Верховного Суда РФ дважды, в 2022 и 2025 годах, разрешила участнику взыскать средства напрямую с третьего лица в пользу корпорации. В одном случае требование было квалифицировано как кондикционное, в другом как виндикационное. Ответ, выходит, зависит от того, как сконструировано само требование.

Буквальное прочтение закрепил п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, и закрепил жёстко: убытки взыскиваются с директора и иных лиц, названных в ст. 53.1 ГК РФ, а контрагент корпорации отвечает только по требованию об оспаривании сделки и о её последствиях [1]. Логика разъяснения проста: убытки взыскиваются с того, кто их причинил, сделки оспариваются у того, кто в них участвовал. Самостоятельной ответственности за вред корпорации третье лицо по букве нормы не несёт. Доктрина такому прочтению скорее сочувствует. О. В. Гутников выводит для корпоративной ответственности принцип специалитета: она не может носить генерального характера и наступает только за те нарушения и в отношении тех субъектов, которые прямо названы в законе [2]. Судебная практика по классической модели, где за убытки корпорации отвечает директор, общена в литературе весьма подробно [3]. И пока у директора есть имущество, модель исправно работает: по делу ООО «Завод по изоляции труб» суды взыскали с директора 1 018 795 руб. в пользу общества, а контрагента ответчиком даже не привлекали [4]. Проблемы начинаются там, где директор номинален и пуст, а реальную выгоду

получил аффилированный контрагент или конечный бенефициар цепочки сделок. Взыскание с пустой оболочки оказывается только теоретической победой.

Первым от этой модели отступило дело «Маракуйя Глобал». В 2022 году миноритарный участник ООО «Маракуйя Глобал» потребовал солидарно взыскать 105,6 млн руб. с бывшего директора и с параллельной компании, куда ушли клиентская база и товарный знак общества (75 % долей в этой компании принадлежали супругу директора). Нижестоящие суды отказали со ссылкой на то самое буквальное прочтение: косвенный иск об убытках допустим только к директору. СКЭС ВС РФ акты отменила и построила гибридную конструкцию. Директор отвечает по ст. 53.1 ГК РФ за нарушение фидуциарных обязанностей; третье лицо, как недобросовестный приобретатель, обязано по п. 1 ст. 1107 ГК РФ выдать доходы от использования «коммерческих возможностей» корпорации [5]. От деликтного решения Коллегия ушла, ограничение ст. 65.2 ГК РФ преодолено кондикционной квалификацией требования. Так была пробита первая брешь в формальной модели.

Дело «Комкон» в 2025 году пошло дальше. Сюжет типичен для корпоративных «выводов»: по соглашению об отступном имущество АО «Комкон» стоимостью 174 млн руб. ушло займодавцу и было распродано по цепочке аффилированным лицам. Единственный акционер оспорил сделки и истребовал имущество у конечных приобретателей, ни один из которых не был ни участником, ни директором общества. СКЭС ВС РФ указала, что ст. 65.2 ГК РФ защищает «совокупность имущественных (экономических) интересов участников корпорации», и прямо допустила виндикационный иск участника от имени корпорации: в дополнение к оспариванию сделки либо вместо реституции, если имущество успело уйти дальше [6]. В самой норме виндикация не названа. Значит, перечень требований п. 1 ст. 65.2 ГК РФ не закрытый, и по той же логике а fortiori допустимы иные требования, направленные на восстановление имущественной массы корпорации.

У этого поворота есть и доктринальное измерение. Представительская конструкция косвенного иска была сознательной новеллой реформы: А. А. Кузнецов, комментировавший п. 32 как один из разработчиков Постановления № 25, называет признание представительского характера исков участников в числе главных новелл ГК РФ [7]. Единства в науке при этом нет. А. Ю. Кипаренко считает доводы в пользу представительской конструкции неубедительными и видит в прямой модели, где право на иск принадлежит самому участнику, догматически более простое решение [8, с. 230–257]. С. В. Ерчак отстаивает противоположный взгляд: иск участника по ст. 65.2 ГК РФ есть прямой иск самой корпорации, и признавать его, «пусть и косвенно, иском участника» нельзя [9]. В. О. Пучков ещё в 2017 году указывал на двойственность конструкции: косвенный иск, «будучи предъявленным в защиту интересов юридического лица, в итоге призван обеспечивать имущественные интересы участников компании» [10]. Обсуждаются и двойные косвенные иски, когда участник материнской компании взыскивает в пользу дочерней причинённые ей убытки [11]. Формула «Комкона» ложится в самую середину этого спора. Верховный Суд, формально сохранив представительскую модель, признал, что защите подлежит совокупность интересов самих участников, то есть за иском корпорации стоит собственный имущественный интерес истца.

Из закона и практики в итоге складываются четыре раб-
бочие конструкции иска к третьему лицу.

— Кондикционный иск (ст. 1102, п. 1 ст. 1107 ГК РФ) против выгодоприобретателя, неосновательно получившего активы или доходы корпорации. Прямой прецедент «Маракуйя Глобал» [5]. Вина в строгом смысле не доказывалась: достаточно выгоды без правового основания и недобросовестности.

— Виндикационный иск (ст. 301, 302 ГК РФ) против последующего приобретателя выведенного имущества. Допущен «Комконом» [6], но опирается в защиту добросовестного приобретателя.

— Оспаривание сделки (п. 2 ст. 174, ст. 10 и 168 ГК РФ) с одновременным взысканием убытков с директора. Классика, прямо предусмотренная абз. 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ; требования конкурируют, но не исключают друг друга, пока соблюден запрет двойного возмещения [12].

— Иск к третьему лицу как к контролирующему лицу (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Нормативно самый прямой путь: «теневой директор» подпадает под перечень ответчиков п. 32 Пленума № 25, а в доктрине ответственность контролирующих лиц, пока в основном на банкротном материале, осмысливается как разновидность корпоративной ответственности [2]. Прецедента СКЭС вне банкротства нет, вся сложность в доказывании контроля.

Деликтная модель (ст. 1064, 1080 ГК РФ, третье лицо как пособник директора) нормативно работоспособна, но в чистом виде ВС РФ её не применял: в «Маракуйе» Коллегия предпочла кондикцию.

Все эти конструкции держатся на одном элементе: на аффилированности третьего лица с директором либо с участником, ведущим корпоративный конфликт. Истец, как правило, не имеет доступа ни к внутренним документам ответчика, ни к данным о его связях с директором, и жёсткий стандарт доказывания сговора был бы для него запретительным. ВС РФ это видит и реагирует. Круг аффилированных лиц не определяется формально, аффилированность выявляется через «отклонения в поведении... от обычной деловой практики» [13]. Если фактическая аффилированность подтверждена совокупностью косвенных доказательств, на ответчика ложится обязанность раскрыть разумные экономические мотивы сделки [14]. Истцу же достаточно разумной степени убедительности, прямые доказательства сговора не требуются. Не объяснит ответчик экономику сделки, иск удовлетворяет.

Расширение при этом не безгранично. Тот же «Комкон» подчеркнул: корпоративный конфликт сам по себе не означает, что имущество вышло помимо воли корпорации. Контрагент вправе полагаться на полномочия директора, отражённые в ЕГРЮЛ, и не обязан разбираться во внутренних разногласиях акционеров; добросовестного приобретателя по-прежнему прикрывает ст. 302 ГК РФ [6]. Против участника, который своими прежними действиями фактически одобрил отчуждение имущества, работает эстоппель (п. 4 ст. 1, ст. 10, п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ). Процессуальная сторона (законное представительство участника, распределение расходов, исковая давность) подчиняется общим правилам ст. 225.8 АПК РФ и отдельного разбора здесь не требует.

«Голый» иск участника об убытках к третьему лицу по абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ по-прежнему закрыт: п. 32 Пленума № 25 никто не отменял. Но буквальное прочтение перестало быть единственным. После «Маракуйи» и «Комкона» участник вправе предъявить к третьему лицу любой иск, направленный на восстановление имущественной массы корпорации, лишь бы у требования было собственное материально-правовое основание: кондикция, виндикация, оспаривание сделки, статус контролирующего лица. Решают дело аффилированность или сговор третьего лица с директором, доказанные хотя бы с разумной степенью убедительности, сохранение собственного интереса участника и запрет двойного возмещения. Чистый деликт к пособнику директора и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ вне банкротства пока остаются зонами неопределённости; надёжнее строить иск по одной из проверенных моделей.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.

2. Гутников, О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О. В. Гутников. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. — 488 с.
3. Степанов, Д. И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д. И. Степанов, Ю. С. Михальчук. — М.: Статут, 2018. — 208 с.
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.06.2024 № Ф01-2074/2024 по делу № А82-19824/2021. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2022 № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2025 № 303-ЭС22-15014 по делу № А24-5930/2020. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
7. Кузнецов, А. А. Вопросы корпоративного права в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 / А. А. Кузнецов, Д. В. Новак // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 12. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
8. Кипаренко, А. Ю. Косвенный иск участника корпорации: прямая и представительская модели / А. Ю. Кипаренко // Вестник гражданского права. — 2023. — № 3. — С. 230–257.
9. Ерчак, С. В. Иски корпорации, предъявляемые ее участниками / С. В. Ерчак // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 6. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
10. Пучков, В. О. Косвенный иск как средство защиты корпоративных прав в России и за рубежом: материально-правовые проблемы / В. О. Пучков // Арбитражные споры. — 2017. — № 3 (79). — URL: <https://arbspor.ru/articles/671/> (дата обращения: 10.07.2026). — Текст: электронный.
11. Виленский, Н. М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия / Н. М. Виленский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 10. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 8.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2023 № 305-ЭС22-29647 по делу № А40-286306/2021. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 № 308-ЭС24-3124 по делу № А53-16963/2022. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

Становление института наследования в Древней Руси: от обычая к закону

Карташова Алёна Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует процесс становления и развития института наследования в Древней Руси в период X — XI веков.

Ключевые слова: наследование, Русская Правда, Кормчие книги, сословный характер права, наследники, завещание, история отечественного права.

Для решения многих вопросов, связанных с переходом имущества после смерти человека, любому обществу требуется четкое правовое регулирование. Институт наследования — один из древнейших в праве, и его становление напрямую связано с развитием самого государства. В настоящее время в Российской Федерации действует развитая система наследственного права, закрепленная

в части третьей Гражданского кодекса РФ. Однако, чтобы понять современные правовые конструкции, их сущность и логику, необходимо обратиться к истокам, рассмотреть, как зарождались и эволюционировали нормы о наследовании в Древней Руси.

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что изучение тех или иных исторических событий

и процессов связано не только с непосредственным рассмотрением зарождения и развития норм права, но также помогает осмыслить современную правовую действительность, её сущность, помогает сформулировать тенденции и прогнозы развития права. Исторический анализ позволяет выявить причины возникновения тех или иных правовых институтов, понять, почему законодатель пошел именно по такому пути.

Данной тематике посвящен ряд научных статей, диссертаций и трудов отечественных исследователей в области истории права России. В числе авторов В. В. Гущин, В. А. Гуреев, С. З. Женетль, О. В. Володина, О. И. Чистяков, Е. А. Ходырева, А. С. Михайлова, Ю. В. Чеснокова, К. И. Потешкин, И. Л. Корнеева и другие.

Формирование государств сопровождается возникновением права в той или иной форме и его дальнейшим развитием в правовую систему. Древнерусское государство в процессе своего становления не стало исключением. На раннем этапе развития Древнерусского государства обычаи являли собой главный источник права. Однако уже к X веку относятся первые письменные источники: княжеское законодательство, уставные грамоты, кормчие книги.

Более того на формирование института наследования оказали договоры с Византией. Так, например, договор 911 г. гласит: «Аще ли сотворить обряжеше, да таковой возьметъ уряженное его; кому будетъ писалъ наследити имеше его, да наследитъ ю отъ взымающихъ Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ греки». [4, с. 5] М. Ф. Владимирский-Буданов дает следующую трактовку данному договору: «Если кто умрет (из русских в Греции), не урядивши своего имения и не имеет своих (т. е. нисходящих при себе в Греции), то имущество возвращается к его милым близким (т. е. родственникам) в Русь. Если же он (умерший) сделал обряжение (завещание), то имущество получает тот, кому он записал наследовать имение; наследник может получить его от русских, торгующих (в Греции), или других, ходящих в Грецию и «удолжающих». [1, с. 5] То есть, договор был направлен на возвращение имущества из заграницы и его сохранение внутри государства.

Что касается кормчих книг, данные памятники древнерусского права представляли собой отобранные и переведенные византийские источники — номоканоны, которые регулировали как церковные, так и светские вопросы, в том числе вопросы наследования. Позднее помимо номоканонов за основу для составления кормчих книг был взят «Прохирон» — сборник норм византийского уголовного, церковного и гражданского права, относящийся к 879 году. Данная рецепция была обусловлена географическим, культурным и геополитическим факторами.

По мере развития государства и права многие нормы, отраженные в кормчих книгах, будут так же закреплены в первом сборнике законов — Русской Правде. Русская Правда, являясь наиболее крупным памятником права древнерусского государства, долгое время имела ведущее значение в регулировании общественных отношений, оказала значимое влияние на дальнейшее развитие права,

при чем не только на территории российского государства. Русская Правда отражала широкий круг возможных правоотношений, имела развитую систему норм, регулировавших имущественные отношения, в том числе был закреплен порядок наследования, особенности которого были обусловлены принадлежностью наследодателя к определенному сословию.

Как уже было замечено, наследственное право по Русской Правде, как и в других средневековых европейских государствах, имело сословный характер, то есть выделялось отдельное право для каждого сословия. В случае с древнерусским государством речь идет о различных порядках наследования для бояр и смердов.

Существовало два порядка наследования: по завещанию, хотя ряд исследователей ставят под вопрос существование данного способа передачи наследства, и по закону. О завещаниях следует отметить, что они имели устную форму.

Наследственному праву зависимого населения посвящена одна статья, в которой закреплялось их особое юридическое положение, характеризующееся ограниченностью прав — после смерти смерда, наследство получали сыновья. В их отсутствие всё его имущество наследовал князь, за исключением некоторой части, которую получали незамужние дочери.

Что касается положения феодалов, то в данном случае круг наследников был шире. Имели право наследования законные дети, в том числе, дети от первого брака (ст. 94 «Будут ли дети, то чо первое жены, то то возмутъ дети матери своея; любо си на женоу възложил, обаче матери своей возмутъ» [2, с. 5]), при этом согласно ст. 100 отцовский двор получал младший из наследников, поскольку предполагалось, что к моменту смерти отца старшие сыновья уже сами смогут обеспечить себя собственным имуществом.

Особое положение имела вдова, так согласно ст. 93 она получала «выдел», но лишь в том случае, если «жена сядетъ по мужи», то есть повторно не выйдет замуж. Данная статья так же конкретизируется положением ст. 101, согласно которой, жена при малолетних наследниках должна хранить имущество, а в случае его утери, в том числе при повторном замужестве, обязывается компенсировать утраченное.

Что же касается дочерей, то согласно ст. 95 дочери при наличии сыновей не являются наследниками, за исключением той части имущества, которая является приданым, и которым их должны наделить братья. В дальнейшем дочери будут уравнены в наследственных правах с братьями.

Статья 98 посвящена незаконным детям феодала, например, детям рабынь. Они не имели наследственных прав, однако после смерти феодала они и их мать получали личную свободу.

Предусмотрена возможность разрешения наследственных споров уполномоченным лицом «детским» за установленную 108 статьей плату: «аже братья ростяжются перед княземъ о задницю, который детьский идеть их делит, то тому взяти гривна кун» [3, с.5].

Особый порядок наследования установлен для наследования после матери. Данный порядок регулируется ст. 103, 106. Здесь так же существует два порядка: по завещанию и по закону. Женщина сама могла определить своих наследников в завещании, в том числе дочерей. Что касается наследования по закону, то в данном случае наследовали те, с кем последние годы наследодательница проживала или на чьем обеспечении находилась, в том числе наследовать в данном случае могли и боковые родственники.

Русская Правда предусматривала также понятие заимствования (неудолжения) имущества при жизни. Заимствование осуществлялось путем установления определенных обязательств перед наследниками.

На основе Русской Правды были разработаны и другие локальные уставы наследования, которые сохранялись до

конца XVIII века. Например, уставы Костромской, Новгородской, Ростовской и других земель вводили свои дополнительные принципы наследования.

Подводя итог, можно сказать, что Русская Правда определяла правила наследования по принципу родства, устанавливала, что наследниками могли быть только мужчины, и предусматривала запрет на продажу или отчуждение наследственного имущества без согласия других наследников.

В целом наследственное право по Русской Правде оставалось довольно консервативным и жестким, не давая возможности неопределенности и разногласия в общественных отношениях. Однако оно было обусловлено историческими условиями того времени и являлось важным этапом в формировании института наследования в России.

Литература:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. / М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 546
2. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.1. Законодательство Древней Руси» Москва, изд. «Юридическая литература», 1984. С. 116
3. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.. Законодательство Древней Руси» Москва, изд. «Юридическая литература», 1984. С. 121
4. Солнцева И. В. К вопросу об институте наследования в период Киевской Руси // Известия высших учебных заведений. Общественные науки. — 2013. — № 2. — С. 14

Признание брака недействительным по мотиву недостижения брачного возраста: проблемы правовой оценки в регионах с пониженным брачным порогом

Карташова Алёна Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует проблемы правовой оценки браков, заключенных с лицами, не достигшими общеустановленного брачного возраста, в субъектах Российской Федерации, где законодательно допускается его снижение.

Ключевые слова: признание брака недействительным, брачный возраст, несовершеннолетние супруги, Семейный кодекс РФ, региональное законодательство, защита прав несовершеннолетних.

Семейное законодательство России устанавливает единый брачный возраст в 18 лет [1, с. 4]. Однако субъекты РФ активно пользуются правом, предоставленным статьей 13 СК РФ, снижая этот порог — в большинстве регионов до 16 лет, а в исключительных случаях и до 14. С одной стороны, такая практика отражает региональные культурные и демографические особенности. С другой — порождает серьезную правовую неопределенность при решении вопроса о признании таких браков недействительными. Формально брак заключен законно — с разрешения органов местного самоуправления. Но недостижение брачного возраста является прямым основанием для оспаривания, предусмотренным статьей 27 СК РФ [1, с. 4]. Возни-

кает коллизия: разрешение выдано, брак зарегистрирован, но норма об оспаривании продолжает действовать.

Исторически институт брачного возраста в России не был статичным. В дореволюционный период брачный возраст составлял 18 лет для мужчин и 16 для женщин, однако для жителей Закавказья допускались исключения — до 14 и 12 лет соответственно [4, с. 4]. Советское законодательство установило единый 18-летний возраст для обоих полов, и эта норма в основе своей сохраняется до сих пор. Однако современное регулирование предоставило субъектам РФ право корректировать этот порог с учетом местных традиций, что возвращает нас к дореволюционной модели правового плюрализма.

На сегодняшний день практически во всех регионах России приняты законы, допускающие вступление в брак с 16 лет. В ряде субъектов установлен еще более низкий порог. Например, в Республике Татарстан, Чеченской Республике, Республике Ингушетия законодательно закреплена возможность снижения брачного возраста до 14 лет при наличии особых обстоятельств [3, с. 4]. Перечень таких обстоятельств в каждом регионе определяется по-своему, но чаще всего включает беременность, рождение общего ребенка, непосредственную угрозу жизни одной из сторон. В Новгородской области брак может быть разрешен с 14 лет в случае беременности или рождения ребенка, а также при наличии иных исключительных обстоятельств, перечень которых законом не конкретизирован [2, с. 4]. Именно отсутствие конкретизации создает пространство для субъективного усмотрения как органов местного самоуправления, так и судов впоследствии.

Вопрос упирается в толкование самой нормы. Статья 13 СК РФ допускает снижение брачного возраста при наличии уважительных причин, перечень которых определяется региональным законодателем [1, с. 4]. Однако сам факт выдачи разрешения — это лишь административная процедура. Если впоследствии выяснится, что основание для снижения было формальным или надуманным, может ли это стать поводом для иска о недействительности? Семейный кодекс этот вопрос прямо не регулирует, что позволяет недобросовестным сторонам манипулировать нормами. Например, возможна ситуация, когда регистрация брака с несовершеннолетним используется для получения иных преимуществ (регистрации, наследственных прав и т. п.), а затем одна из сторон инициирует процесс о признании брака недействительным, ссылаясь на формальность оснований для снижения брачного возраста.

Особого внимания заслуживают случаи заключения брака с лицом младше 16 лет. В регионах, где это допускается, процедура обычно усложнена — требуется учет особых обстоятельств, перечисленных выше. Если суд установит, что данные обстоятельства были сфальсифицированы, брак может быть признан недействительным по иному основанию — например, как заключенный под влиянием обмана или при отсутствии добровольного со-

гласия [1, с. 4]. Фактически в такой ситуации мы имеем дело с порочной сделкой, прикрытой формально законным разрешением. Однако на практике доказать фальсификацию крайне сложно, особенно если прошел значительный срок с момента регистрации брака.

Статья 28 СК РФ определяет круг лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным [1, с. 4]. В случае с несовершеннолетними супругами это их родители, органы опеки и попечительства, прокурор. Однако если супруг уже достиг 18 лет, право на иск переходит исключительно к нему [1, с. 4]. Это означает, что родители утрачивают рычаги воздействия, даже если брак изначально был заключен под давлением. На практике это порой приводит к тому, что несовершеннолетнего фактически «терпят» до совершеннолетия, лишая его защитников в лице государства. Родители не могут оспорить брак, потому что их сын или дочь уже формально стали взрослыми. А сам несовершеннолетний, оказавшись в зависимом положении, часто не решается идти в суд.

С демографической точки зрения ситуация в регионах неоднородна. Если в Центральной России брачный возраст неуклонно повышается, и браки в 18 лет уже считаются ранними, то в республиках Северного Кавказа, где традиции сильнее формальных норм, ранние браки — скорее правило, чем исключение [5, с. 4]. При этом суды, рассматривая иски о признании недействительности таких браков, нередко отказывают, ссылаясь на законность выданного разрешения и формальный характер заявленных требований. Представляется, что такой подход опасен — он фактически легализует игнорирование интересов несовершеннолетнего, превращая брак в формальность. Кроме того, он противоречит основным началам семейного законодательства, закрепленным в статье 1 СК РФ, среди которых приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних.

Полагаю, что пробел в законодательстве можно устранить, дополнив Семейный кодекс положением о том, что наличие разрешения органов местного самоуправления не является безусловным доказательством соблюдения прав несовершеннолетнего. Суд должен оценивать реальные обстоятельства, побудившие органы власти снизить брачный возраст [4].

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026)
2. Закон Новгородской области от 02 февраля 2009 года N 465-ОЗ О порядке и условиях вступления в брак на территории Новгородской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет
3. Закон Чеченской Республики от 23 октября 2014 года № 49-РЗ «О порядке и условиях вступления в брак на территории Чеченской Республики лиц, не достигших возраста шестнадцати лет»
4. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023.
5. Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль // Народнонаселение. 2024.

Реформа наследственного права Петра I: Указ о единонаследии 1714 года

Карташова Алёна Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует реформу наследственного права, проведенную Петром I, и ее отражение в Указе о единонаследии 1714 года.

Ключевые слова: Указ о единонаследии 1714 года, Петр I, наследственное право, вотчина, поместье, майорат, недвижимое имущество, история права России.

Обращение к историческому опыту реформирования законодательства всегда актуально: анализ прошлых преобразований помогает не только понять логику современного правового регулирования, но и оценить эффективность тех или иных правовых решений. Указ о единонаследии 1714 года — яркий пример того, как политические и социальные изменения, инициированные государством, находят непосредственное отражение в нормах гражданского права. Введение принципа майората и окончательное уравнивание статусов вотчин и поместий стали не просто техническими корректировками, а настоящей правовой революцией, затронувшей имущественные интересы всего дворянского сословия.

Несмотря на то, что сам указ действовал относительно недолго — до 1731 года — его влияние на дальнейшее развитие наследственного права России трудно переоценить. Именно в рамках этой реформы были заложены основы для формирования единого понятия «недвижимое имущество», а также впервые на законодательном уровне было закреплено равенство наследников независимо от пола. В связи с этим представляется необходимым обратиться к анализу как предпосылок принятия указа, так и его ключевых положений, а также причин, обусловивших его последующую отмену.

Предпосылки данной реформы формировались на протяжении всего XVII века. В данный период времени наблюдается тенденция к всё большему уравниванию статусов поместья и вотчины. Соборное Уложение так же закрепляет ряд норм, свидетельствующих о постепенном стирании различий между двумя формами земельной собственности. [2, с. 4] Можно выделить две тенденции: ограничение прав, касающихся распоряжения недвижимостью владельцев вотчин и расширение прав помещиков. [4, с. 4] Еще при Иване IV было законодательно закреплено правило, согласно которому не только помещики, но и вотчинники теперь должны были отбывать обязательную военную службу и выходить в поход «конно, людно и оружно». С каждых 150 десятин земли землевладелец выводил в поле воина в полном вооружении. [3, с. 4] Эта тенденция к уравниванию статусов земельных владений в XVII веке создала основу для петровских преобразований.

Изменения, касающиеся порядка наследования были отражены в Указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 года или

Указе о единонаследии. Данный указ был принят в качестве меры предотвращения дробления земельных владений, ликвидации боярства и привлечения на государственную и военную службу детей дворян.

Согласно этому указу, статус вотчин был окончательно уравнен со статусом поместья, объединившись в одном понятии «недвижимое имущество», что закрепляется в I статье указа: «Всем недвижимых вещей, то есть, родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместей, также и дворов, и лавок» ... [1, с. 4]

Главным нововведением, согласно данному указу, было установление порядка наследования, при котором имущество полностью переходит лишь к одному из сыновей наследодателя, то есть устанавливалось ограничение относительно количества наследников. Данный порядок закрепляется во II статье, которая помимо прочего устанавливает равенство наследников независимо от пола: «То ж разумеется и о дочерях». [1, с. 4] Завещая имущество старшему наследнику, родители должны были так же позаботиться и об остальных детях, разделив между ними движимое имущество на своё усмотрение. Однако вступить в наследство младшие дети могли лишь по достижении определенного возраста, мужчины — 18 лет, женщины — 17 лет, до этих пор владельцем движимого имущества и попечителем младших детей является старший из наследников.

Важно отметить, что Петр I расширил права наследодателя, который получает право завещать недвижимость любому члену своей семьи, движимое имущество любому человеку. В случае же отсутствия и наследников, и завещания имущество передавалось ближнему родственнику, а прочее имущество подлежало разделу между прочими родственниками.

Указом так же предусмотрена возможность наследников защищать свои наследственные права при отсутствии завещания. «Буде же отец или мать умрет без духовной, то тотчас детям их объявить после смерти родителей своих, где они ведомы, и требовать, дабы пожитки описать, и дол им определить при свидетелех». [1, с. 4] Однако требовать получения наследства дети могли лишь по достижении определенного возраста: «А покамест наследники недвижимых вещей до дватцати лет возраста своего не придут, а другия, оставшияся в движимых имениях обоего пола до вышписанных лет не приспелют, никаким их писмам или записям не верит». [1, с. 4]

Что касается вдов, то при отсутствии наследников, всё имущество переходило им. В случае же смерти вдовы или пострига и отсутствия завещания имущество, принадлежавшее мужу, передавалось по нисходящей линии его рода, то же происходило и при повторном браке женщины. Данное положение закрепляется в IX статье указа, который в целом свидетельствует о возможности женщины распоряжаться имуществом посредством завещания.

Более того, согласно VIII статье при наличии у наследодателя детей от разных браков, завещая имущество он мог распоряжаться лишь своей вотчиной или поместьем. Не-

движимость жены, полученной ей в качестве приданого, не могла быть включена в завещание супруга.

Данный указ был одной из реформ Петра I, направленных на ликвидацию бояр, как сословия, повлекший за собой увеличение числа государственных и военных служащих и прекращение дробления земельных владений. Однако после смерти Петра указ будет отменен в 1731 году. Предпосылками данного события стали стремление дворян саботировать выполнение данного приказа, а также правление ряда монархов, стремившихся укрепить своё положение во главе государства, заручившись поддержкой знати.

Литература:

1. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: Именной указ 23.03.1714 // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 5, № 2789.
2. Памятники русского права. Вып. 4, Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649. — М.: Госюриздат, 1957. — 633 с.
3. Скрынников Р. Н. Иван Грозный / Руслан Григорьевич Скрынников. — М.: НАУКА, 1983. — 250 с.
4. Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / Коммент. Г. В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. — Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. — 448 с.

Трудоустройство российских граждан за рубежом: правовые проблемы и механизмы защиты

Карташова Алёна Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует правовые проблемы трудоустройства российских граждан за рубежом и механизмы защиты их трудовых прав.

Ключевые слова: трудовая миграция, *lex loci laboris*, коллизионные нормы, защита трудовых прав.

Для решения многих вопросов, возникающих при трудоустройстве российских граждан за пределами Российской Федерации, недостаточно знания национального законодательства — необходимо понимание международных норм и механизмов защиты трудовых прав. В настоящее время в Российской Федерации действует развитая система трудового законодательства, однако она практически не содержит коллизионных норм, регулирующих трудовые отношения с иностранным элементом. В результате российские работники, осуществляющие трудовую деятельность за рубежом, оказываются в правовом вакууме, подчиняясь исключительно законодательству принимающего государства.

Трудовой кодекс РФ не содержит коллизионных норм, что свидетельствует о несовершенстве правового регулирования трудовых отношений с иностранным элементом, в том числе применительно к правоотношениям, возникающим при трудовой миграции российских граждан [1, с. 4].

Подавляющее число государств в сфере международного трудового права руководствуется доктриной *lex loci laboris* (закон места осуществления трудовой деятельности). Данный принцип предполагает, что регулирование трудовых отношений осуществляется в соответствии с правовой системой того государства, на территории которого расположено предприятие, привлекающее работника [2, с. 4].

Указанный подход нашел нормативное закрепление в Европейской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 года). В частности, статьи 4 и 6 документа детализируют механизм применения презумпции в пользу законодательства страны, где осуществляется трудовая деятельность [3, с. 4]. Согласно положениям Конвенции, приоритет отдается праву государства, в котором работник: регулярно выполняет профессиональные обязанности (основное место работы), даже при наличии временных командировок в другие страны; наиболее интенсивно осуществляет дея-

тельность (при отсутствии постоянного места работы), что определяется по критерию частоты и длительности пребывания в конкретной стране [3, с. 4]. Такая правовая конструкция создает унифицированный подход для субъектов международного права.

Существенной проблемой является обеспечение правовой защиты граждан России, занятых трудовой деятельностью за пределами страны. Основная сложность связана с тем, что российские работники, находясь в иностранной юрисдикции, автоматически подчиняются нормам трудового законодательства принимающего государства [4, с. 4]. Это обусловлено пробелом в российском правовом поле, где отсутствуют коллизионные механизмы, позволяющие регулировать трудовые отношения в международном контексте.

Для устранения данной правовой неопределенности необходимо проведение консультаций и переговоров со странами-реципиентами трудовых мигрантов из России. Статистика и практика показывают, что в приоритетный список должны войти государства с наиболее интенсивными миграционными потоками, такие как Китай, Турция, Чехия, США, Канада, Израиль, а также ряд других стран [5, с. 4]. Разработка двусторонних соглашений и гармонизация правовых подходов могли бы создать правовые гарантии для соотечественников, минимизировав риски нарушения их трудовых прав.

В настоящее время одним из основных инструментов защиты прав российских граждан за рубежом является обращение в консульства и дипломатические представительства Российской Федерации. Федеральный закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» закрепляет полномочия консульских учреждений по защите прав и законных интересов граждан России, находящихся за пределами страны [6, с. 4]. Консулы оказывают содействие в вопросах трудоустройства, защищают интересы граждан в судебных и административных органах принимающего государства, оказывают правовую помощь.

Кроме того, российские граждане имеют право на обращение к Уполномоченному по правам человека в Рос-

сийской Федерации. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», жалобу уполномоченному необходимо подать до истечения года со дня нарушения прав и свобод заявителя или с того дня, когда ему стало известно об их нарушении [7, с. 4]. В жалобе нужно указать фамилию, имя, отчество и адрес заявителя, изложить суть решения или описать действия, нарушающие его права. К ней следует приложить копии решений, принятых по жалобе, рассмотренной в административном или судебном порядке [7, с. 4].

Такой способ защиты прав российских граждан, находящихся за границей, обеспечивается за счет взаимодействия Уполномоченного по правам человека в РФ с национальными омбудсменами принимающих иностранных государств и международными организациями. Это позволяет использовать механизмы международного сотрудничества для восстановления нарушенных прав соотечественников.

Вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие институтов защиты российских граждан в трудовых отношениях за рубежом, для большей эффективности необходимо совершенствовать внутреннее законодательство исходя из современных интересов и потребностей общества. В частности, представляется целесообразным:

- закрепить в Трудовом кодексе РФ коллизионные нормы, определяющие применимое право к трудовым отношениям с иностранным элементом;
- активизировать работу по заключению двусторонних соглашений о защите трудовых прав граждан со странами — основными реципиентами российской рабочей силы;
- расширить полномочия консульских учреждений в части оказания правовой помощи российским гражданам по трудовым спорам;
- создать специализированный государственный орган или уполномоченного по вопросам трудовой миграции, координирующего защиту прав российских граждан за рубежом.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Лушникова М. В. Коллизионное правовое регулирование международных трудовых отношений: теоретические проблемы и современная практика / М. В. Лушникова // Закон. — 2011. — № 10. — С. 66–75.
3. Конвенция о праве, применимом к контрактным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901889343> (дата обращения: 07.07.2026).
4. Дутов П. О. Современное состояние и основные направления совершенствования внешней трудовой миграции / П. О. Дутов // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 2. — С. 16–20.
5. Russians Who Fled War Return in Boost for Putin's War Economy [Электронный ресурс] // Bloomberg. — 2024. — 2 May. — Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-05-02/russians-who-fled-war-return-in-boost-for-putin-s-war-economy> (дата обращения: 07.07.2026).
6. Федеральный закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 28. — Ст. 3465.

7. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.

Особенности заключения и прекращения трудового договора с иностранным работником

Картасова Алёна Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует особенности заключения и прекращения трудового договора с иностранными гражданами в Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовой договор, иностранный работник, патент, разрешение на работу, срочный трудовой договор, прекращение трудового договора, защита трудовых прав.

Для решения многих вопросов, возникающих при заключении трудового договора с иностранным гражданином, недостаточно знания общих норм трудового законодательства — необходим учет особенностей правового статуса данной категории работников. В настоящее время в Российской Федерации действует Трудовой кодекс, содержащий специальную главу 50.1, регулиющую труд иностранных граждан. Однако правовое регулирование в этой сфере содержит ряд коллизий и пробелов, требующих научного осмысления и практического разрешения.

Вопрос заключения трудовых договоров с иностранными работниками регламентируется положениями главы 50.1 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Согласно нормам трудового законодательства, трудовой договор по общему правилу заключается на неопределенный срок, за исключением случаев, прямо предусмотренных статьями 59 ТК РФ. Из этого следует, что установление срочного характера трудового договора с иностранным гражданином, ограниченного периодом действия патента или разрешения на работу, противоречит действующей правовой модели [2].

Правовой анализ позволяет утверждать, что трудовой договор с иностранным работником должен носить бессрочный характер. При этом прекращение действия документа, легализующего трудовую деятельность иностранца (патента или разрешения на работу), является самостоятельным основанием для расторжения договора в соответствии с законодательством. Данный подход подчеркивает временный характер правомочий иностранного гражданина на осуществление трудовой деятельности в РФ, не нарушая принципа стабильности трудовых отношений [2].

В контексте совершенствования правового регулирования целесообразно рассмотреть предложения научного сообщества о внесении изменений в статью 59 ТК РФ. Ряд исследователей обосновывают необходимость закрепления специальной нормы, разрешающей заключение

срочного трудового договора с иностранными гражданами на период действия их разрешительных документов [2]. Такая корректировка позволила бы устранить существующую правовую коллизию, обеспечив соответствие условий договора специфике правового статуса данной категории работников.

Таким образом, действующее законодательство не предусматривает исключений для иностранных граждан при определении срока трудового договора, что требует либо строгого следования принципу бессрочности, либо внесения системных изменений в ТК РФ для учета особенностей их правового положения.

Особую актуальность в контексте трудовых отношений с иностранными гражданами приобретает вопрос легальности установления заработной платы в иностранной валюте. В соответствии с требованиями ст. 131 Трудового кодекса РФ и Федерального закона № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», выплата вознаграждения за труд на территории России допускается исключительно в национальной валюте — рублях [1]. Недопустимость включения в трудовые договоры условий о расчетах в иностранных денежных единицах или привязке размера заработной платы к курсу валют обусловлена императивными нормами валютного законодательства, направленными на защиту экономического суверенитета государства.

Данное обстоятельство также вызывает споры в правовой среде относительно возможности работникам-мигрантам получать заработную плату в рублях, но в зависимости от того или иного курса валют [3]. Обосновывается данная необходимость недостаточной устойчивостью курса рубля, что снижает приток высококвалифицированных специалистов.

Трудовой договор с иностранным гражданином, как и любой другой трудовой договор, может быть изменен в рамках процедур, предусмотренных главой 12 Трудового кодекса РФ. Однако специфика правового статуса иностранных работников, связанная с наличием разре-

шительных документов (патента, разрешения на работу), вызывает вопрос о необходимости уведомления территориальных органов МВД, как это требуется в случае с заключением и расторжением трудового договора.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к Федеральному закону от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ». В соответствии с п. 8 ст. 13 указанного закона, работодатель, привлекающий и использующий для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязан уведомлять территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте РФ, на территории которого иностранец осуществляет трудовую деятельность, о заключении и прекращении (расторжении) с ним трудового договора [4]. Данный федеральный закон не содержит положений, предписывающих работодателю подавать уведомление об изменении условий трудового договора с иностранным работником, соответственно изменение трудового догово-

вора с иностранным работником производится согласно общим положениям об изменении трудового договора.

Как уже было отмечено выше, о прекращении трудового договора работодателю необходимо сообщить в территориальные миграционные органы. Однако также по данному вопросу необходимо отметить наличие специальных оснований, отраженных в статье 327.6 Трудового кодекса РФ, основная часть которых связана с прекращением действия разрешительных документов (патент, вид на жительство и др.) [1].

Выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка выплачивается работнику, являющемуся иностранным гражданином или лицом без гражданства, при расторжении трудового договора в связи с приостановлением действия или аннулированием разрешения на привлечение и использование иностранных работников, на основании которого такому работнику было выдано разрешение на работу [1]. Отказ работодателя выплатить пособие может быть оспорен в судебном порядке.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Бочарников Д. А. Некоторые особенности правового регулирования трудовых отношений высококвалифицированных специалистов, привлекаемых научными и образовательными организациями / Д. А. Бочарников // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 2. — С. 152–158.
3. Штымова А. А. Особенности заключения трудового договора с иностранными гражданами / А. А. Штымова // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2018. — № 12 (28). — С. 153–155.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032.

Правовое регулирование франчайзинга в России

Кирсанова Мария Александровна, студент;

Обоймова Амалия Михайловна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Франчайзинг в настоящее время выступает одной из наиболее динамично развивающихся форм организации бизнеса, позволяющей правообладателю масштабировать свою бизнес-модель, а пользователю — начать предпринимательскую деятельность с минимальными рисками под известной торговой маркой. В современной экономике франчайзинг выступает системой экономических отношений, при котором франчайзер, являющийся создателем проверенной и успешной бизнес-концепции, предоставляет франчайзи право полностью копировать и использовать его бизнес-модель [1].

В России франчайзинг получил значительное распространение, особенно в сфере розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания и оказания услуг. По данным Franchiza.ru число франшиз

в России составляет 4015 на начало 2026 г., а оборот рынка франчайзинга в России 3,81 трлн руб. [2]. Однако действующее правовое регулирование франчайзинга существенно отстаёт от потребностей бизнес-оборота. Основным нормативный акт — глава 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) «Коммерческая концессия» была принята ещё в 1996 году и за прошедшие десятилетия претерпела лишь незначительные изменения [3].

Важно отметить, что сам термин «франчайзинг» в российском законодательстве отсутствует, что порождает терминологическую неопределённость и затрудняет правоприменение. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа современного правового регулирования франчайзинга

в России, выявления системных проблем и выработки практических рекомендаций по их устранению.

В экономическом смысле франчайзинг представляет собой систему взаимоотношений, в рамках которой правообладатель (франчайзер) предоставляет пользователю (франчайзи) за вознаграждение право использования комплекса исключительных прав, включающего фирменное наименование, товарный знак, коммерческое обозначение, секреты производства (ноу-хау) и иные охраняемые объекты интеллектуальной собственности, а также обеспечивает постоянное методическое и консультационное сопровождение. В ГК РФ данная конструкция получила наименование «договор коммерческой концессии» (ст. 1027–1040) [3]. Однако законодатель сознательно отказался от использования термина «франчайзинг», ссылаясь на то, что этот термин не имеет устоявшегося юридического содержания.

Отечественными цивилистами приводятся доводы о том, что понятие «франчайзинг» является идентичным понятию «коммерческая концессия», которое имеет свое отражение в законодательстве РФ, однако, на практике законодатели не выработали абсолютную дефиницию данного понятия [4]. Правовая природа договора коммерческой концессии традиционно вызывает дискуссии. Одни авторы относят его к лицензионным договорам, поскольку его предметом является предоставление прав на результаты интеллектуальной деятельности. Другие подчёркивают его самостоятельный характер, поскольку он включает не только передачу прав, но и оказание постоянного содействия, контроль качества и соблюдение единых стандартов.

На наш взгляд, договор коммерческой концессии следует квалифицировать как смешанный договор, в котором помимо лицензионного элемента присутствуют обязательства по оказанию консультационных услуг и элементы посредничества, свойственные агентскому договору. Особенность этого договора заключается в том, что он, во-первых, носит длящийся характер, во-вторых, предусматривает тесную кооперацию сторон, а в-третьих, предполагает определённую зависимость пользователя от правообладателя. Эта зависимость отражается в системе ограничительных условий, которые закон допускает в целях сохранения единого уровня качества товаров и услуг, но которые при злоупотреблении могут привести к ограничению конкуренции.

Согласно ст. 1027 ГК РФ, по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, коммерческое обозначение и другие объекты [3].

Условием данного договора является его предмет — комплекс исключительных прав (товарный знак, коммерческое обозначение, ноу-хау и другие охраняемые объекты), который должен быть определён сторонами

с указанием перечня передаваемых прав, территории, а также способов и объёма их использования (ст. 1027 ГК РФ) [3]. Обязанности правообладателя включают: передачу пользователю технической и коммерческой документации; предоставление информации, необходимой для осуществления прав; обеспечение государственной регистрации договора; постоянное консультирование и контроль качества. Пользователь, в свою очередь, обязан использовать права в соответствии с условиями договора, выплачивать вознаграждение, обеспечивать качество товаров и услуг на уровне, аналогичном качеству у правообладателя, соблюдать коммерческую тайну и информировать покупателей о том, что он действует по договору коммерческой концессии. Статья 1032 ГК РФ закрепляет за пользователем обязанность предоставлять потребителям все дополнительные услуги, на которые они могли бы рассчитывать, приобретая товары (услуги) непосредственно у правообладателя [3]. Критически важным элементом является государственная регистрация договора коммерческой концессии. Согласно ст. 1028 ГК РФ, договор подлежит регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент). Без регистрации договор считается ничтожным [3]. Это требование направлено на защиту прав третьих лиц, но на практике создаёт значительные административные барьеры. Сроки регистрации часто затягиваются, а процедура остаётся сложной и дорогостоящей, особенно для малого бизнеса.

Несмотря на наличие относительно развитой правовой базы, регулирование франчайзинга в России страдает рядом системных недостатков. Прежде всего, это отсутствие легального определения франчайзинга и терминологическая неопределённость. Как уже отмечалось, термин «франчайзинг» в ГК РФ не используется. В результате возникают споры о том, подпадают ли те или иные отношения под действие главы 54, если стороны назвали свой договор иначе. Судебная практика выработала подход, согласно которому квалификация договора определяется его содержанием, а не названием, однако единообразие отсутствует [5]. Поэтому мы предлагаем внести в ГК РФ понятие «франчайзинг» либо заменить название главы.

Также недостаточно проработаны вопросы ответственности правообладателя за действия пользователя перед потребителями. Не менее остры проблемы антимонопольного регулирования. Статья 1033 ГК РФ допускает включение в договор ограничительных условий: запрет пользователю конкурировать с правообладателем, запрет выбора поставщиков без согласия правообладателя, установление ассортимента и т. д. [3]. Однако эти нормы должны применяться в совокупности с Федеральным законом «О защите конкуренции» (№ 135-ФЗ) [6]. На практике возникает коллизия: если ограничительные условия выходят за разумные пределы, они могут быть признаны нарушением антимонопольного законодательства.

Всё больше франчайзинговых сетей используют облачные технологии, большие данные, искусственный ин-

теллект для управления качеством и логистикой. Однако существующие нормы ГК РФ не содержат положений о передаче прав на цифровые активы (базы данных, алгоритмы, программное обеспечение). Кроме того, возникает вопрос о допустимости использования таких оснащений в бизнесе. Отсутствие специального правового регулирования франчайзинга создаёт значительную неопределённость для всех участников рынка.

Также существенной проблемой остаётся сложность государственной регистрации. Процедура регистрации договора в Роспатенте требует подачи заявления, уплаты пошлины и ожидания до двух месяцев. Для динамичного бизнеса это неприемлемо, особенно когда франчайзи необходимо срочно начать деятельность. Предлагается перейти к уведомительному порядку регистрации или создать единый реестр франчайзинговых договоров с онлайн-доступом. По мнению Еремина А. А., отсутствие требований о государственной регистрации самого договора коммерческой концессии, может послужить поводом для злоупотребления как со стороны правообладателя, так и пользователя [7].

Назревшие проблемы требуют юридических решений. Федеральный закон «О франчайзинге», установил бы единые требования к договору, обязательный преддоговорный этап (раскрытие информации), стандарты добросовестности, механизмы разрешения споров, а также особенности ответственности. Такой закон мог бы устранить терминологическую неопределённость и создать прозрачные правила игры.

Вторым важным направлением является разработка национального стандарта (ГОСТ) по франчайзингу. Рос-

сийской Ассоциацией Франчайзинга 12 ноября 2025 года был предложен Проект ГОСТа о франчайзинге [8]. ГОСТ призван систематизировать лучшие практики, установить минимальные требования к франчайзерам, а также стандартизировать процедуры передачи прав и контроля качества. Хотя ГОСТ не имеет обязательной силы, его соблюдение могло бы стать преимуществом для добросовестных участников и облегчить судебную оценку разумности условий договора.

Проведённый анализ показывает, что правовое регулирование франчайзинга в России находится на переломном этапе. С одной стороны, глава 54 ГК РФ выполняет базовую функцию, обеспечивая юридическое признание договора коммерческой концессии и определяя его основные элементы [3]. С другой стороны, она не отвечает современным потребностям бизнеса, не учитывает международных стандартов и не решает острых проблем терминологии, регистрации и антимонопольного контроля. Основными направлениями развития должны стать: принятие специального федерального закона о франчайзинге, совершенствование регистрационных процедур, введение обязательного преддоговорного раскрытия информации и адаптация норм к вызовам цифровой экономики. Важным дополнением может стать национальный стандарт ГОСТ, который позволит повысить доверие к франчайзингу и снизить риски для малых предпринимателей [8]. Реализация указанных мер будет способствовать дальнейшему росту франчайзинга в России, повышению его инвестиционной привлекательности и гармонизации с международной практикой, что особенно актуально в условиях усиливающейся глобальной конкуренции.

Литература:

1. Палама И., Платонова Е. Д. Исследование видов франчайзинговых систем // Актуальные вопросы экономической теории и менеджмента: сборник научных трудов / под ред. [редколлегия]. — М.: МПГУ, 2026. — С. 15–22.
2. Рождественская А., Статистика рынка франчайзинга в России (данные Franshiza.ru) [Электронный ресурс] / Анна Рождественская // Собственное исследование franshiza.ru. — Режим доступа: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_i_analiz_rynka_franchisinga_v_rossii/.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Грынёв Э. А. К вопросу соотношений понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия» // Вопросы российской юстиции: сборник научных трудов. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2025. — Вып. 21. — С. 15–22.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»
6. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ
7. Еремин А. А. Применение и развитие договора коммерческой концессии в российском и зарубежном законодательстве [Электронный ресурс] / А. А. Еремин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: право. — 2014. — № 4.
8. Проект Федерального закона «О франчайзинге в Российской Федерации» (подготовлен РАФ, 2025) // Система ГАРАНТ. — Документ № 25678. <https://rusfranch.ru/proekt-gosta/?ysclid=mrduief8k1464120138>.

Место нотариата в системе правоохранительных органов Российской Федерации

Колесников Иван Андреевич, студент;

Тюлькин Иван Михайлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена анализу дискуссионного вопроса о месте нотариата в системе правоохранительных органов РФ. Авторы рассматривают сущность правоохранительной деятельности и критерии отнесения государственных структур к данному сегменту правовой системы. Особое внимание уделяется функциональной составляющей нотариата. Рассматриваются положения Основ законодательства РФ о нотариате, позиция Федеральной нотариальной палаты. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на продолжающиеся научные споры, нотариат следует рассматривать в качестве неотъемлемого элемента правоохранительной системы России.

Ключевые слова: нотариат, правоохранительные органы, защита прав граждан, превентивная функция, гражданский оборот, правовая система РФ.

Прежде всего необходимо понять, что представляют собой правоохранительные органы в Российской Федерации. Это комплекс государственных структур, профессиональных сообществ и отдельных лиц, которые опираясь на законодательные нормы и свое служебное или общественное положение, наделены особыми полномочиями для выполнения правоохранительных функций. Их деятельность направлена на урегулирование правовых конфликтов, защиту законных прав и интересов граждан, организаций и государства, а также на применение мер государственного принуждения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством [1].

Термин «нотариат» также не обладает четким и универсальным определением ни в научной среде, ни в правовых актах РФ. Он многогранен и может интерпретироваться по-разному. Например, его можно рассматривать как систему государственных институтов и специальных должностных лиц, которые опираясь на законодательство, уполномочены осуществлять нотариальные действия. Также нотариат выступает в роли правового механизма, цель которого — гарантировать устойчивость гражданско-правовых отношений и защищать права и интересы как частных лиц, так и организацию посредством нотариальных действий [2]. Помимо этого, нотариат рассматривают как учебный курс, целью которого является изучение вопросов организации нотариата и нотариального производства. Независимо от того, что брать за основу при определении «нотариата» правовой институт или же систему государственных учреждений в любом случае нотариат осуществляет защиту прав граждан их законных интересов, а также юридических лиц с помощью наделенных ему полномочий.

Вопрос о статусе нотариата в системе правоохранительных органов вызывает споры в научном сообществе. Хотя некоторые исследователи не причисляют нотариат к правоохранительным органам, его деятельность неразрывно связана с защитой прав и законных интересов физических и юридических лиц. Нотариальное заверение играет ключевую роль в оформлении

ряда юридически значимых документов и сделок, что делает нотариат значимым элементом правовой системы страны.

Нотариусы обязаны следовать нормам российского законодательства, включая гражданское, налоговое и наследственное право, и отвечать за свои действия перед государством и клиентами. Когда люди или организации обращаются к нотариусу для подтверждения или восстановления своих прав, начинается реализация правоохранительной функции нотариата.

Таким образом, можно утверждать, что нотариат выполняет одну из ключевых задач правоохранительной системы — защиту прав и интересов граждан и организаций. Более того, оформленные нотариусом документы могут впоследствии использоваться в судебных разбирательствах в качестве доказательств, что подчеркивает важность его роли в правовой системе.

Кроме того, дискуссии продолжают и относительно места нотариата в системе правоохранительных органов [3]. На сайте Федеральной нотариальной палаты отмечается, что современный нотариус занимает особое место в гражданском обороте [4]. Учебные программы юридических факультетов российских вузов включают изучение нотариата в рамках курса «Правоохранительные органы», что также свидетельствует о признании его значимости в правовой системе.

Касаемо законодательства, в статье Основ законодательства РФ о нотариате четко прописано, что нотариус — это не просто поставщик услуг, а защитник прав и интересов участников гражданских правоотношений. Миссия нотариата в России заключается в обеспечении защиты этих прав и интересов посредством совершения нотариальных действий от имени государства [5].

Помимо этого, нотариат имеет тесные связи с другими правоохранительными институтами. Например, его роднит с адвокатурой общая цель — обеспечение законных прав и интересов граждан и организаций. Также существует тесная взаимосвязь между нотариатом и судебной системой: оба института следят за соблюдением

законности в гражданском обороте, но с разными задачами. Если суд разрешает споры о праве, то нотариат занимается юридическим закреплением гражданских прав и предотвращением их возможных нарушений, то есть выполняет превентивную функцию.

Таким образом нотариат можно рассматривать как часть правоохранительной системы, которая тесно взаимодействует с другими ее компонентами и играет важную роль в защите законных интересов и прав граждан и организаций.

Литература:

1. Лонь С. Л. Правоохранительные органы: учебник. 5-е изд., испр. и доп. — Томск: Изд-во НТЛ, 2021. С. 464–469.
2. Сухарев А. Я. Российская юридическая энциклопедия. — М.: Инфра-М, 1999. С. 257–258.
3. Седлова Е. В. Нотариат: учебник и практикум для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2019. — 279 с.
4. Федеральная нотариальная палата // официальный интернет-сайт. // [Электронный ресурс] // URL: <https://notariat.ru/ru-ru/> (дата обращения: 09.07.2026).
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 10.06.2026). // СПС КонсультантПлюс.

Основные подходы к понятию финансовой системы России

Колесников Иван Андреевич, студент;

Тюлькин Иван Михайлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается проблема отсутствия единого общепризнанного определения финансовой системы России. Авторы анализируют три основные теоретические концепции, сложившиеся в экономической и юридической науке: функциональный, материальный и институциональные подходы. Особое внимание уделяется нормативно-правовому регулированию финансовых отношений в РФ. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что институциональный подход является наиболее объективным для понимания сущности финансовой системы России.

Ключевые слова: финансовая система России, правовое регулирование финансов, финансовые отношения, государственные и муниципальные финансы.

Прогресс в способах производства и расширение рынков сбыта продуктов человеческого труда привели к возрастанию научного интереса к теме финансовой системы. Однако, несмотря на оживленное внимание со стороны исследовательского сообщества, до сих пор не выработано единого видения этой структуры, ее значимости для современного социума и воздействия на государственное развитие. Разнообразие мнений ученых только усилилось, а четкое и формализованное определение понятия «финансовая система» по-прежнему отсутствует.

Разброс взглядов в значительной мере обусловлен различием теоретических концепций, которые формировались в различных исторических и государственных контекстах, влияя на логику научного осмысления в рамках отдельных экономических школ. Е. Ю. Грачёва справедливо подчеркивает, что анализ сущности финансовой системы не должен игнорировать ни ее правовую форму, ни экономическое содержание [1].

В трудах как юристов, так и финансистов можно выделить несколько ключевых подходов к трактовке сущности финансовой системы: функциональный, материальный и институциональный [2].

Функциональный подход рассматривает финансовую систему как комплекс взаимосвязанных сфер финансовых отношений. Например, экономист Г. М. Колпакова определяет ее как совокупность блоков, звеньев и подзвеньев финансовых отношений, включая государственные и местные финансы, а также финансы юридических и физических лиц [3]. В правовой научной среде это определение расширяется и включает финансовые институты, бюджетные отношения, отношения по формированию и использованию государственных внебюджетных фондов, финансы предприятий и организаций, кредитные и страховые отношения. По сути, все эти элементы можно разделить на две большие группы: финансы централизованных и децентрализованных фондов.

Материальный подход получил свое развитие еще в XIX веке. В. А. Лебедев, например, включал в понятие финансов все государственные доходы, рассматривая их как общие средства, которые государство может использовать для реализации своих целей — будь то личные услуги граждан или различные материальные ресурсы, капиталы, денежные сборы и прочее. А. З. Дадашев и Д. Г. Черник в свою очередь полагают, что финансовая система представляет собой совокупность финансовых

ресурсов всех участников процесса воспроизводства общественного продукта, акцентируя внимание на материальном, стоимостном аспекте этих отношений. Ученые-материалисты выделяют такие элементы финансовой системы, как: государственные финансы (федеральный бюджет и бюджеты субъектов федерации, федеральные и региональные внебюджетные фонды); местные финансы (местные бюджеты); частные финансы (денежные средства юридических лиц и других организаций, действующих на основе частной собственности, а также средства физических лиц); иные финансы (например, фонд страхования вкладов).

Институциональный подход фокусируется на институтах, которые осуществляют финансовые операции и управляют ими. В юридической литературе, например, Д. Н. Дружинин описывает финансовую систему как совокупность финансовых институтов, государственных органов и учреждений, которые в рамках своих полномочий занимаются финансовой деятельностью. С экономической точки зрения она представляется как совокупность хозяйствующих субъектов, которые занимаются финансовым посредничеством и сопутствующими видами деятельности.

Литература:

1. Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юриспруденция, 2000. С. 126.
2. Игонина Л. Л. Теоретические представления о сущности финансовой системы. // Финансовая аналитика: проблемы и решения, 2017. № 1. С. 331.
3. Пятковская Ю. В. Финансовая система России как базовая категория финансовой науки и науки финансового права: подходы к определению. // Baikal Research Journal, 2016. № 2. С. 20.
4. Пиликин Г. Г. Становление финансового права России (теория и практика особой формы публичного права): монография. — М.: Юридическая фирма «Контракт», 2017. С. 352.
5. Мехралиева Л. Н. Финансовая система Российской Федерации. // Экономика и социум, 2017. № 4. С. 915.

Понятие и уголовно-правовое значение вменяемости как признака субъекта преступления

Колесников Иван Андреевич, студент;

Тюлькин Иван Михайлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается вменяемость как фундаментальный признак субъекта преступления, определяющий возможность привлечения лица к уголовной ответственности. Авторы анализируют законодательный пробел в определении термина, раскрывая его содержание через противопоставление понятию невменяемости. Особое внимание уделяется правовому значению данного института.

Ключевые слова: вменяемость, субъект преступления, уголовная ответственность, судебно-психиатрическая экспертиза.

Вменяемость — один из ключевых признаков, определяющих статус лица как субъекта преступления.

Несмотря на многообразие подходов и разнообразие научных взглядов, все финансовые отношения в Российской Федерации регулируются законодательством, которое включает Конституцию РФ, Бюджетный и Налоговый кодексы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что институциональный подход представляется наиболее объективным для понимания сущности и структуры финансовой системы Российской Федерации. Право выступает посредствующим звеном в системе социальных отношений, и это особенно ярко проявляется в сфере финансов: именно финансово-правовые институты задают рамки и правила, в соответствии с которыми функционируют различные социальные процессы.

В этом контексте финансовая система Российской Федерации предстает как комплекс специализированных институтов, каждый из которых отвечает за определенный спектр экономических отношений. Эти институты занимаются формированием, распределением и использованием государственных и муниципальных финансовых ресурсов, при этом у каждого из них есть свои уникальные механизмы работы и четко определенная цель [5].

Помимо нее, к основным характеристикам относятся достижение возраста, с которого наступает уголовная от-

ветственность согласно законодательству, и наличие вменяемости в момент совершения деяния, противоречащего нормам уголовного права и представляющего угрозу для общества.

Кроме этих базовых признаков, существуют и дополнительные (факультативные) характеристики субъекта преступления. К ним относятся демографические особенности (пол, возраст, род занятий и прочее), характеристики правового статуса (гражданство, занимаемая должность), специфика взаимоотношений между потерпевшим и субъекта преступления (например, родственные связи или отношения зависимости), а также особенности психического состояния человека в момент совершения противоправного акта [1].

Рассмотрим подробнее понятие вменяемости. Хотя в Уголовном кодексе РФ и других нормативно-правовых актах не содержится прямого определения этого термина, законодательство формулирует концепцию невменяемости. Это позволяет косвенно понять, что подразумевается под вменяемостью в уголовном праве.

Вменяемость подразумевает, что человек в момент совершения общественно опасного деяния способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (или бездействия), руководить ими и нести ответственность за содеянное. Вопрос о вменяемости правонарушителя находится в компетенции суда. При вынесении решения учитываются как медицинский критерий (наличие или отсутствие психического заболевания или расстройства), так и юридический (оценка того, повлияло ли психическое состояние человека на его поведение в момент совершения инкриминируемого деяния).

В доктрине уголовного права также распространена теория отражения [2]. Согласно ей, основанием для вменения ответственности служит способность человека адекватно воспринимать реальность и на этой основе выбирать модель поведения, которая отражает его виновное отношение к собственным действиям и их последствиям. С точки зрения уголовного права, если из-за психического расстройства у человека нарушена способность к адекватному отражению действительности, это свидетельствует о его невменяемости. В таком случае лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за причиненный вред [3].

Для признания лица вменяемым необходимо соответствие двум основным критериям: медицинскому (биологическому) и юридическому (психологическому).

Медицинский критерий оценивает психическое состояние человека. Вменяемым считается тот, кто находится в здравом уме и способен осознавать свои действия. У него нет хронических психических расстройств, которые прогрессируют и трудно или невозможно излечить (например, шизофрения, паранойя), временных расстройств, завершающихся выздоровлением (патологическое опьянение, патологический аффект), а также слабоумия (дебильность, имбецильность, идиотия). При не-

значительных психических отклонениях, не влияющих на способность осознавать и контролировать свои поступки, человек также может быть признан вменяемым.

Юридический критерий оценивает, насколько выражено психическое отклонение, чтобы признать человека неспособным отвечать за свои действия. Он основывается на тех же клинических данных, что и медицинский критерий, но рассматривает их с точки зрения влияния на психические процессы, связанные с саморегуляцией [4]. Этот критерий включает два признака: интеллектуальный и волевой. Интеллектуальный признак подразумевает, что человек в момент совершения преступления способен осознавать характер и общественную опасность своих действий (бездействия). Волевой признак означает, что человек может контролировать свое поведение и руководить своими действиями.

Вменяемость имеет большое значение в уголовном праве. Именно она позволяет ставить вопрос о виновности человека и его уголовной ответственности. Согласно ст. 19 УК РФ, к уголовной ответственности может быть привлечено только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законодательством [5]. Когда человек признается в совершении противоправного деяния, суд в первую очередь оценивает его способность осознавать свои действия и руководить ими — иными словами, его вменяемость. Ведь если будет установлено, что в момент совершения преступления человек не мог полноценно контролировать свои поступки из-за психических расстройств, умственных нарушений или иных патологий, это может стать основанием для освобождения от уголовной ответственности.

В таких случаях законодательство предусматривает проведение специализированной психиатрической экспертизы. Специалисты тщательно исследуют психическое состояние обвиняемого, оценивают его когнитивные способности и уровень самоконтроля, чтобы выяснить, был ли он в состоянии осознавать характер и общественную опасность своих действий на момент совершения преступления.

Таким образом, от того, будет ли обвиняемый признан вменяемым или невменяемым, напрямую зависит юридическая оценка его поступка и последующая санкция. Если экспертиза подтвердит невменяемость, суд может принять решение о применении не стандартных мер наказания, а принудительных медицинских мер. Напротив, подтверждение вменяемости позволит квалифицировать деяние в соответствии с уголовным законодательством и назначить наказание. Важно подчеркнуть, что оценка вменяемости производится исключительно на момент совершения преступления. Только лицо, которое на тот момент обладало способностью осознавать и руководить своими действиями, может быть привлечено к уголовной ответственности, если же такой способности не было, и вменяемость отсутствует, а значит, не может идти речи и о самом преступлении в юридическом смысле.

Литература:

1. Шеслер А. В. Состав преступления: монография. — Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2016. — 90 с.
2. Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы): дис. д-р. юрид. наук. — М., 2022. — 552 с.
3. Уткин В. А., Шеслер А. В. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. — 600 с.
4. Ткаченко А. А. Руководство по судебной психиатрии: практическое пособие в 2 т. Том 1. 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 947 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026). // СПС КонсультантПлюс.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 28 (631) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 22.07.2026. Дата выхода в свет: 29.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.